

Анна Орлова

НАУКА И ПРОКЛЯТИЯ

Посвящается моим замечательным бетам Рите Вирд, Ире Юрасовой и Юле Фридман

Часть первая

ВВЕДЕНИЕ

— Мисс Саттон? — Дверь протяжно скрипнула, и Милдред Уоткинс просунула в щель кудрявую головку. — Вам письма.

— Спасибо, мисс Уоткинс. — Я нетерпеливо привстала, увидев конверт со штемпелем Уортфинского королевского университета. Наконец-то!

Секретарша, нескладная дева неопределенных лет, аккуратно положила передо мной три конверта и поправила очки в толстой роговой оправе.

— К вам еще посетитель, мисс Саттон. Вот его карточка.

Бросив взгляд на белоснежную визитку, где золочеными буквами было выведено «Джозеф Харпер, барристер», я приподняла брови. С какой стати со мной ищет встречи какой-то незнакомый адвокат?!

— По-видимому, это к мистеру Лукасу, — отмахнулась я, потянувшись к канцелярскому ножу. — Тот сумасшедший снова вздумал судиться, все выискивает плагиат.

— Нет, мисс Саттон. — Милдред сцепила руки перед собой и непреклонно покачала головой. — Он сказал, что хочет видеть лично вас!

— Тогда пригласи его, пожалуйста, — рассеянно попросила я и прикусила губу, обнаружив в вожделенном конверте густо исчерканные красным листки.

Исправлений там было куда больше, чем, собственно, текста, а большинство пометок оказались откровенно хамскими: «Идиотизм!», «Только женщина могла до такого додуматься!» и коронное редакторское «Неприемлемо!»

По-видимому, мистер Эверетт, почтенный редактор «Научного вестника Уортфинского королевского университета», был сильно не в духе, когда на глаза ему попала моя злосчастная статья. Впрочем, по мнению мистера Эверетта, женщины смыслили в науке куда меньше собак, а в вопросе наследственности могли иметь лишь сугубо практические знания.

Мне же для докторской нужны минимум две дюжины научных статей, и «Научный вестник Уортфинского королевского университета» для их публикации подходил идеально. Можно попробовать «Манчестерский научный журнал» и «Вестник биологии и химии Шеффилдского национального университета», именно к ним я обращалась при защите кандидатской. Но двадцать четыре статьи в журналах, выходящих раз в квартал... Ждать придется долго, а внести все требуемые мистером Эвереттом правки означало бы выхолостить идею, оставив лишь пустые рассуждения о новизне темы и несомненной ее сложности. Еще бы!

Деликатное покашливание оторвало меня от нелегких раздумий. Впрочем, тут и думать не о чем. Даже если я соглашусь со всеми исправлениями, в следующий раз редактор снова найдет, к чему придраться. И будь ты хоть семи пядей во лбу, все равно останешься хуже самого ленивого аспиранта-мужчины!

Я смахнула в ящик стола позорное письмо и лишь затем взглянула на почтенного адвоката.

— Добрый день, мисс Саттон, — вежливо улыбнулся он, слегка поклонившись.

У него были седые волосы, тщательно уложенные ароматным воском, такие же седые бакенбарды и располагающий глубокий голос. Серый костюм в едва заметную синюю полоску, белоснежная сорочка, запонки и булавка для галстука из белого золота с сапфирами, портфель из телячьей кожи — все атрибуты преуспевающего юриста.

Руки я ему не подала, ограничилась сухим кивком. Ничего хорошего этот визит не сулил.

— Здравствуйте, мистер... — я опустила взгляд на визитку, — Харпер. Не знаю, чем могу быть вам полезна.

Вежливую попытку его спровадить он выслушал со столь же вежливой улыбкой, затем оглянулся на приоткрытую дверь.

— Вы позволите? Боюсь, разговор весьма деликатен.

При всех своих многочисленных достоинствах Милдред обладала одним весьма существенным недостатком — неистребимым любопытством. Впрочем, в НИИ Родовой магии это пороком не считалось, тут сплетничали все.

— Конечно, — неохотно согласилась я. — Присаживайтесь, мистер Харпер.

В конце концов, неприятности следует встречать с открытым забралом, даже если ты — женщина. Особенно если женщина.

Адвокат тщательно прикрыл дверь (мне послышался разочарованный стон секретарши) и уселся, поставив на колени портфель.

— Мисс Саттон, не буду ходить вокруг да около. — Он щелкнул замочком и вытащил картонную папку. Извлек из нее два листа дорогой мелованной бумаги и, привстав, положил передо мной. — Я уполномочен предложить вам соглашение. Ознакомьтесь, будьте любезны.

Хмыкнув, я принялась читать, и по мере чтения брови у меня ползли все выше и выше.

— Что это? — Я брезгливо, одним пальцем отодвинула сей канцелярский шедевр и воззрилась на адвоката.

— Вам что-то непонятно? Я могу растолковать спорные места, — предложил он с готовностью, чуть подавшись вперед.

— Непонятно, — согласилась я, устало потирая лоб. — Простите, но сам этот договор — нелепость!

— Почему же? — Адвокат, кажется, обиделся. — Уверяю, формулировки подобраны максимально точно и полностью отражают волеизъявление моего клиента.

— То есть, — я нашла в тексте нужное место и подчеркнула его ногтем, — Фицуильям Скотт, барон Мэлоуэн, всерьез предлагает мне, мисс Маргарите Саттон, законный брак?

Как всегда, при звуке своего полного имени я поморщилась. Ох уж эта мама со своим пристрастием к звучным именам! Надо же было назвать дочерей Маргаритой, Ирениэль и Джульеттой! Мы всегда предпочитали сокращенный вариант.

— О, разумеется! — Адвокат чуть заметно улыбнулся. — Обратите внимание, если по истечении трехлетнего периода вы пожелаете означенный брак расторгнуть, барон обязуется этому всецело содействовать, даже готов выплатить солидную компенсацию.

И воздел указательный палец.

Я молча разглядывала визитера, подспудно ожидая, что сейчас в кабинет ворвутся сестры с криком: «Шутка!» Хотя до сих пор Ирэн ограничивалась максимум стаканом холодной воды на подушку утром, а Джули и вовсе к розыгрышам не склонна. Коллеги же вряд ли до такого додумаются.

— Зачем? — спросила я, устав от этого нелепого разговора. — Объясните, зачем титулованному аристократу жениться на простой горожанке, которую он в глаза не видел? Даже в наше просвещенное время баронство кое-что значит!

— Вот именно! — просиял мистер Харпер, как будто я была свидетелем, чьи показания позволили ему добиться оправдания клиента. — Баронство кое-что значит!

Я встряхнула волосами. Ах, как ругалась мама, когда я еще девчонкой обрезала свои рыжие косы! Теперь они отросли ниже плеч, но все еще были далеки от прежней длины по пояс.

— Вы так и не ответили, зачем барону этот нелепый брак.

— Разумеется, с той же целью, с которой заключаются все прочие браки, — ответил юрист, пригладив седые бакенбарды. — То есть для рождения потомства.

Ощувив желание с размаху опустить на седую макушку адвоката его собственный портфель, я глубоко вздохнула.

— Почему же многоуважаемый барон не хочет, чтобы наследника ему родила девушка его круга?

По-видимому, вопрос угодил в яблочко. Адвокат сконфуженно кашлянул и отвел взгляд.

— Я уже говорил, вопрос весьма деликатный. Надеюсь, мои слова останутся между нами?

— Конечно, — кивнула я настороженно. Не нравились мне такие многозначительные вступления.

— Видите ли, мисс Саттон, у барона имеются некоторые затруднения...

— Какого рода? — бесцеремонно перебила его я, устав от юридических экивоков.

Адвокат наконец посмотрел мне прямо в глаза. И проронил одно слово:

— Проклятие.

Я пожала плечами и одернула жакет.

— Сочувствую барону, однако при чем тут я?

— Буду откровенен. — Голос адвоката сделался тих и вкрадчив. Таким только доверчивых кроликов приманивать. — В своей кандидатской диссертации вы рассматривали вопросы наследственности, передачи и искажения (мутации) магических даров в поколениях. И, по мнению весьма компетентных лиц, которых мне не хотелось бы называть, объект исследований М. - вы сами.

В горле разом пересохло.

— Чуть! — выдавила я, вздернув голову. — Разумеется, я не разглашала имени объекта исследования, однако...

Глаза юриста блеснули, и я поняла, что сделала непростительную ошибку. Не стоило уходить в глухую оборону, это было косвенным подтверждением его правоты.

— Мисс Саттон, — теперь уже перебил он, примирительно подняв раскрытые ладони, — не будем спорить. Я уполномочен лишь сделать вам предложение и получить ответ.

— Что же. — Я глубоко вздохнула и поднялась. — Тогда мой ответ «нет».

— Очень жаль, — сдержанно произнес юрист и, забрав бумаги, откланялся.

Закрыв за ним дверь, я упала в кресло.

— Чаю? — предложила Милдред, просунув голову в кабинет.

Вообще-то она была не моей личной секретаршей — до такой роскоши я дорасту не скоро, — а числилась за нашим отделом. Но в июле — августе большинство сотрудников разбежались в отпуска, так что мы с Милдред остались куковать вдвоем.

— Да, пожалуйста, — откликнулась я рассеянно, вертя в пальцах карандаш.

Из головы не шел странный визит, о реальности которого свидетельствовала карточка, вызывающе белеющая на темном лаке стола. Зря я была столь безрассудна... Впрочем, какой толк жалеть? Вопрос закрыт. И я, уже почти не прилагая усилий, улыбнулась Милдред, бочком протискивающейся в кабинет с подносом.

Знала бы я, как ошибалась!..

Был теплый летний вечер. Столицу наполнил тихий шум голосов, музыки и смеха. Возле кафе и кондитерских выставили на улицу столики, так и манившие присесть, но веселиться не тянуло, день выдался тяжелый. Я так и не решила, что ответить на оскорбительное письмо редактора, и больше не собиралась об этом думать. Только не сегодня! Хотелось тихого уютного вечера в саду в тени старой яблони — небольшой передышки, после которой можно с новыми силами ринуться в бой.

Я неторопливо шла домой, размахивая сумочкой и прижимая к груди пакет с эклерами. Пахло от него умопомрачительно, и я уже предвкушала неторопливое чаепитие. Вечер пятницы — маленький еженедельный праздник, островок покоя перед выходными. Дома, скорее всего, одна Риш, которая, по обыкновению, возится в саду или в мастерской. Мама наверняка еще

торчит в своей студии, ей дни недели не писаны, а Джули, как всегда, умчалась инспектировать очередной ресторанчик. Ничего, зато Риш надергает своих травок и заварит умопомрачительно вкусный чай — сладкий, ароматный, с чабрецом и мятой.

Я сглотнула набежавшую слюну и ускорила шаг. Мимо, звеня, прогрохотал трамвай. Тихие улочки, тенистые сады, детский смех, скрип качелей.

Оставалось пройти всего несколько кварталов, когда в нескольких шагах от меня притормозил черный автомобиль. Из него выбрался высокий мужчина в темном костюме и окликнул:

— Мисс, вы не подскажете?..

— Конечно. — Я нехотя остановилась и, поколебавшись, улыбнулась.

В нашем районе сложная нумерация домов, так что чужаки тут частенько блуждают.

Высокий темноволосый незнакомец со шрамом на щеке растянул губы в ответной улыбке и шагнул ко мне. Отчего-то мне стало не по себе, захотелось развернуться и бежать куда глаза глядят. Глупости! Я мотнула головой и лишь покрепче прижала к себе пакет с эклерами.

— Мисс, — так же негромко сказал брюнет, глядя мне в лицо. — Вы — Маргарита Саттон?

— Да, — отозвалась я машинально.

Его серые глаза сверкнули, и я, запаниковав (зачем ему мое имя?!), дернулась... Не успела. Рука незнакомца змеей метнулась вперед, и на моем правом запястье с тихим щелчком замкнулся браслет. Пакет с выпечкой полетел вниз, по мостовой рассыпались облитые шоколадом эклеры.

Удар сердца — и такой же браслет защелкнулся на левом запястье. Я скосила глаза на свои безвольно повисшие руки, обхваченные тонкими серебряными ободками с черно-алой вязью непонятных знаков. Ободки эти не были соединены друг с другом, как классические наручники, а выглядели как обычное украшение, — будто по изящному браслету на каждую руку надели. Магические? Но ведь я не опасная преступница, а этот тип совсем не похож на полицейского! Не говоря уж о том, что мне не предъявили ни удостоверение, ни ордер.

Да что он себе позволяет?! Я попыталась закричать, привлечь внимание мирно ужинавших соседей, из чьего приоткрытого окна доносились аппетитные запахи жареного мяса и карри. Но из моих приоткрытых губ не вырвалось ни звука. Тело не подчинялось, я даже языком шевельнуть не могла!

Брюнет вздохнул и, взяв меня за локоть, сказал устало:

— Пойдемте, мисс Саттон.

Меня что, похищают посреди города, практически у всех на глазах?!

Он усадил меня — безвольную, неспособную не то что сопротивляться, а хотя бы мычать, — на пассажирское сиденье, устроился рядом и скомандовал:

— Поехали, Майкл!

И мы поехали. Водитель рулил, не задавая вопросов, только посматривал на нас в зеркало.

Я сидела истуканом, безвольно мотаясь туда-сюда на поворотах. Автомобиль был дорогим, с плавным и почти бесшумным ходом, поэтому в нормальных обстоятельствах я бы наслаждалась видом из окна. Теперь же я лишь беззвучно ругалась и паниковала.

Брюнет осторожно придерживал меня за плечи, не давая полететь носом вперед, и не выказывал ни малейших признаков сомнений или нервозности. Он что, каждый день девиц похищает?!

Автомобиль вырулил на шоссе. С каждым километром все меньше верилось, что пунктом назначения окажется какой-нибудь ресторанчик, полный восхищенных зрителей. Для сна происходящее было слишком реальным: твердое плечо незнакомца под моей щекой, от которого пахло горьковато-пряно; затекшие до полной бесчувственности руки; асфальт ложился под колеса с тихим шуршанием; из приоткрытого окна пахло пылью и нагретой

дорогой.

Это длилось и длилось, точно в кошмаре, из которого все никак не удастся вынырнуть в реальность. Я глубоко вздохнула. Немедленно успокоиться и наконец включить мозги!

Какой стыд, старший научный сотрудник мисс Грета Саттон! Что бы сказал ваш научный руководитель, узнав, что в критической ситуации вы утратили ясность мыслей?

— Потерпите, — сказал мой похититель чуть хриповато, по-видимому приняв мой вздох за страдальческий всхлип. — Осталось немного.

И крепче прижал меня к каменному плечу.

Будем рассуждать логически: кому и с какой стати понадобилось меня похищать? Романтической я сроду не была, так что любовный мотив отбросила сразу. Выкуп за меня тоже требовать глупо, семья не бедствует, однако сколько-нибудь солидным капиталом не разжилась.

Остается два варианта. Либо кто-то из моих научных оппонентов окончательно свихнулся, либо кое-кто потерял терпение. И даже в последнем варианте есть выбор: дорогой папенька или барон... как там его?

В стрессовой ситуации память сработала без осечек. Фицуильям Скотт, барон Мэлоуэн. Кажется, его поместье недалеко от столицы. И точно. Автомобиль вскоре свернул с шоссе и покатил по узкой дороге через поля и луга, которые затем сменились лесом. Когда после очередного поворота глазам открылась серая громада замка, я лишь тяжело вздохнула.

Автомобиль, прогрохотав по мосту, въехал в каменный двор. Приехали!

— Приехали, — вторил моим мыслям наглый похититель.

Как только водитель затормозил, брюнет распахнул дверцу и бережно подхватил меня на руки. Разумно, вряд ли я в состоянии идти на своих двоих.

Мой... вероятно, самозванный жених удерживал «невесту» на весу без труда, что внушало невольное уважение.

— Как вы себя чувствуете, мисс Саттон? — спросил он напряженно, поправив лезущую мне в рот рыжую прядь.

Я засопела, пытаясь хоть так высказать свое возмущение. Он что же, ждет подробного ответа? Слабоумный? Подумать только, уволок меня, как дракон в пещеру, а теперь пытается поддерживать светскую беседу! И ведь не боится, что я заявлю на него в полицию. Лицо не прячет, даже глаз не отводит, давая рассмотреть его во всей красе.

Хорош. Мрачноват, правда, и шрам на щеке его не красит, но в остальном недурен: серые глаза, обрамленные длинными темными ресницами; короткие темно-каштановые волосы открывают высокий лоб и аккуратные уши; лицо с чеканными чертами, только вот нос сломан, и не единожды.

— Давайте так, — заметив мой взгляд, он сжал узкие губы и прищурил глаза. — «Да» — моргните один раз. «Нет» — дважды. Договорились?

Ладно уж, мне нетрудно. Я согласно смежила веки. Нужно как-то находить пути коммуникации, как любит говаривать мистер Причард, наш замдиректора, когда главный бухгалтер снова ругается из-за превышения норм затрат экспериментальных материалов.

При мысли о родном НИИ сердце защемило.

— С вами все в порядке? — тут же спросил брюнет.

Поколебавшись, я все же просигналила: «Да!»

Со мной все превосходно! Разве может быть иначе, когда тебя похитили и уволокли невесту куда?

— Прекрасно, — начал было он, но наше едва наладившееся общение прервали.

— Это она? — сухо поинтересовался женский голос.

— Да, — кажется, нехотя ответил он, оборачиваясь.

— Не первой свежести, — заметила дама неодобрительно.

Мне, конечно, не семнадцать, но и до преклонных лет далековато: через два месяца исполнится двадцать пять. Кто она такая? Неужели соперница?

Леди, верните мне подвижность, и я охотно уступлю вам честь называться женой этого сумасшедшего! Даже не стану писать заявление в полицию, дезоксирибонуклеиновой кислотой клянусь!

Увы, губы по-прежнему не слушались, так что вместо прочувствованной тирады с них сорвался лишь тяжкий вздох.

Мой похититель промолчал. Ладно, сделаем зарубку на память.

— Все готово, — продолжила женщина и принялась командовать. — Мэри, Бетти, помогите невесте. Через час она должна быть в часовне.

— Да, миледи, — пропищали два голоса, а потом меня куда-то понесли...

Барон сдал меня с рук на руки служанкам, которых, кажется, нисколько не смущала ни моя подозрительная вялость, ни даже браслеты на руках. Вдвоем они споро стащили рабочее платье, обтерли меня розовой водой и расчесали волосы, громко восхищаясь их ярким рыжим цветом.

— Вы такая красивая, миледи, — прошептала румяная хохотушка Бетти, разворачивая мое безвольное тело к старинному ростовому зеркалу.

Из него на меня смотрела... не я. Сроду не носила шифоновых платьев, так мягко и завлекательно обрисовывающих фигуру.

Нежнейшая ткань оттенка топленого молока скрывала меня от шеи до запястий, надежно пряча проклятые браслеты, снизу юбка скромно закрывала колени. На распущенные, слегка вьющиеся рыжие волосы водрузили веночек из флердоранжа. На талии застегнули чеканный пояс, подчеркивающий ее тонкость и крутизну бедер, на высокой груди приколоты брошь-камею.

Худосочностью я, прямо скажем, никогда не отличалась, что, между прочим, доставляло массу неудобств. Например, на работу приходилось надевать строгие, почти монашеские платья, иначе сотрудники-мужчины норовили оценить вовсе не мой ум, а иные достоинства.

— Повезло лорду. — Мэри прикусила губу, окинув меня ревнивым взглядом.

Похоже, горничная вздыхает по хозяину — история стара как мир.

В дверь постучали.

— Пора, — шепнул кто-то, приоткрыв ее на волосок.

Бетти охнула, Мэри опустила глаза, и меня в четыре руки повели-потащили к выходу.

Как меня поднимали по лестнице в башню, это отдельный грустный рассказ. Даже крепкие девицы умаялись, волоча меня по ступенькам. Задевая ногами выщербленные ступеньки, я отчаянно пыталась найти выход. Понять, что нужно от меня барону, не сложнее, чем записать гаметы для генотипов AA и Aa. Ему зачем-то припекло жениться и настрого наследников. Да бога ради! Пусть женится и размножается, сколько пожелает, я-то почему должна страдать?!

Горничные почти внесли меня в часовню. И я, стыдно признаться, запаниковала. Чтобы в наше просвещенное время и похищали невест?! На глазах закипали злые слезы, от беспомощности хотелось кричать.

Горели свечи, десятки толстых свечей в массивных канделябрах. Пламя колебалось от сквозняка, придавая происходящему нереальный вид. У алтаря мялся и потел толстый священник, явно не изнуравший себя постами. Слева ждал жених, даже не соизволивший по такому поводу переодеться. Справа замерла высокая сухопарая женщина в темно-синем платье с глухим воротом. Ее возраст выдавали лишь немногочисленные морщинки, а седина в

светлых волосах была почти незаметна. На поясе дамы висела связка массивных ключей, на худосочной груди лежало массивное ожерелье — скорее даже мужская цепь, какие носили дворяне века три назад. Дама воткнула в меня тяжелый взгляд и стиснула в костлявых руках кружевной платочек.

— Подойди, дитя, — позвала она, тщетно стараясь говорить ласково.

Меня за локотки подтащили ближе к ней.

От душного запаха ладана и горячего воска кружилась голова, руки свисали переваренными макаронинами, ноги сквозь тоненькие бальные туфельки холодил каменный пол. Кажется, не очень-то я походила на счастливую невесту. Священник побледнел и кинул затравленный взгляд на... по-видимому, хозяйку замка и мою будущую свекровь.

Служанки поставили меня рядом с ней и отступили на несколько шагов, а мой локоть стиснули жесткие пальцы.

— Начинайте, святой отец! — приказала «свекровь», вздернув подбородок.

«Жених» на меня даже не посмотрел. Стоял спокойный, безразличный, как будто происходящее его не касалось.

На узорчатом мраморном полу между нами лежал топор. Точнее, боевая секира, на топорнице которой тускло мерцала вязь заклęcia.

Священник все потел и мялся.

— В-вы ув-верены, в-ваша м-милость? — заикаясь, выдавил он, обращаясь почему-то к даме.

Понятно, кто в замке хозяин.

— Конечно! — В ее голосе звякнул металл. — Такова моя воля.

И как-то очень уж многозначительно прижала костлявую руку к тяжелой цепи на шее.

Священник, втянув голову в плечи, дрогнувшим голосом завел службу. Время обетов пришло подозрительно скоро. По-видимому, святому отцу было велено обстричь все по-быстрому.

Эй, пошутили и хватит! Мне нельзя замуж! Как же конференция в Гартланде через две недели? Я столько добивалась, чтобы меня туда пригласили, а теперь все пойдет прахом из-за какого-то самовлюбленного барончика?!

Я почти не вслушивалась в бормотание священника, лишь вздрогнула от короткого уверенного «Да!» на вопрос, берет ли Фицуильям Скотт, барон Мэлоуэн меня, Маргариту Саттон, в законные жены.

Голос священника окреп:

— Маргарита Саттон, берете ли вы Фицуильяма Скотта, барона Мэлоуэна, в мужья, обещаете ли любить его, подчиняться ему, быть вместе в горе и в радости, пока смерть не разлучит вас?

Не желаю принимать участие в этом фарсе! Я сделала единственное, что могла, — крепко зажмурилась.

— Бедняжка сомлела от волнения, — хладнокровно произнесла моя уже почти свекровь. — Продолжайте обряд.

— Но...

— Продолжайте! — рявкнула она. — Я, Офелия Бернис Скотт, приказываю вам именем барона Мэлоуэна! Его величество повелел моему сыну жениться, и кто мы такие, чтобы пойти против его воли? Или вы хотите, чтобы невидимые гончие уволокли вас в геенну огненную?!

Ну да, именно такая участь, по поверью, ждет тех, кто не подчиняется королевской воле.

Священник всхлипнул и выдавил:

— Н-нет! Данной мне властью объявляю Фицуильяма Скотта, барона Мэлоуэна, и Маргариту Саттон мужем и женой!

И, кажется, обеспамятовал — глухо бухнуло что-то тяжелое.

Кто-то взял мою безвольную руку. На палец скользнул холодный ободок кольца. Даже сквозь сомкнутые веки глаза резануло яркой вспышкой.

— Свершилось! — выдохнула свекровь с неподдельным облегчением.

Новоиспеченный муж — пахло от него уже знакомо, горько-пряно — подхватил меня на руки.

Я безвольной куклой болталась в объятиях брюнета, который меня куда-то целеустремленно нес. Лестницы, коридоры и галереи сменялись, как в калейдоскопе. Людей в замке было немного, лишь раз нам навстречу попала служанка. Ойкнула, осенила себя святым знамением и опрометью кинулась прочь.

Барон не удостоил ее взглядом. Свернул в длинный, слабо освещенный коридор, ногой распахнул ближайшую дверь, вошел в комнату, оказавшуюся роскошной спальней, уложил меня на кровать и сел рядом. Теперь, надо думать, нас ждет первая брачная ночь. Благо за окном давно стемнело, самое время понежиться в постели...

М-муж! Интересно, он хоть браслеты снимет? Или его и так устраивает?

Тихий треск дров в камине. Пушистое покрывало под моей спиной. Мрачное лицо мужчины, который невыносимо долго смотрит на меня. С духом собирается, мерзавец? На глаза навернулись бессильные слезы. Я не могу даже плюнуть ему в лицо или расцарапать наглухо физиономию!

Он протянул руку и коснулся моего запястья. Тихий щелчок, еще один — и я конвульсивно дернулась. Широко распахнула глаза. Свободна?!

«Муж» удержал меня за плечи.

— Простите, — тихо сказал он, стиснув в кулаке проклятые железки.

Я наконец-то глубоко вздохнула и с наслаждением вlepила ему пощечину. Со всей дури, так, что заболела ладонь, а на щеке брюнета осталась красная отметина.

Он даже не шелохнулся. Только серые глаза совсем потемнели, как небо перед грозой.

— Я это заслужил, — признал он спокойно и поднялся. — Отдыхайте, миледи. Вас никто не побеспокоит.

И повернулся к двери. Насиловать не будет, это уже хорошо. Но...

— Я хочу уехать отсюда. Немедленно! — процедила я, с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, не скатиться в истерику.

Глубоко вздохнула, усмиряя гнев. Позор, старший научный сотрудник! Последнее дело — прибегать в споре к рукоприкладству... Хотя иногда так хочется!

— Сожалею. Это невозможно.

Он стоял, слегка расставив ноги, словно готовясь к битве. Неужели думает, что я кинусь на него с подушкой наперевес? Жаль, что тот милый славный топорик остался в часовне, я охотно сделалась бы вдовой. Впрочем, метание молота не мой вид спорта, а муженек вряд ли терпеливо постоит на месте, позволяя себя убить.

С трудом — от долгой неподвижности тело повиновалось неохотно — я села и оперлась о резной бортик балдахина.

— Я хочу уехать, — повторила я отдельно. — И не считайте, что меня остановит эта пародия на венчание!

Он прищурился и скрестил руки на груди. Стройный, широкоплечий, мужественный — при иных обстоятельствах я бы залюбовалась.

— Пока вы останетесь в замке.

— До каких пор?!

Он дернул уголок губ и ответил просто:

— До рождения наследника.

Приплыли.

Я попыталась встать на подгибающиеся ноги. Пошатнулась и ухватилась за столбик балдахина. Барон дернулся, собираясь меня подхватить, но вовремя остановился.

— Вообще-то это подсудное дело, — выдохнула я. — Не бойтесь, что я заявлю на вас в полицию?

Я блефовала. Толку-то будет от полиции через девять месяцев?! Конечно, меня станут искать. Риш, Джули, начальство, даже моя безалаберная маменька, вечно витающая в облаках. Только никому и в голову не придет, кто и зачем меня похитил, и мы оба это понимали. Единственный след — почтенный адвокат Джозеф Харпер. Но даже если секретарша вспомнит его имя, это ничего не даст. Юрист прикроется адвокатской тайной, из этой братии лишнего слова не вытащишь.

Лицо брюнета осталось бесстрастным.

— Не боюсь, — ответил он ровно. — Мне они ничего не сделают.

Почему такой акцент на этом «мне»? Неужели барон настолько самоуверен, что считает, будто полиция закрывает глаза на бесчинства сильных мира сего? Сейчас не те времена, даже королю похищение подданных не сошло бы с рук, что уж говорить о каком-то бароне!

— Отдыхайте, — повторил он, смерив меня внимательным взглядом. — Доброй ночи, миледи.

Чуть слышно скрипнула дверь, и барон словно растворился в тихих и безлюдных коридорах замка...

Как ни терзали меня недобрые мысли, усталость оказалась сильнее. Перебарывая зевоту, я разделась, с ожесточением выдрал из волос веночек из апельсиновых цветов, и надела лежащую на постели чистую сорочку. К накрытому на столике холодному ужину не притронулась, есть не хотелось. Я нырнула под теплое одеяло и практически сразу отрубилась...

Разбудило меня странное ощущение. Сказалось чутье, которое вырабатывается при наличии двух озорных младших сестер. Чужой взгляд, интерес, ожидание. Как у Риш, когда она устраивала очередную шалость и, затаившись, ждала реакции.

Я взглянула из-под ресниц, ожидая увидеть горничную или, на крайний случай, «мужа». Однако разглядывал меня, сунув руки в карманы, незнакомый светловолосый тип. Судя по тому, как он хмурил брови, увиденное его не порадовало.

— Кто вы такой? — распахнув глаза, спросила я хриплым со сна голосом. — И что здесь делаете?

Закричать? Не так уж пуст замок, наверняка кто-нибудь примчится.

Блондин усмехнулся и бесцеремонно уселся на кровать. Внешность приятная, располагающая. Широко расставленные голубые глаза, прямой нос, ямочка на подбородке, крепкие плечи. Одет в костюм для верховой езды — редингот, бриджи и ботфорты — и, судя по запаху пота, приехал совсем недавно, даже не успел переодеться.

Блондин поджал губы и осведомился:

— Вам так нужны деньги, что вы не удосужились даже попросить фотокарточку?

— Чью? — не поняла я, чувствуя себя зрителем, который попал на середину спектакля и теперь отчаянно пытается сообразить, что происходит на сцене.

— Мою! — вдруг рявкнул он и подался вперед, нависая надо мной. — Ну здравствуйте... жена.

Я вытаращилась на него, как наш завлабораторией — на результаты опыта, когда мисс Лидс по ошибке добавила в питательную среду сахар... и побоялась заведующему в этом сознаться.

Этот экземпляр рода человеческого не напоминал моего «мужа» и близко. Руками-ногами я на

венчании двигать не могла, но зато прекрасно все видела! Блондин, голубоглазый, без шрамов и перебитого носа, к тому же на голову ниже вчерашнего брюнета. И пахло от него совсем иначе: травой, разгоряченным телом и конским потом.

— Что вы себе позволяете, мистер? — прошипела я, без страха глядя в лицо нависшего надо мной мужчины. — Выйдите из моей спальни, или я закричу.

— Кричите, — разрешил он безразлично. — Никто не станет вмешиваться в супружескую ссору.

— Перестаньте. — Я продолжала смотреть в голубые прищуренные глаза. — Думаете, я не помню, с кем стояла у алтаря? Вы даже отдаленно не похожи!

— Правильно, — согласился блондин. — Потому что...

Его прервало гулкое «бомм!», от которого я подпрыгнула на кровати, угодив «мужу номер два» лбом в переносицу.

Он что-то прошипел (точно не комплимент) и поднялся на ноги, прижимая ладонь к носу. Надеюсь, сломала? Хоть в чем-то будет сходство с «мужем номер один»!

Блондин посмотрел на меня исподлобья, и надлежащей супружеской любви в его взоре не было.

— Через полчаса завтрак, — чуть гнусаво сообщил он и шмыгнул носом. Из-под пальцев капнуло алым. — Там поговорим.

И вышел из спальни, от души хлопнув дверью.

Я задумчиво посмотрела ему вслед и сладко потянулась. Выбралась из постели, босиком подошла к узкому окну и выглянула. Ого! Высоковато меня поселили, по-видимому, всерьез опасались побега. Значит, барону не терпелось обзавестись наследником. Вопрос, которому из?..

Тут в спальню робко заглянули уже знакомые горничные, и мне стало не до размышлений.

На вопросы о бароне и его семействе девушки упорно отмалчивались. Бетти пискнула только, мол, его милость сам все расскажет, и вжала голову в плечи. Прямо как студенты на вопрос, кто пойдет к доске...

Зато меня препроводили в столовую. Была она огромной, неудобной, серой и промозглой. Горящий в огромном камине огонь худо-бедно справлялся с тем, чтобы поданные к столу кушанья не остыли моментально (и это летом!), но толком согреть гулкую пустую столовую был не в силах. По-видимому, строили ее во времена, когда за трапезой собирались несколько десятков человек, теперь же здесь сидели всего пятеро: моя «свекровь» (хвала богам, в единственном экземпляре!), оба «мужа» и две хорошенькие юные девицы. В стороне с почтительным видом застыл лакей.

Во главе стола устроился блондин, тем самым косвенно подтверждая свои притязания за баронский титул и заодно на брак со мной. На стене за его спиной висел штандарт с вышитым гербом — стилизованной алой розой и полосой в углу.

Брюнет при моем появлении даже головы не поднял, всецело поглощенный ростбифом и зеленым горошком. Зато я, увидев знакомую физиономию со шрамом и перебитым носом, почувствовала облегчение. Значит, две самые неприятные гипотезы можно отбросить. Брюнет мне не почудился, и «муж» не один в двух лицах.

Зато все три дамы уставились на меня с жадным любопытством грифов, прикидывающих, не пора ли выклевать глаза умирающему.

— Доброе утро, — ледяным тоном произнесла «свекровь», как бишь ее? Офелия Бернис Скотт.

Интересно, мне-то как теперь положено к ней обращаться?

— Доброе, доброе, — покивала я, остановившись в нескольких шагах от стола.

— Фицуильям, дорогой... — сказала миссис Скотт, взглянув на сына. На мгновение ее холодное

лицо смягчилось, а недовольные складки у губ разгладились.

Он нехотя поднялся. Нос у него, увы, оказался не сломан, от удара осталась лишь легкая припухлость.

Блондин подошел ко мне, взял под локоть — руки у него были ледяные! — и, откашлявшись, произнес громко:

— Дорогая... Маргарита, — на моем имени «муж» запнулся, явно не сразу его вспомнив. — Позволь представить тебе моих близких. Моя мама, Офелия Бернис Скотт. Сестры — Джорджина и Хелен. И начальник стражи, Донал Грин.

Сестры ограничились кивками, хотя младшая, Джорджина, смотрела с любопытством и почти дружелюбно.

Брюнет поднялся, отвесил поклон и хрипловато сказал:

— Счастлив с вами познакомиться, миледи.

Я попыталась скинуть руку «мужа», но он держал крепко.

— Не могу ответить тем же, мистер Грин, — сухо заметила я.

Джорджина подавилась чаем под неодобрительным взглядом матери.

— Дорогая, — стиснул барон мой локоть, — давай не при слугах.

— Боишься, что они заявят в полицию? — осведомилась я, резко повернувшись к «благоверному».

Он отпрянул, видимо опасаясь за целостность носа.

— О чем ты? — Он сделал непонимающее лицо, а начальник стражи кашлянул.

— Томас, ступайте на кухню! — велела свекровь лакею, разглаживая на коленях салфетку. — Дальше мы сами справимся.

— Да, миледи. — И вышколенный слуга исчез.

Теперь можно не смущаться. Да здравствует семейный скандал!

С минуту все выжидали, словно дуэлянты, примеривающиеся к противнику.

— Маргарита, милая, такое поведение не пристало баронессе, — нанесла первый, пробный удар «свекровь», кривя бледные губы.

— Так это баронессе, — хмыкнула я и потребовала: — Уберите руки, барон!

Называть его «милордом» или «вашей милостью» мне претило. Раз уж для Скоттов... и Грина я — невоспитанная выскочка, пусть так и будет. Это лучше, чем молча и вежливо смириться с пародией на брак.

— Дорогой, — поправил он, усмехнувшись.

И легонько так погладил мой локоть.

— Барон, — повторила я с нажимом. — Венчание недействительно.

— Почему? — поразился блондин. — Вы ведь согласились.

«Свекровь» молчала, глядя на меня весьма неодобрительно. Можно подумать, я на коленях умоляла меня похитить!

Сестрицы наблюдали за происходящим с приоткрытыми ртами — что за неблагородные манеры! — и широко распахнутыми глазами.

Начальник стражи флегматично жевал. Вот уж кому было плевать на все — хозяин приказал, слуга исполнил.

Я почувствовала, как в груди клокочет злость, и поспешила дать ей волю.

— Почему? — переспросила я с расстановкой, уставившись на «мужа» негодующим взглядом. И принялась перечислять по пунктам: — Во-первых, согласия я не давала. Во-вторых, меня похитили. В-третьих, даже вас, барон, у алтаря не было!

Он поморщился и, наконец отпустив меня, сдвинул светлые брови.

— Вы что-то путаете, Маргарита...

Тут с места поднялся начальник стражи, налил чашку чая и протянул мне.

— Выпейте, миледи, вам нужно подкрепиться.

Надо же, какой заботливый!

— Благодарю, — сказала я вежливо. И убрала руки за спину, от греха подальше. — Но я не рискну.

Он хмыкнул.

— Бойтесь?

— Разумно опасаясь, — парировала я. — Мало ли, что вы туда подлили?

— Кхе-кхе, — прочистил горло «муж» и отодвинул мне стул. — Присядьте и объясните толком. Я не понял насчет похищения... и всего остального.

— Что тут понимать? — Я пожала плечами, однако приглашение приняла.

Я расправила складки бледно-голубого утреннего платья (похоже, из гардероба свекрови — девушки совсем былинки, их наряды на мне треснули бы в бедрах и не сошлись на груди, лиф и так аж распирало) и воззрилась на стоящего напротив блондина.

Он смотрел так испытующе, недоверчиво, словно в самом деле знать не знал об этой выходке с венчанием. Неужели правда не знал?

— Вы ведь подписали договор, — напомнил барон, сунув руки в карманы брюк.

— Нет! — ответила я, прямо глядя на него.

— Тогда зачем вы сюда приехали?

— Фицуильям... — начала заботливая маменька, привстав.

— Помолчи, пожалуйста, мама! — попросил он негромко, но как-то так, что она подчинилась.

— Меня похитили, — повторила я и кивнула на невозмутимого Донала, подпирающего стенку возле камина. Ушел с линии огня? Умно.

Барон не поверил.

— Это даже звучит глупо, — буркнул он.

— Вот именно! — поддержала свекровь. — Милочка, вы говорите чушь. Сочиняете какие-то нелепые истории...

— Нелепые?! — взбеленилась я, хлопнув ладонью по столу. Прямо как мистер Причард, наш замдиректора, когда во время его особенно пространной речи некоторые сотрудники откровенно хранят.

Джорджина ойкнула, Хелен насупила бровки, а свекровь поджала губы. Донал сохранял нейтралитет, втихомолку попивая чай с печеньем.

— Меня подстерегли возле дома, — начала я в звенящей напряженной тишине, — надели магические наручники, приволокли в замок и поставили у алтаря... — вежливое «с мистером Грином» встало мне поперек горла. Поэтому я лишь качнула головой в сторону невозмутимого брюнета. — С ним!

— Как же вы сказали «да»? — нахмурился барон.

— Никак, — фыркнула я. — Ваша матушка сослалась на полномочия от барона Мэлоузена и

волю его величества. Священник не посмел возразить.

— Запомнила-таки, — чуть слышно прошипела «свекровь».

Я ответила ироничной улыбкой. Вот где пригодилось умение запоминать все услышанное, натренированное заседаниями научного совета.

— Мама? — начиная кое-что понимать, повысил голос барон. — Это правда?

— Разумеется, нет! — поджав губы, она отложила салфетку и поднялась. — Неужели ты согласишься какой-то... горожанке, обманом втереться в нашу семью?!

Ах, сколько пафоса. Только в запале она кое-что перепутала.

— Позвольте уточнить, — сказала я сладким-пресладким голосом, от которого сразу запершило в горле. — Зачем мне втираться в вашу семью? Это ведь вы хотели со мной породниться. Почему такая спешка, кстати?

— Ты просто набивала себе цену! — заявила «свекровь» зло, пропустив мимо ушей второй вопрос. — Ни одна девица в здравом рассудке не отказалась бы от такой возможности!

Я отвернулась к столу и, схватив чашку, залпом выпила чай. В конце концов, какой теперь смысл меня опаивать? Вряд ли я сумею помешать барону, если ему вздумается настаивать на супружеских правах. Сбежать из замка без посторонней помощи? Разве что если захвачу кого-нибудь в заложники.

— Так это правда, мама? — повторил барон с нажимом.

Она задрала подбородок и выпятила тощую грудь.

— Нет! Она пытается нас посорить.

Несколько мгновений он пристально смотрел на маменьку, затем повернулся к начальнику стражи.

— Донал? Что скажешь? Маргарита говорит правду?

Тот раздумывать не стал. Поставил чашку на каминную полку и резко кивнул.

— До последнего слова.

Я поневоле преисполнилась к нему благодарностью (мог ведь солгать!) и уважением, заметив, как на него посмотрела миссис Скотт.

— Это ерунда, — заявила она, отбросив экивоки. — Мы с отцом Петтером поклянемся, что брак был добровольным. Девушка сказала: «Да!», а ты, мой дорогой, оставил доверенность.

— Мама! — повысил голос барон. — Никакой доверенности не было! Баронскую цепь я оставил тебе не ради свадьбы, а ради управления замком, и тебе это прекрасно известно. Мисс Саттон отклонила мое предложение, и я полагал, что на этом вопрос исчерпан. Но сегодня утром ты заверила меня, что невеста передумала!

— Дорогой сын, ты не можешь отрицать, что...

— Мама! Ты ввела в заблуждение отца Петтера, уверив его, что этот договор действителен. Как ты могла так поступить?

— Ты весь в своего слюнтяя отца! — в сердцах выпалила она, некрасиво скривив лицо. — Тебе выпала такая возможность, а ты намерен бездарно ее упустить!

— Предоставь нам с Маргаритой самим в этом разобраться! — отчеканил он и протянул мне руку. — Поговорим наедине?

Блондин размашисто шагал, не глядя на меня. Только пальцы на моем локте стиснул так, что еще немного — и останутся синяки.

По счастью, мы быстро пришли. Я с любопытством огляделась. Небольшая застекленная терраса, нечто вроде зимнего сада. По всей комнате расставлены кадки с цветами, у окна —

альпийская горка и два кресла, под потолком мерцают осветительные шары. Тепло, влажно, зелено — после промозглой серости замка просто дивный уголок.

— Прошу, садитесь. — «Муж» указал на ближайшее кресло, а сам устроился напротив.

В крови все еще бурлила злость, и я приготовилась к следующему раунду схватки. Но барон капитулировал еще до начала битвы. Зажмурился, откинувшись на потертый подголовник кресла, и попросил устало:

— Простите за... все, мисс Саттон.

И тем самым выбил оружие из моих рук.

Выглядел он настолько измученным, что гнев в моей душе поутих. Я опустилась в кресло возле узкого окна. Снаружи сияло летнее солнце, но его лучи с трудом пробивались через пыльное стекло, в которое исступленно билась муха. Только этот звук нарушал гнетущую тишину.

— Вы действительно не знали? — спросила я, разглядывая его лицо с глубокими тенями под глазами и обветренными губами. Скулы заострились, выдавая крайнюю усталость.

Барон качнул головой.

— Не знал, но это меня не извиняет. Как барон и глава семьи я отвечаю за все поступки матери и сестер, поэтому именно я прошу у вас прощения.

Я тихо хмыкнула. Можно подумать, «свекровь» соизволила бы извиниться. Впрочем, мама — это святое, так что давить на большую мозоль я не стала.

— Хорошо. — Я глубоко вздохнула. — Принимаю ваши извинения. Теперь отвезите меня домой.

Повисшее молчание подтвердило мои наихудшие опасения. Барон глубоко, с присвистом дышал.

— Я... — наконец выдал он, открыв глаза, и вцепился в подлокотники, будто набираясь мужества перед решительным шагом. — Мисс Саттон... Маргарита.

— Да-да? — подбодрила я, сложив руки на коленях.

Сдается мне, ничего приятного он не скажет.

И точно. Блондин глубоко вздохнул и выговорил, словно в омут бросился:

— Оставайтесь моей женой!

От неожиданности я открыла рот. Барон смотрел на меня напряженно и требовательно.

— Кхе-кхе. — Я прочистила горло и отвернулась, чтобы не видеть мольбы в больших голубых глазах. — Зачем? Только не говорите, что влюбились в меня с первого взгляда!

— Нет, — сознался он, помедлив. — Вы красивая девушка и мне нравитесь, но дело не в том.

— Тогда в чем же? — подбодрила я, хотя кое-какие догадки у меня имелись.

Сложно ведь не сложить воедино оговорки адвоката, приказ короля и настойчивость мамы барона.

— Дайте слово не разглашать услышанное, — попросил блондин проникновенно. — Поймите меня правильно, дело семейное и очень щепетильное. Не хотелось бы, чтобы наше имя трепали сплетники.

— Ладно, — вздохнула я, подняв правую руку. Ох уж эти аристократические заморочки! — Клянусь. Теперь вы наконец объясните?

Он смотрел на меня без улыбки.

— Титул барона Мэлоуэна я получил два года назад. Наша семья из нетитулованного дворянства, жили мы небогато, хотя образование я получил подобающее. Прежнему барону я доводился дальним родственником, поэтому несказанно удивился, когда меня разыскали его

душеприказчики. Оказывается, другие наследники умерли один за одним, и я оказался единственным... как тогда полагал.

— Теперь что-то изменилось? — подбодрила я, когда он умолк, чтобы перевести дух.

Блондин отрывисто кивнул, разглядывая баронский перстень-печатку на пальце.

— Объявился Адам Скотт, еще один дальний родственник, и потребовал пересмотра дела о наследстве. При обычных обстоятельствах у него было бы мало шансов, но...

Я молчала, не мешая ему собираться с мыслями, и рассматривала его лицо. Так странно. Де-юре он — мой муж. На моем пальце тускло поблескивает золотой ободок, в церковных книгах имеется соответствующая запись. Де-факто же мы незнакомцы, которые впервые встретились даже не у алтаря, а после!

Блондин вдруг резко поднял на меня взгляд. Под клетчатым твидовым пиджаком часто вздымалась широкая грудь.

— Все было бы хорошо, если бы не проклятие!.. Из-за него у меня не может быть детей, но барон Мэлоуэн должен иметь наследника, понимаете?

— Понимаю, — кивнула я. — Только я-то тут при чем?

Он кривовато улыбнулся.

— Давайте не будем юлить, мисс Саттон. Я знаю, кто был вашим дедом. И знаю, что вы унаследовали его дар.

Я промолчала. Говорил он слишком убежденно, явно не с бухты-барахты. Выходит, кто-то основательно покопался в прошлом нашей семьи, потому что мы кое-какие подробности не афишировали.

Барон подался вперед и взял меня за руку, я вздрогнула от прикосновения его холодных пальцев.

— Пожалуйста, мисс Саттон, подумайте. Давайте хотя бы попробуем, присмотримся друг к другу. Вдруг у нас что-то получится? Я готов выслушать ваши условия.

Его ладонь чуть подрагивала, выдавая, в каком он был напряжении.

— Что, если я отвечу «нет»? Если захочу просто уехать и забыть об этой истории, что тогда?

От одной мысли, что придется жить в этом каменном мешке — да еще и с такими родственничками! — пробирала дрожь.

Барон отвел взгляд, продолжая стискивать мои пальцы.

— Просто не выйдет, — сознался он хрипло. — О свадьбе уже объявили в утренних газетах.

Я стиснула зубы. Подсуетилась «свекровь»!

— Такой скорый развод — это скандал, — продолжил блондин, облизнув губы. — Никому из нас он не пойдет на пользу.

— Особенно вашей маменьке и ее верному слуге, — съязвила я. — Которые посмели меня выкрасть! Думаете, я постесняюсь в этом признаться? В конце концов, брак даже не подтвержден!

И прикусила язык. Вдруг он решит, что это отличная идея, и потащит меня в спальню? Прислуга и охрана, конечно, слова против не скажут, работа им еще дорога.

Блондин лишь мотнул головой.

— Не бойтесь, мисс Саттон. Я не буду настаивать. Только у вас не получится возбудить дело о разводе... — а тем более о признании брака недействительным! — не вытаскивая наружу все наше грязное белье. Мы, конечно, будем раздавлены, но и от вашей репутации не останется ни клочка.

Я не находила слов. Меня похитили, силком обвенчали, а теперь я еще должна переживать, как буду выглядеть в глазах общества?! И все же он прав. Дело будет громким, к тому же

«свекровь» прямым текстом сказала, что будет все отрицать. Вряд ли удастся отыскать свидетелей похищения, о насильственном венчании горничные со священником тоже не заикнутся — напротив, будут в один голос уверять, что все было добровольно. Я же предстану мнительной истеричкой, вздумавшей насолить благоверному.

После такого в научных кругах со мной не будут считаться даже уборщицы. Останется либо уходить, поджав хвост, либо всю жизнь мыть пробирки.

Даже если я сумею доказать свою правоту, барон легко оставит за собой последнее слово — попросту честно и откровенно расскажет суду о мотивах похищения. Наша семейная тайна выплывет на свет, а мы с сестрами станем лакомой добычей.

Незавидная перспектива.

— Что вы предлагаете? — выговорила я, не без труда задавив подлую мыслишку приласкать «мужа» по маковке тяжелым цветочным горшком.

Полиция тоже не зря ест свой хлеб, а я не хочу, чтобы меня уpekли за решетку до конца дней. Брак, конечно, тоже пожизненная кабала, но хоть не в тюрьме.

Лицо барона зажглось надеждой.

— Мы живем вместе год. Общаемся, знакомимся поближе... дальше или родится ребенок, или мы тихо разведемся. Я готов подписать договор, обещаю всю вину за развод взять на себя.

— Погодите вы со своими бумагами! — потребовала я, отодвинувшись. Близость «мужа» мешала сосредоточиться. — Что, если я не забеременею? При проклятиях такого рода репродуктивная функция отключается полностью, попросту нечем оплодотворять. Или вы верите в партеногенез?

В запале я позабыла, что надо говорить проще.

К моему удивлению, барон понял.

— Проклятие наложил человек, а ваше благословение божественное, оно должно быть сильнее.

— Должно, — фыркнула я. — В теории!

Вопросы наследственности применительно к себе самой не получалось воспринимать столь же равнодушно, как проблемы наследования рецессивных генов у белых мышек или фасоли.

Барон вдруг улыбнулся.

— Я занимаюсь коневодством, мисс Саттон. Вообще-то я собирался стать ветеринаром, но... Впрочем, не важно. Одним словом, я практик. У нас говорят: «Пока кобылу не повяжешь, все равно не узнаешь». В конце концов, разве вы никогда не хотели выйти замуж, родить детей?

— Хотела, — созналась я хмуро, выводя пальцем узоры на пыльном подлокотнике. — Но сделать научную карьеру я хотела больше.

Мало какой муж потерпит, чтобы жена вместо домашнего очага занималась пробирками и микроскопом. Не принято, чтобы замужние женщины работали, если муж способен обеспечить семью. Столь аристократическое семейство тем более к этой идее отнесется без восторга.

— Так за чем же дело стало? — спросил он мягко. — Свои исследования вы можете продолжать и здесь, я устрою вам лабораторию прямо в замке. Думаю, руководство института пойдет навстречу *баронессе Мэлоуэн*.

Я усмехнулась, глядя на него не без уважения. Сразу уловил суть проблемы и даже предложил решение.

«Муж» вдруг обнял меня за плечи и привлек к себе.

— Соглашайтесь, Маргарита. Не бойтесь, я вас не обижу.

Хотелось бы верить.

Он смотрел так искренне и чуточку виновато, что волей-неволей закрадывались сомнения.

Слишком мило он теперь держался. Как говорит моя младшая сестрица, Ирэн: «Хоть к ране прикладывай».

Могла ли «свекровь» проверить венчание без ведома сына-барона? Или он прикинулся, что ни при чем, чтобы втереться ко мне в доверие?

С насколько решение принимать не стоило. Нужно все взвесить, привести аргументы «за» и «против», просчитать риски, подумать об условиях, заодно проверить «мужа» на вшивость. Может, такому и кошку доверить страшно, не то что будущих детей? Кстати, о кошках!..

— Уберите руки, пожалуйста, — попросила я вежливо и, когда он подчинился, пообещала: — Я подумаю.

К его чести, недовольство барон не выказал. Спросил только:

— Долго?

Я пожала плечами и неопределенно повела рукой.

— Посмотрим. Сначала мне нужно отдохнуть и перекусить. По милости вашей семьи вчера я осталась без ужина, а сегодня — без завтрака.

Он проглотил и это. Улыбнулся несколько напряженно и поднялся.

— Отдыхайте, Маргарита. Я распоряджусь, чтобы завтрак вам подали в комнату. Пойдемте, я провожу вас в вашу спальню.

Я тоже встала, любоваться цветочками расхотелось. Придержав мужа за рукав, я посмотрела в его покрасневшие от недосыпа глаза.

— Надеюсь, вы знаете, что благословение сработает только при моем добровольном согласии?

— Знаю, — ответил он коротко и отвернулся.

Зато «свекровь» определенно не знала...

Мы остановились у знакомой двери. Узкая галерея, освещенная еле пробивающимися сквозь бойницы-окна солнечными лучами. Холодный каменный пол, такие же каменные, даже не оштукатуренные стены. Я поежилась. Еще один аргумент «против» брака.

— Я загляну к вам перед обедом, если позволите, — сказал он церемонно, не глядя на меня.

— Конечно. — Я кивнула. Он выглядел таким хмурым, что я не удержалась: — Скажите, барон, вам так дорог титул?

Признаю, не лучшая тема для разговора в коридоре.

Он стиснул зубы так, что на скулах заиграли желваки. Его пальцы на дверной ручке побелели.

— Замок и поместье — майорат, — выговорил он отрывисто. — У меня нет наследников, так что, если со мной что-то случится, мать с сестрами останутся на улице.

Я смущенно кашлянула. В наследовании магических даров и проклятий я кое-что понимала, зато о наследовании титулов и имущества имела крайне слабое представление.

— Ваши сестры молоды и красивы. Почему бы им не выйти замуж?

Под острым взглядом барона я прикусила язык.

— О моем бесплодии уже ходят слухи, — выговорил Фицуильям, уставившись в стену. Что он там интересного увидел? — Кто же захочет жениться на девушке, которая может оказаться пустоцветом? Разве что вдовец с детьми.

Мне стало неловко. Ткнула в больное место! Теперь понятно, почему он готов себя переломить, только бы я согласилась.

— Но ведь проклятие наложено лично на вас? — поинтересовалась я, глядя в пол. Хороши были мы с «мужем» — смотрели на что угодно, только не друг на друга. — Вы обращались к магам?

Он хохотнул и сознался с тоской:

— И к магам, и к частным сыщикам... Маги заверили, что метка проклятия лишь в моей ауре, сестры чисты. Но ведь не станешь всем и каждому предъявлять бумаги!

Я понимающе кивнула. Обычное дело, чем энергичнее отрицаешь слухи, тем больше им верят. И вообще, может, проклятие передается по мужской линии, а у девочек латентно. Кстати, это мысль!

— Я пойду, — прорвался сквозь мои размышления голос барона, который уже распахнул дверь в комнату. — Отдыхайте.

— Спасибо, — ответила я рассеянно.

Вытащила из своей сумки, которая нашлась на туалетном столике, блокнот с ручкой и плюхнулась на кровать. Так-так!..

Сандвичи и чай я проглотила между делом, не отрываясь от набросков. Для начала я тезисно обрисовала научную новизну, актуальность, степень проработанности темы и цель исследования. Какие бы сладкие песни ни пел мне барон, сосредоточиться стоит не на браке, а на исследовании проклятия.

Ради того, чтобы вырваться из замка, я готова помочь новоявленному муженьку с решением его деликатной проблемы. Если по ходу дела у нас что-то сладится, то так тому и быть. Если же нет, то такой богатый материал для моей докторской все равно можно считать даром богов. Личные проклятия нынче встречаются нечасто, а древние источники грешат неточностями и даже откровенными подтасовками. Не говоря уж о том, что анализы крови в старину не делали, так что материалы я получу редкостные. С паршивого мужа хоть анализов бутылек!..

Румяная Бетти со священным ужасом покосилась на исписанные непонятными ей значками листы и поторопилась сбежать. Отлично, лучше пусть шарается, чем сует нос куда не надо.

Когда в дверь вновь постучали, я уже перечитывала план, напряженно грызя кончик карандаша.

— Войдите, — громко разрешила я, не поднимая головы от записей.

— Маргарита? — Бархатистый голос барона заставил меня подскочить, поскольку раздался вовсе не от входной двери.

— Да? — Я повернулась, подозревая подвох.

И не ошиблась. Блондин вошел через неприметную дверь, оклеенную обоями в цвет стен.

— У нас смежные спальни, — пояснил он извиняющимся тоном. — Я решил, что вам следует об этом знать. Если хотите, я прикажу заложить проем.

— И дадите слугам повод для пересудов минимум на год? — хмыкнула я. В кресле работать оказалось неудобно, а рабочий стол в комнате отсутствовал. Непорядок! Пришлось с ногами забираться на кровать.

— Неужели вопрос нашего брака требует столь сложных расчетов? — поинтересовался барон с чуть заметной улыбкой.

Выглядел он посвежевшим. Светлые волосы слегка вились на висках и шее, в голубых глазах появился блеск, а тревожная морщинка меж бровей разгладилась. Одет он был в белую рубашку, ненавязчиво демонстрирующую крепкую грудь и широкие плечи, а также мягкие брюки, обтягивающие узкие бедра и стройные ноги. Ни жиринки, ни складочки.

Барон заметил мой заинтересованный взгляд, и улыбка его стала шире.

Он чуть повел плечами и сказал хрипловато:

— Надеюсь, вам нравится увиденное, Маргарита?

— Весьма, — кивнула я, отдавая должное пропорциональной фигуре и красивому породистому

лицу. — Отличная наследственность.

Улыбка барона чуть потускнела.

— Рад, что вы оценили. Позвольте?

Он кивнул на придвинутое к постели кресло, и я не стала возражать.

— Могу я узнать, к какому решению вы пришли? — мягко спросил «муж», покосившись на мои ноги и тут же отведя взгляд.

Он сидел в свободной позе, вот только стиснутые на подлокотниках пальцы выдавали его с головой.

— Я согласна познакомиться ближе, — медленно проговорила я, и он облегченно выдохнул. Рано обрадовался, потому что я продолжила: — Но у меня будут условия.

— Какие? — коротко спросил он, блеснув глазами.

Я поправила сбившиеся подушки (ну себе-то не стоит врать, что ничуть не волнуюсь!) и протянула ему листок.

Блондин поднял светлые брови, разгладил бумагу ладонью и принялся читать вслух. По мере чтения его красивое лицо вытягивалось все больше.

Я добрым словом помянула Стефана, жениха Ирэн, начинающего адвоката. Он натаскивал невесту по основам договорного права, терпеливо растолковывая ей сложные моменты, а я частенько приходила их послушать. Так, для общего развития.

Барон читал, комментируя вслух:

— Права и обязанности сторон должны быть зафиксированы в письменном договоре. Ничего не имею против. Проживание — в отдельных спальнях; обязательство не препятствовать свободе передвижений супруги; обязательство не препятствовать работе и научной карьере; супружеский долг — только по взаимному согласию. Надеюсь, не письменному?

— Не настолько уж я формалистка! — возмутилась я, вздернув подбородок. — Будьте уверены, барон, я сумею донести до вас свое согласие... и несогласие, если придется.

— Не сомневаюсь, — пробормотал он, смерив меня непонятым взглядом, и вернулся к чтению, теперь уже про себя.

Дочитав, он поднял на меня взгляд.

— Разве это реально? Мне сказали, проклятие очень сильное. Не зная исходных условий, перебить его практически невозможно.

— Зато можно обойти, — мягко улыбнулась я, хотя его неверие в мои силы задело. — Я постараюсь, при условии вашего полного содействия.

Вместо ожидаемых вопросов он глубоко вздохнул и недоверчиво покачал головой.

— Вы необыкновенная женщина, Маргарита! — произнес он с чувством и поднес мою руку к губам. — Конечно, я буду вам крайне признателен за помощь. Поверьте, мне самому не по нутру вся эта история с вынужденным браком.

В горле у меня пересохло. Я вдруг осознала, что мы наедине, причем в спальне!

Признаюсь, до «замужества» я вела замкнутую жизнь и на свидания ходила всего несколько раз. Обратная сторона благословения — боязнь случайных связей. Ведь даже у обычных людей амулеты против нежелательной беременности срабатывали не всегда, что уж говорить обо мне! Я предпочитала не рисковать.

— У меня научный интерес, — заверила я с улыбкой и покосилась на исписанные листы. — Надеюсь, вы не будете возражать, если я использую материалы для своей докторской? Без упоминания имен, разумеется!

Четко очерченные губы барона дрогнули, и он наконец выпустил мою ладошку.

— Располагайте мною и моими людьми, как сочтете нужным, — разрешил он серьезно.

— Вот и прекрасно! — просияла я.

Не знал барон, на что соглашается, а я пока не собиралась его просвещать. Вдруг пойдет на попятный?

— Что-нибудь еще? — Он смотрел все так же напряженно, разве что стискивать подлокотники перестал.

подавив соблазн под шумок потребовать что-нибудь эдакое, я кивнула.

— Хочу съездить домой за вещами.

За легкомысленным тоном и милой улыбкой скрывалась первая ловушка. Отпустит?

К чести его, муж (пожалуй, уже без кавычек, хотя и на испытательном сроке) не стал пичкать меня отговорками вроде «пусть этим займутся слуги» или «я куплю вам все новое».

— Разумеется, — согласился он после крошечного, почти незаметного колебания.

Фицуильям оказался слишком разумен, чтобы надеяться продержат меня взаперти целый год. То есть продержать-то он мог, но смысл? Даже если опустить условие о добровольном согласии, весь этот срок барону с домочадцами пришлось бы тоже закрыться в замке, не принимать гостей и не выпускать наружу слуг. Лояльность лояльностью, но не придумали способа укоротить людские языки. Разве что в буквальном смысле.

— Да, — спохватилась я, — еще потребуется заверенная выписка из церковной книги о браке. — В глазах барона что-то мелькнуло, и я объяснила: — Иначе с работы не отпустят. Мне положены две недели в связи с замужеством и еще месяц ежегодного оплачиваемого отпуска.

Думаю, этого с лихвой хватит и присмотреться к барону, и материалов насобирать...

Барон хмыкнул.

— Конечно. Хотя лучше бы я сам связался с руководством вашего института.

Я упрямо качнула головой. Пускать мужа в свои рабочие дела? Ни за что! Не успеешь оглянуться, как окажешься в полной зависимости от супруга и повелителя.

Свою работу я любила. Точнее, очень любила анализы, опыты, исследования, а вот склоки, сплетни и подковерную возню, без которых в науке не обходилось, — не очень.

— Благодарю, я справлюсь сама.

Настаивать он не стал. Поднялся и чуть заметно склонил голову.

— Конечно, дорогая. Вы позволите так вас называть?

Я зябко передернула плечами, неловко сползая со скользкого шелкового покрывала. Полулежать на постели, когда мужчина стоит и пялится на тебя сверху вниз, — то еще удовольствие.

«Дорогая» звучало слишком интимно, по-семейному. Хотя формально он уже почти муж — дело за подписанным договором, — воспринималось это все еще странно.

— Лучше Грета. В крайнем случае Маргарита.

Он не стал спрашивать, почему я не люблю свое полное имя. То ли не счел важным, то ли полагал неуместным.

— Как вам угодно. — Барон улыбнулся уголками губ. — Прошу вас, называйте меня по имени, мне будет приятно. Фицуильям.

— Разумеется, — пробормотала я.

Заметил-таки, что я всячески увивалась от любых обращений. «Барон» как-то невежливо, «милордом» я его разве что под дулом револьвера назову, а «ваша милость» слишком подобострастно.

— Донал вас проводит, — заявил муж тоном, не терпящим пререканий, и позвал негромко: — Донал?

— Да, милорд.

Бесстрастный голос начальника охраны чуть не заставил меня подпрыгнуть — от неожиданности и от того, что раздался он прямо за спиной. Аккурат от злополучной «супружеской» двери. Стражник что же, из смежной спальни подслушивал?! Зачем, хотелось бы знать? Неужели опасался, что я задушу благоверного подушкой?

Никакого другого оружия у меня все равно не имелось. Ладно бы ведьмой была, такая бы и с пустыми руками управилась, но во всем, что не касалось благословения, я была самой обычной девушкой и старшим научным сотрудником.

Брюнет смотрел прямо, ожидая приказаний. Не поклонился, даже головы не склонил.

— Будь добр, отвези мою... жену, — судя по тому, как поперхнулся этим словом барон, ему оно тоже давалось непросто, — в столицу. Маргарита хочет заехать домой за вещами, Далее вам нужно заглянуть к поверенному.

— Да, милорд, — так же бесстрастно отозвался стражник. — Приступить немедленно?

Барон отчего-то нахмурился. Зыркнул на брюнета из-под бровей и протянул ему уже слегка замусоленный листок с моими условиями.

— Пусть Харпер внесет это в договор, — велел он отрывисто. — Наши условия сам ему продиктуешь.

Я удивленно подняла брови. Ничего себе!

Муж оказался наблюдательным.

— Вас что-то удивляет? — поинтересовался он. Потом догадался: — А! Я доверяю Доналу как самому себе. Он наш доверенный слуга.

Показалось или на щеке брюнета дернулся мускул?

— Уверена в этом, — ответила я сладко, не удержавшись от укола: — Он ведь даже перед алтарем вас замещал!

И даже бровью не повела, когда на мне скрестились два недовольных взгляда.

Часть вторая

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Погода испортилась. Поднялся ветер, тучи затянули небо, готовясь вот-вот пролиться дождем. Начальник стражи молча топал за мной, хотя «топал», пожалуй, было бы неправдой. Несмотря на внушительные габариты, двигался он плавно и бесшумно, тенью скользя за моим плечом. Брр, на нервы действует!

В сером колодце замкового двора ветру разгуляться не давали каменные стены, и все же дуло ощутимо. Под отдаленный рокот грома я поежилась и поскорее нырнула в автомобиль. Следом так же неслышно забрался брюнет, разом заполнив салон теплым пряным запахом.

— Миледи, — короткий взгляд, — вам удобно?

— Вполне, — отозвалась я, отворачиваясь к окну.

Кому какое дело, если мне хочется отодвинуться от него подальше? Правда, в тесном салоне для этого пришлось забиться в угол.

Негромкое «кхм» брюнета, кивок водителю — и автомобиль тронулся с места.

От грозовых туч дневной свет померк, и, несмотря на ранний час, стало казаться, что уже наступили сумерки. Я теребила ремешок сумки — не от нервозности даже, а чтобы убедиться, что уж сейчас-то тело мне подчиняется! И смотрела на проплывающие за окном пейзажи: рощи, поля, деревеньки. Мелькнул вдали поезд. Показалась серо-синяя гладь реки, можно было даже разглядеть яркие пляжные зонтики на берегу. Безмятежная картина — совсем как вчера... И меня отчего-то начало потряхивать.

Вечером происходящее казалось нереальным, поэтому я воспринимала его удивительно спокойно. Не верилось, что кто-то в здравом уме мог умыкнуть девушку прямо с улицы. Как же свидетели, как же хваленая полиция? Зато теперь навалилось все разом.

Сестры, наверное, с ума сходят. Меня кольнула вина, хотя уж я-то точно была тут ни при чем. Брюнет, настоящий виновник моей пропажи, сидел себе рядом и даже в ус не дул.

Лишь когда показался пригород, начальник стражи нарушил молчание:

— Куда сначала, миледи? К вам или к адвокату?

Держался он так легко и непринужденно, словно похищение девиц было для него в порядке вещей. Подумаешь, одной больше, одной меньше!

— Домой, — пробурчала я, и водитель, ловящий каждое слово, понимающе кивнул.

По стеклам застучали первые — на удивление крупные — капли дождя. В стороне небо прочертила молния.

Из приоткрытого окна тянуло холодком и свежим запахом грозы. Я чуть поежилась — было зябко, но окно закрывать не стала. Иначе в нос бил запах одеколona моего спутника, и становилось совсем погано.

Что-то я расклеилась... И чуть не взвизгнула, как школьница, когда на плечи легла пропахшая мужчиной ткань.

Донал сидел вполоборота. В тесном салоне ему явно было неудобно — не развернуться толком, даже привстать нельзя, иначе он рисковал протаранить головой крышу.

В одной рубашке он выглядел еще более крупным и пугающим. Как будто он не пиджак снял, а намордник.

— Заберите! — рявкнула я, сбросив теплую ткань. По голым плечам тут же прошелся ветер, заставив кожу покрыться мурашками.

Он качнул головой и снова набросил на меня свой пиджак.

— Вы замерзли, миледи.

— Не называйте меня так, — попросила я хмуро.

Снова попытаться избавиться от проклятой одежды? Не сомневаюсь, он опять меня закутает.

— Почему же? — Он положил руку на колено, второй опираясь на сиденье авто. — Теперь вы — баронесса Мэлоуэн, а я служу барону.

От этого «служу» веяло горечью. Зацепил-таки его муженек!

— Действительно, как я могла забыть?

Мой сарказм пропал втуне.

Брюнет чуть подался вперед, вынуждая меня совсем уж откровенно вжаться в угол. Короткие темные волосы, белая полоска старого шрама, хмурый серый взгляд, — все вместе почему-то выглядело устрашающе. Как будто напротив устроился не человек, а готовый к прыжку волк.

Надо бы сказать какую-нибудь колкость, но... Я чувствовала себя испуганным мышонком, над которым нависла откормленная кошачья ряха.

Он поморщился чуть заметно. Качнулся назад, позволяя мне перевести дух.

— Не надо бояться, миледи. Я не причиню вам зла.

И это настойчивое «миледи» заставило меня взбелениться. Со злости я позабыла недавний страх, даже руки перестали мелко трястись.

— Еще большего зла? — уточнила я язвительно.

— Вы на меня обиделись? — спросил он, кажется, со вполне искренним удивлением.

Во всяком случае, насмешки на его невозмутимом лице я не отыскала, как ни старалась.

— Какой смысл обижаться на того, для кого я всего лишь... самка? Или инкубатор?

Он нахмурился. Сжал губы, разглядывая меня с непонятым выражением.

— Вы не правы, — наконец вымолвил он. — Я вас уважаю и много о вас слышан.

Мимолетное удивление (откуда?) смыло волной гнева.

— Уважаете? — переспросила я и, качнувшись вперед, ткнула его пальцем в широкую грудь. Взгляд мужчины изменился, опасно потемнел, плечи окаменели. Мне было плевать, меня уже несло. Страх, злость, беспомощность — все пережитое клокотало внутри и грозило совсем затопить рассудок.

Резкий кивок брюнета... И плотину сдержанности прорвало.

— Мистер Грин, вы издеваетесь? Во-первых, вы заковали меня в наручники. Во-вторых, похитили. В-третьих, принудили к браку. Это, по-вашему, уважение?!

По правде говоря, даже «свекровь» не вызывала у меня такого бешенства. Лишь желание хорошенько погладить ее... утюгом. Зато этот служака, искренне не понимающий, что такого он сделал...

Он помолчал. Только темно-серые, грозовые — совсем как небо снаружи — глаза выдавали, что он не так спокоен, как хотел бы казаться.

Брюнет отвернулся, разрывая зрительный контакт, и пожал плечами.

— В конце концов, вы ведь получили в мужа барона, так чем же недовольны?

— Вы забыли спросить у меня, нужен ли мне муж вообще и барон в частности!

— Любой девушке нужен муж, — заявил он с такой глубочайшей убежденностью, что я поняла: все, сейчас буду бить.

Спасло его упрямую голову от расправы только громкое «кхе-кхе» водителя.

— Простите, сэръ, миледи. Мы приехали.

Лишь теперь я поняла, что автомобиль припаркован в нескольких шагах от знакомых ворот.

— Спасибо... Майкл, — сказала я, вспомнив его имя.

Просияв, он вышел из автомобиля. Раскрыл зонт и распахнул мне дверцу. Я стряхнула с плеч пиджак и, не глядя на начальника стражи, выбралась из салона. Проклятье! Я стояла на единственном более-менее сухом пятачке, передо мной разливалась лужа, обойти которую не было никакой возможности. Вся улица превратилась в сплошной поток воды.

Водитель поднял над моей головой зонт, и я благодарно кивнула.

Потом хлопнула дверца с другой стороны... и меня бесцеремонно подхватили на руки.

— Что вы делаете? — прошипела я придушенно.

Под щекой была обтянутая тонкой рубашкой мужская грудь.

— Несу вас, — сухо ответил брюнет, шагая по лужам. — Иначе вы замочите ноги, миледи.

Водитель с бесполезным зонтом мялся в стороне. Держать его над начальником стражи у него не было никакой возможности — тот был на полторы головы выше.

— Отпустите! — потребовала я, трепыхаясь в руках брюнета. — Ну же!

— Перестаньте. — Он прижал меня чуть крепче, теперь пошевелить я могла разве что пальцами ног. — Вы капризничаете, как ребенок.

Ребенок?!

Я ужом вывернулась из его рук — откуда и силы взялись? — и покачнулась на каблуках, почувствовав под ногами землю. Хотя нет, скорее воду, поскольку стояли мы посреди лужи.

Чтобы посмотреть ему в глаза, пришлось задрать голову.

— Мистер Грин, — отчеканила я, — не смейте больше так делать. Никогда, слышите меня? Чувствовать себя беспомощной отвратительно!

Я почти кричала, он молча глазел на меня. По его коротким темным волосам стекала вода, заливала хмурое лицо, мокрая рубашка облепляла крепкий торс... Вояка! И ни проблеска понимания в оловянных глазах.

— Вы ведь об этом даже не думали, да? — закончила я устало, смахивая текущую с челки воду. Пора заканчивать истерику. Дождь-то летний, теплый, но все равно приятного мало. — Вам все равно, что я пережила, когда вы вчера уволокли меня в машину, а потом тащили в спальню? Теперь вы снова хватаете меня и куда-то несете!

Он разомкнул губы только чтобы проронить:

— Так было нужно.

— Ну конечно. — Я дернула плечом. — Только желания вашего хозяина имеют значение, ведь так?

Ох, кому я пытаюсь это объяснить? Он всего лишь верный пес. Любимый волкодав, который любого порвет по мановению хозяйской руки.

Бесконечно долгое мгновение он разглядывал меня сверху вниз, потом сделал шаг назад, отдаляясь, уходя от спора.

— Вы промокли, миледи, — констатировал он, смерив меня странным взглядом.

Выглядела я, должно быть, как мокрая курица. Волосы прилипли к шее и лбу, платье облепило тело, в туфлях хлюпало.

Ослепляющая раскаленная злость схлынула, оставив меня усталой и обессиленной. И чего, спрашивается, завелась? Нет, повод для отповеди у меня был более чем убедительный, но толку-то?

Я лишь рукой махнула и, уже не пытаюсь найти брод — все равно мокрая насквозь, — прошагала к калитке. Надавила на кнопку звонка. И держала долго-долго, пока изнутри не раздалось хрипловатое контральто:

— Да иду я, иду!

Щелкнул замок, брякнул засов, дверь приоткрылась. Под ноги мне с возмущенным мяуканьем бросилась трехцветная кошка Марвела или попросту Марка. Потерлась носом о мои озябшие ноги, тронула лапкой коленку.

— С ума сошла, зачем под дождь? — ласково попеняла я, подхватывая дрожащую живность на руки.

— Мне, значит, под дождь можно? — ворчливо поинтересовалась Ирэн, почесав ногу об ногу.

Я хмыкнула, оглядев ладную фигурку сестры. Макушкой Риш доставала мне до подбородка, зато у нее были формы мне на зависть и коса до пояса.

— Ты в резиновых сапогах и под зонтом.

Сестра польщенно заулыбалась. Своей практичностью она заслуженно гордилась — еще бы, при папёнке-гноме! Родитель, правда, в жизнь дочки не вмешивался, предпочтя откупиться солидным банковским вкладом, но кровь все же не водица.

— Заходи. Мы как раз чай пьем. — Она посторонилась, давая мне дорогу.

Прижимая к груди мокрую кошку, я вынырнула из-под защиты козырька над калиткой и припустила по мокрой дорожке к веранде, где за столиком устроились Джули и Стефан, жених Риш.

В дождь на веранде особенно уютно. Можно кутаться в плед, пить горячий чай и смотреть на бегущую по стеклам воду. Плетеный столик, несколько кресел, сундук в углу и множество цветочных горшков, расставленных там и сям, создают расслабленную дачную обстановку.

Стефан махнул рукой и поприветствовал меня:

— Грета, добрый день. Рад вас видеть.

Встать он не мог — на коленях у него обосновалась черная кошечка, еще подросток, игривая Лисиль.

— Взаимно, Стефан, — кивнула я.

Догадливая Риш принесла полотенце, в которое я обернула дрожащую, похожую на мокрую крысу Марку. Мне же достались теплый плед, окутавший замерзшие плечи, и мягкие тапочки-зайчики.

— Торт будешь? — предложила Риш как ни в чем не бывало и налила мне чаю.

Чай она заваривала необыкновенный — душистый, крепкий, с травами. На столе красовались плошки с вареньем: клубничным, черносмородиновым и малиновым, посыпанный сахарной пудрой «хворост» и еще торт. С розочками.

Торт, несомненно, был вкладом Стефана. Риш обожала масляный крем, хотя редко себе его позволяла. При ее росточке стать поперек себя шире — дело пары пустяков. Стефан же, высокий худощавый блондин, был без ума именно от сдобной фигуры невесты. После нескольких кровопролитных стычек был заключен мир: Стефан приносил торт не чаще раза в месяц, в остальное время обходясь менее калорийными презентами.

— Привет, Грета! — помахала мне тонкой рукой Джули, не отрываясь от своего куска. Лакомство она уплетала за обе щеки, к вящей зависти Риш.

Младшая сестра оставалась тоненькой, как веточка, какие бы кулинарные излишества себе ни позволяла. При ее работе ресторанным критика это было несомненным плюсом.

Привет. — Я села за стол и с благодарностью глотнула горячего чаю с медом. Даже зажмурилась довольно. — Вы что, меня даже не искали?

— С чего бы нам тебя искать? — удивилась Риш, принимаясь раскуривать трубку. Об этой ее слабости знали все, кроме мамы.

— Ничего, что я с работы вчера не вернулась?

Я пила чай маленькими глоточками, поглядывая на сестер поверх ободка чашки. Стефан

привычно не вмешивался в наши разборки, вместо этого гладил обеих кошек, облюбовавших его колени. Держать язык за зубами Стефан умел, сказывалась адвокатская практика.

— Твоя мисс Уоткинс звонила, — ответила Риш, гипнотизируя взглядом торт и посасывая черенок трубки. — Сказала, что ты едешь на какую-то конференцию.

— Без вещей?! — уточнила я едко.

Почему-то было очень обидно. Я-то считала, что они тут с Ума сходят, весь город на уши поставили, а они чай распивают! Конечно, секретарша наврала им с три короба, но... Кстати, зачем она это сделала? Не шутки же ради.

— Я тоже удивилась, — кивнула Риш, попыхивая трубкой. — Кстати, новое колечко? Дашь глянуть? Любопытная вещица, где взяла?

Я машинально потерла золотой ободок, украшенный гербом баронов Мэлоуэн, и посмотрела на сидящих рядышком сестер, таких разных и так неуловимо схожих. Обе невысокие, темноволосые и очень хорошенькие. Круглое личико средней сестры, Ирэн, покрыто золотистым загаром, темно-медные прямые волосы собраны в толстенную косу, зато у Джули молочного-белая кожа и иссиня-черные кудри. Вот глаза у них одинаковые — голубые-голубые, совсем как у меня.

— Замуж вышла, — призналась я.

В наступившей тишине звяканье ложечки Джули показалось оглушительно громким.

Потом Риш отложила трубку и встала.

— Кажется, ты бредишь. Схожу за градусником.

— Я ведь тебе говорила: тут что-то не так, — негромко заметила Джули, вертя в тонких пальцах ложечку. — Ретт не стал бы волноваться по пустякам!

Ретт, «семейный» призрак, на самом деле кровным родичем нам не был, что бы там ни выдумывали злопыхатели. Мама купила дом, польстившись на удивительно низкую цену, и вскоре выяснилось, что в комплекте с недорогой недвижимостью шли старый ворчливый призрак и духи трех псов, похороненных в саду под яблоней. Поначалу ночами они выли и бросались на кошек, но Джули сумела их угомонить.

Практичная Риш лишь фыркнула, выражая тем самым мнение о предчувствиях духов.

— Сиди, — вздохнула я. Сама бы не поверила, расскажи мне кто-то эту историю. — Я не шучу. Вчера меня похитили...

Рассказ занял немного времени. Вдаваться в свои переживания не хотелось — я ведь старшая, должна подавать пример сдержанности и здравомыслия, — к тому же это было чревато. Риш вполне могла схватить любимую лопатку и настучать Доналу по маковке. Не то чтобы мне было его жалко, но ведь мог и сдачи дать! Поэтому я старалась абстрагироваться от недавних переживаний и излагать только факты.

Сестры слушали молча. Риш теребила самодельный браслет на запястье, забыв о тлеющей трубке, Джули отстукивала пальцами марш.

Когда я умолкла, тишину нарушил почему-то Стефан:

— Что вы теперь собираетесь делать, Грета? Пойдете в полицию?

Практичная Риш фыркнула.

— И покончит со своей репутацией на веки вечные?

— Зато преступник будет сидеть в тюрьме, — мягко возразил ей любящий жених, не переставая гладить тихо мурлычущих кошек.

— Не такой ценой! — отрезала Риш, и тут я была с ней согласна.

Как это скажется на сестрах, даже думать не хотелось. К тому же с моей карьерой будет покончено. Женщина и наука для многих оксюморон, а если вдобавок пойдут мерзкие слухи... Тот же мистер Эверетт, почтенный редактор «Научного вестника Уортфинского королевского

университета», не преминет плюнуть в мою сторону.

Я стиснула пальцы. Подгадили мне «свекровь» с Доналом, ничего не скажешь.

— Хочу решить дело миром, — вздохнула я, смочив пересохшее горло глотком чая. — Трудно ведь будет доказать, что это было похищение?

Адвокат подумал и нехотя согласился:

— Вы правы. Но если сейчас вы об этом не заявите, потом точно никто не поверит.

На колени мне забралась трехцветная кошка. Мурлыкнула и свернулась клубком.

— Чтобы себя обезопасить, мне нужен договор, — проговорила я, глядя теплую шерсть. — Поможете?

— Разумеется, — с готовностью пообещал он. — Могу даже поехать с вами. Все равно у Риш, — нежный взгляд на мою насупленную сестрицу, — дела.

— Поход на рынок я могу и отложить, — проворчала она, теребя кончик косы. Даже о манящем торте позабыла! — Хочешь, я поеду с тобой, Грета?

— Не надо, — качнула головой я. — Спасибо.

Мою свекровь она точно убьет и, возможно, Донала в придачу.

Сестренка пожевала губами и, подойдя к сундуку, принялась в нем рыться.

— Да где же... а, вот. Держи!

Она гордо протянула мне серебристый металлический кубик, резной, очень красивый, размером чуть больше спичечного коробка.

— Спасибо. — Я озадаченно покрутила в руках непонятную штуковину и сдалась: — Для чего это?

У Риш, как и у всех женщин семейства Саттон, бывают приступы вдохновения. Проще говоря, на нас временами находит. Я запираюсь в лаборатории, Джули... тоже не скучает, а Риш вовсю использует свою практическую сметку: вяжет, шьет обувь, плетет браслеты, сажает цветы. Или вот кузнечным ремеслом занимается, под настроение. В ее изделиях всегда есть толика магии, только распознать с виду, что для чего служит, весьма затруднительно.

— Замок, — коротко ответила Риш, вспомнив наконец о своей трубке. — С неделю назад мне приснилось, что он понадобится. Так что пользуйся.

— Я же не столяр, — напомнила я укоризненно.

Она фыркнула.

— Я тоже. Приложи к двери и пожелай, чтоб она была заперта.

— Второго у тебя, случаем, нет? — вырвалось у меня, когда я оценила всю прелесть подарка. Прицеплю его на дверь в спальню мужа, еще было бы неплохо запереть вход из коридора.

— Чем богаты. — И Риш пыхнула трубкой.

— По-моему, это плохая идея! — решительно вмешалась Джули, до сих пор слушавшая нас молча.

— Есть другие? — осведомилась я, покосившись на сестру.

Дождь поутих, небо посветлело, через просвет в тучах проглянуло солнце, осветив бледное лицо Джули.

Она молча кусала губы, бездумно ковыряя кусок торта.

— Ладно, — вздохнула я, поднимаясь. Попыталась ссадить кошку на свободный стул, но она так возмущенно мяукала, что пришлось брать ее с собой. — Пойду собирать вещи.

— Я помогу, — вскочила Джули.

Со сборами мы покончили быстро. Нужно было взять лишь самое необходимое. Куда больше, чем одежда, мне нужны были кое-какие реактивы и готовые образцы тканей, получить которые в полевых условиях и без посторонней помощи не представлялось возможным. Упаковывать с собой домашнюю лабораторию я не пыталась. Во-первых, она была более чем скромной, а во-вторых, муж обещал купить все новенькое.

Джули несколько раз порывалась меня отговорить, однако не преуспела. Выбор у меня был невелик: или полиция и огласка, или любовное расставание через год, если мы с Фицуильямом не уживемся. Джули же, кроме смутных дурных предчувствий, ничего предьявить не могла.

Лучше бы брала пример с Ирэн. Наша практичная средняя сестра не видела смысла переживать о том, что еще не случилось, в остальном дела обстояли не так уж плохо. Я ведь нашлась, живая, здоровая и даже замужня!

В конце концов Джули забралась с ногами на подоконник и нахохлилась, как замерзший воробей, предоставив мне самой заканчивать сборы.

Я же, вооружившись загодя составленным списком, рылась в туалетном столике и гардеробе.

— Джули, перестань! — наконец не выдержала я, остановившись с ночной сорочкой в руках. — Не съедят же меня там. Не понравится, вернусь к вам, только сначала материалов на докторскую наберу.

— Вот оно что! — фыркнула она, обняв коленки руками. — Семейное вдохновение разыграло?

— Может быть, — согласилась я флегматично, не глядя запихивая белье в чемодан. Лезть туда оно ни в какую не хотело. Странно, вроде бы совсем мало взяла, а чемодан полон.

Я раскрыла крышку пошире — так и есть! — и велела:

— Марка, вылезай!

Закопавшаяся под платья кошка поняла, что мимикрировать не вышло, но покидать чемодан отказалась наотрез, сколько я ни ругалась. Выковырять ее из вороха одежек тоже не получалось — кошка начинала орать дурниной и растопыривать когти, норовя порвать мои вещи на лоскутки.

— Оставь, — неожиданно предложила Джули, отсмеявшись. — Возьми ее с собой.

— Шутишь? — опешила я.

Джули болтала ногами.

— Почему нет? Тебе веселее будет, а в случае чего Марка о незваных гостях предупредит.

В самом деле, почему?..

Так и не придумав аргументов против, я вытурила-таки кошку в сумку-переноску и кое-как упаковала остальные вещи. Вытерла со лба испарину и с натугой подняла чемодан. Ого! Почти ничего не брала, а сумки неподъемные. Пришлось звать на помощь Стефана, единственного в данный момент мужчину в доме. Ретт не в счет — с бестелесного духа при переноске тяжестей толку нет.

Провожать меня вышло все семейство, от сестер до второй кошки и почти невидимого при дневном свете призрака.

Начальник стражи подпирал высокий кирпичный забор в том самом месте, где я его оставила. От промокшего хмурого брюнета разлило недовольством, впрочем, вслух он его не выказывал. Лишь сверкнул глазами на мою небрежную фразу:

— Я пригласила своего адвоката.

— Как будет угодно миледи, — ответил он, обозначив легчайший поклон. И снова застыл истуканом.

С семьей я знакомить Донала не стала. Много чести. К тому же Риш и так как-то подозрительно кровожадно на него посматривала, а кошка на ее руках шипела, вздыбив шерсть, и сверкала потусторонней зеленью глаз. Зато Джули разглядывала незнакомца с

интересом, даже порывалась что-то сказать, хотя после передумала.

Не без труда уняв волнение — уезжать не хотелось почти до слез, — я обняла сестер на прощанье, помахала печально рдеющему в тени абрикоса призраку и направилась к авто.

Водитель загрузил чемоданы в багажник и открыл передо мной дверцу.

— Прошу, миледи, — а когда я поравнялась с ним, он вдруг тихонько сказал: — Вы были правы, а мы повели себя как придурки... Прошу прощения. То есть по-свински. Простите нас!

И улыбнулся так открыто и виновато, что нельзя было удержаться от ответной улыбки. Кстати, симпатичный парень, белобрысый, с честным взглядом и располагающим лицом. И с характером — не побоялся извиниться, несмотря на явное неодобрение начальства.

Я лишь кивнула, принимая извинения.

Заехав на почту, я отправила в родной НИИ заявление об отпуске, приложив выписку из церковной книги. Осталось заглянуть к мистеру Харперу, адвокату барона, и дожидаться, пока они со Стефаном составят контракт.

Но юристы — это люди, способные разглядеть ухабы на самой ровной дороге! Поначалу все шло гладко. Расторопная и приветливая секретарша проводила нас в роскошный кабинет адвоката, который с приветливой улыбкой поднялся нам навстречу. Кивком поприветствовав молодого коллегу, он протянул руку Доналу... Потом увидел меня, и улыбка на мгновение дрогнула. Похоже, по телефону ему передали лишь просьбу о встрече, не рискнув доверить линии подробности этой щекотливой истории.

Донал легко сжал наманикюренные пальцы адвоката и отступил в сторону:

— Миледи, вы ведь знакомы с Джозефом Харпером, барристером?

— Имела такое удовольствие, — хмыкнула я, припомнив обстоятельства нашего знакомства, и все-таки подала ему руку. — Добрый день, мистер Харпер.

— О, — приятно удивился почтенный адвокат, узрев кольцо на моем пальце. Кстати, снять его не вышло — родовая магия держала цепко. — Вы все же передумали, мисс Саттон!

Должно быть, юрист успел перебрать в голове добрый десяток крайне неприятных причин моего визита, потому что теперь на его лице читалось плохо скрываемое облегчение.

Зато начальник охраны поморщился, и его бандитская физиономия сделалась совсем угрюмой.

— Я не передумала, мистер Харпер, — любезно уведомила я, ответив на рукопожатие. — Меня... вынудили это сделать.

Почтенный адвокат метнул острый взгляд на Донала, тот ответил хмурой гримасой и резким кивком.

Рот мистера Харпера на мгновение приоткрылся в потрясенном «О».

— Присаживайтесь, джентльмены, леди, — придя в себя, предложил адвокат и сделал знак секретарше. — Боюсь, мне требуются детали.

— Стефан Тодд, фирма «Тодд и сыновья», — представился мой молчаливый спутник, о котором, признаться, все позабыли. — Коллега, я представляю интересы Маргариты Скотт, в девичестве Саттон.

Тяжелые веки пожилого адвоката дрогнули, прикрывая блеск глаз, но он охотно ответил на приветствие.

Мы устроились в уютном уголке возле окна. Столик, несколько удобных стульев, изящный торшер с хрустальными плафонами — все по высшему разряду. Секретарша принесла чай и присела неподалеку с блокнотом на коленях.

— Я внимательно слушаю, — проронил мистер Харпер, когда все отдали должное превосходному чаю.

Донал, отказавшись от угощения, сидел бука буккой, но ему по должности положено. Только он открыл рот, чтобы изложить свою версию событий (которая наверняка свелась бы к

«препроводили мисс Саттон в замок, где ее обвенчали с бароном»), как я вежливо, но твердо вмешалась:

— Позвольте я расскажу. Итак, вчера я шла домой с работы...

Второй раз за сегодня я кратко пересказывала безумную историю своего «брака» с бароном, и по мере рассказа брови почтенного адвоката поднимались все выше. Он посматривал на Донала, но тот замер со своей обычной каменной физиономией. Даже поправлять меня не пытался!

— М-да, — только и проговорил мистер Харпер, когда я умолкла, и хрустнул пальцами. — Весьма... необычная ситуация.

Явно лишь профессиональная выдержка помогла ему обойтись столь осторожной оценкой. Он переводил взгляд с меня на молчаливого Стефана, а после — на хмурого Донала и вновь на меня. Судя по кислой mine юриста, самодеятельность маменьки барона и его начальника стражи он, мягко говоря, не одобрял. Но что сделано, то сделано, и теперь мистер Харпер быстро прикидывал, чем в таких обстоятельствах может помочь клиенту.

— Вы должны составить брачный контракт, мистер Харпер, — помог ему Донал. — Условия барона неизменны, условия баронессы вот.

И на покрытый белоснежной скатертью стол лег тот самый замусоленный листок, вырванный из моего блокнота.

— Позвольте сначала я ознакомлюсь, — вмешался Стефан и, прежде чем кто-то успел возразить, цапнул бумажку. Пробежал ее глазами, хмыкнул и протянул старшему коллеге со словами: — Да, все верно. Только мы будем также настаивать на официальных извинениях со стороны всех причастных лиц.

Мистер Харпер пропустил этот выпад мимо ушей и принялся дотошно изучать мои условия. Затем пристроил лист на стол и, поджав губы, поднял взгляд на Донала.

— Я не могу составить такой документ без личного одобрения его милости.

— Мистер Харпер, — в низком голосе Донала слышалось нетерпение, — мне необходимо передать вам поручение барона, и я вам его изложил. Если вы отказываетесь...

— Не отказываюсь! — поспешно перебил седовласый адвокат, и на щеках его появились красные пятна. По-видимому, терять вельможного клиента ему не хотелось. — Но я должен лично удостовериться, что условия полностью соответствуют волеизъявлению моего клиента.

Проще говоря, брачный контракт показался ему слишком странным, чтобы принять его без сомнений.

Начальник стражи смерил почтенного законника таким взглядом, что тот слегка побледнел.

— Это затянет дело, — процедил Донал, скрестив руки на широкой груди. — Слишком затянет.

Еще бы! Вернуться в замок без брачного контракта для меня означало бы признать себя женой барона безо всяких условий и претензий. И все присутствующие это понимали.

— Ничего не могу поделать! — твердо заявил мистер Харпер, и в глубине моей души шевельнулось уважение. Кремень!

— У меня есть предложение, — подал голос Стефан, доселе молча слушавший, как коллега отбрыкивается от немедленного составления договора. Все дружно обернулись к нему, но Стефан не смутился. — Мы можем поехать в замок все вместе. В таком случае визит моей клиентки приобретет не личный, а официальный характер.

— Прекрасно! — вмешалась я, устав слушать пререкания. — По-моему, мысль здравая. Мистер Харпер, мистер Тодд, приглашаю вас погостить в замке.

Это предложение разногласий не вызвало, и все с облегчением засобирались.

Только Донал, пропуская меня вперед, бросил чуть слышно:

— Рад, миледи, что вы уже освоились с ролью хозяйки.

Гад!

Спустившись вниз, я обнаружила возле авто несколько смущенного водителя с Маркой на руках. Поганка басовито мурлыкала и терлась башкой о ласкающую руку, совершенно — даже демонстративно! — не обращая внимания на законную хозяйку. Мол, бросила кошечку, сама виновата.

— Простите, миледи, — смутился парень, порываясь спрятать Марку за спину. — Она мяукала, и я решил...

— Ничего. — Я улыбнулась. — Главное, чтобы она не помогала вам рулить.

Майкл покраснел, обаятельно улыбнулся — ах эти ямочки на щеках! — и почесал кошку за ухом.

На обратном пути Донал пересел вперед, к водителю. Юристы устроились по обе стороны от меня (интересно, можно загадывать желание?) и спустя некоторое время затеяли перепалку, от которой у меня голова шла кругом.

Стараниями Стефана фразы вроде «срок исковой давности» меня не пугали, но вот от «реституции» и «прав третьих лиц» становилось дурно. Какие еще права третьих лиц в браке?!

Я прикрыла глаза, для успокоения нервов воспроизводя в памяти полный список генов и полиморфизмов, это всегда меня успокаивало. Вскоре Стефан почувал неладное — наверное, вид у меня был совсем осоловелый — и беседу с коллегой закруглил.

За окнами авто мелькали уже знакомые пейзажи, мысли о любимой науке успокаивали, и в какой-то момент меня сморил сон. Проснувшись я от того, что автомобиль остановился. Дернулась и озадаченно уставилась на несколько смущенного почтенного адвоката, на плече которого я прикорнула. Нечего мучить бедную девушку заковырыстыми юридическими терминами! Их же можно вместо лауданума применять.

— Извините, — сказала я для проформы.

Адвокат лишь кивнул и галантно помог мне выбраться из авто.

Во дворе замка суетилась прислуга. Майкл открыл багажник, чтобы вынуть оттуда мои чемоданы... и со сдавленным проклятием отшатнулся.

Донал вдруг прыгнул-перетек ко мне. Оттолкнул в сторону и осторожно, словно в яму со змеями, заглянул в разверстое нутро багажника.

Оттуда послышалось до боли знакомое:

— Ш-ш-ш!

И это были не змеи. Это было хуже, гораздо хуже.

— Лиса?! — Я тронула брюнета за рукав, вынуждая посторониться. За его широкой спиной ничего не разглядеть.

Он обернулся, дернул щекой и шагнул в сторону.

Я заглянула в темноту, где яркой зеленью полыхали две точки.

— Ты что тут делаешь? — прошипела я, прожигая взглядом безбилетную пассажирку.

Сгусток мрака моргнул и застенчиво сказал:

— Мяу.

— Мя-а-ау! — басовито подтвердила забытая всеми Марка из переноски.

Я закатила глаза.

Что с ними теперь делать?

— Найдется немного молока? — спросила я в пространство.

— Конечно, миледи, — почтительно подтвердила девушка в белом переднике. — Не извольте беспокоиться, мы мигом ваших мурлык устроим!

И покраснела, стрельнув глазками в сторону Майкла. Я спрятала улыбку. Понятно, кто тут любимец дам. Впрочем, не Доналу же занимать эту почетную должность. Вон как зыркает — суровый, неприступный, ух!

— Спасибо, — сказала я искренне.

Юристы с бароном уединились в библиотеке, где предавались извращенной любви к закону, плодом которой должен был стать брачный контракт. Слава богу, присутствия обоих супругов при этом не требовалось.

Я же занялась своими вещами, отказавшись от помощи горничных, — терпеть не могу, когда роятся в моем белье. Кое-что из привезенного показывать прислуге вообще опасно, начнут визжать, еще уронят с перепугу... Лучше уж я сама.

Только пришлось узнать, где тут ледник. По-видимому, домоправительницы в замке не было, всеми делами ведала лично моя свекровь. Во всяком случае, горничная Бетти бегала за ключами именно к ней, после чего отвела меня куда велено. По пятам за нами важно следовали кошки.

Погреба в замке оказались вместительные, ледник тоже не подкачал. Провизия лежала на полках, свисала с крюков, хранилась в солидных бочках. Похоже, небольшую осаду мы выдержим без труда.

Кошки, к моему удивлению, вели себя прилично. Любопытная Лиса облазила и обнюхала все вокруг, однако на зуб пробовать не пыталась, только несколько раз чихнула. Марка вовсе бдела — замерла у моей ноги, настороженно поглядывая по сторонам.

— Проследите, чтобы мои вещи никто не трогал, — попросила я, пристроив свою ношу в дальнем углу.

— Д-да, миледи! — выдавила девушка, тараща глаза.

Спорю на свой любимый микроскоп, что уже завтра меня за глаза будут называть ведьмой. Надо будет обзавестись холодильным шкафом, не дело складывать образцы тканей — пусть и магически запакованные — среди свиных туш, сыров и колбас. К тому же тронуть хозяйское имущество слуги, положим, побоятся, зато какие слухи пойдут!..

В коридорах замка раздалось гулкое «Бум!» Лиса с перепугу затаилась за бочонком, а Марка прижалась к моей ноге.

— Ужин, миледи! — почтительно сообщила горничная.

Я с сомнением покосилась на хвостатых. Вели они себя смирно, но брать их с собой в столовую не стоило.

— Лиса, — позвала я. Она не откликнулась, пришлось мне опускаться на колени (пол ледяной!) и выуживать ее из-за бочонка. Кошка мелко дрожала, но на моих руках быстро успокоилась. — Бетти, отнеси их в мою комнату, пожалуйста.

— Д-да, миледи. — Она сделала книксен и опасно притронулась к пушистому боку Лисы. Та фыркнула, однако когтями махать не стала. Вот и славно. — А вы как же? Найдете дорогу в столовую?

— Не беспокойся, — улыбнулась я.

Опыт у меня был богатый. В родном НИИ без провожатого вообще можно было остаться если не на веки вечные, то на ночь точно.

Вскоре я поняла, что недооценила замок: безлюдные коридоры, множество одинаковых дверей. Но я быстро сообразила идти на запах, так что вскоре обоняние вывело меня аккуратно на просторную кухню.

На огромной плите что-то кипело, шкварчало и булькало. В воздухе стоял запах лука — его как раз нарезал поваренок, обливаясь слезами, — и наваристого бульона.

— Миледи? — От удивления повариха чуть не уронила ложку в кастрюлю.

— Простите за беспокойство. Мне нужна столовая, и поскорее.

— Конечно-конечно, — понимающе закивала пухленькая повариха. — Рон, проводи миледи.

Поваренок отвлекся от извлечения косточек из вишен, отер руки полотенцем и важно кивнул.

— Дойдем в два счета!

Воровато оглядевшись, он повел меня черным ходом.

Добрались мы действительно быстро, хотя меня это не спасло: все уже сидели за столом. По правую руку от барона — Донал, рядом с ним бок о бок устроились юристы. По левую — свекровь и золовки.

Принарядившаяся свекровь щеголяла в винно-красном бархатном платье и рубинах на шее и в ушах. Девушки оделись скромнее, в платья пастельных оттенков. Свекровь одарила меня таким взглядом, будто мечтала увидеть в роли главного блюда, и недовольно скривила бледные губы. Мое бледно-зеленое шелковое платье до колен на вечернее никак не тянуло. Впрочем, для нее я в любом случае буду нехороша — хоть в рубище, хоть в бриллиантах. Это стоило принимать во внимание, но не близко к сердцу.

Муж встал мне навстречу.

— Маргарита, дорогая, мы уж заждались. — Он поднес мою руку к губам.

Барон приятно улыбнулся, и я подумала, что этот брак может быть не таким уж тягостным, даже не принимая в расчет науку.

— Простите за опоздание... Фицуильям.

— Мы можем прямо сейчас покончить с формальностями, если желаете. Бумаги составлены, — сообщил он негромко, глядя мне в глаза.

— Конечно, — кивнула я.

Вот почему свекровь смотрит коршуном! Не по вкусу ей, что сыночка вынудили пойти на уступки. По-видимому, она думала, что после венчания все как-то само собой уладится, а я буду в таком восторге от оказанной чести, что соглашусь на все.

Младшая сестра, Джорджина, любопытно посверкивала глазами, как лисичка, зато старшая, Хелен, в подражание матери морщила нос.

Донал бросил на меня мимолетный взгляд и отвернулся. Стефан подбодрил меня улыбкой, мистер Харпер вынул из своего неизменного портфеля несколько листов бумаги. Внизу уже красовалась витиеватая подпись барона.

— Подпишите вот тут, — и адвокат протянул мне ручку.

Он что же, думает, что я подпишу, не глядя?

Я с улыбкой покачала головой.

— Сначала я должна прочитать.

Мистер Харпер отмахнулся.

— Миледи, при всем уважении, ваш юрист уже все проверил. Времени у нас немного, мы ведь не рассчитывали ночевать в замке.

Слабая попытка. Нужно быть совсем дурочкой, чтобы из чистой вежливости рискнуть угодить в пожизненную кабалу. Стефан Стефаном, а безрассудно доверять не стоит никому.

— И все же я настаиваю, — возразила я твердо. — С вашего разрешения, Фицуильям, я сяду рядом с мистером Тоддом, чтобы не терять времени. Надеюсь, вы меня извините.

Я улыбнулась всем присутствующим. В ответ мне улыбнулся только Стефан, хоть и несколько кривовато. Пока он не дорос до клиентуры такого ранга, и дебаты с мистером Харпером изрядно его вымотали.

Донал глядел мимо меня, свекровь со старшей дочерью смотрели волком, младшая потупила взгляд и тербила уголок салфетки, почтенный адвокат недовольно отвернулся.

— Конечно, дорогая Маргарита, — разрешил муж, хоть и без особого энтузиазма. — Если вы находите это нужным...

— Нахожу, — ответила я просто.

Он чуть нахмурился, однако галантно отодвинул мне стул. Как только барон вернулся на место, свекровь сделала знак лакею подавать ужин, и громко заговорила о местных проблемах, чтобы уж точно исключить меня из застольной беседы. Мне это было лишь на руку. Пронзительный голос свекрови напрочь заглушал наше тихое шушуканье со Стефаном.

Наконец ужин — как и контракт — подошел к концу. Никаких подвохов я не обнаружила, Стефан тоже одобрил.

Взяв лежащую рядом с тарелкой ручку, я размашисто поставила свой автограф и улыбнулась теперь уже точно мужу.

— Спасибо, — сказал он серьезно.

Барон выглядел необыкновенно торжественно. Даже неловко было признаваться, что от запаха съестного у меня мигом засосало в желудке.

— Фицуильям, это она тебя благодарить должна! — не выдержала свекровь, весь ужин тихо клокотавшая от негодования. — Какая-то горожанка, еще и ведет себя как продажная женщина! Торгуется, чтобы побольше с тебя урвать.

Продажная женщина? Кто же тогда свекровь с начальником стражи, подавшие меня барону на блюдечке? Сутенеры?

Муж швырнул столовые приборы на стол, от громкого звука свекровь вздрогнула и уставилась на сына с вызовом.

— Мама, — в его приятном голосе послышался лед, — не смей оскорблять мою жену!

Она поджала губы и отвернулась, комкая салфетку.

Я отдала один экземпляр подписанного контракта Стефану (так будет надежнее), но приступить к десерту не успела.

В коридоре послышались какая-то возня, вскрик... а потом сквозь щель неплотно прикрытой двери просочились кошки — трехцветная покрупнее и черная помельче.

— Мя-а-ау! — возмущенно заявила с порога Марка.

Молчунья Лиса согласно махнула хвостом.

Как они сюда пробрались?!

В столовую ввалилась несколько помятая горничная.

— Простите, миледи! — пролепетала она, чуть не плача. — Они вырвались и...

Кошки радостно рванули к столу. Хозяйка! Еда! Стефан, который всегда терпеливо чесал их и гладил! Все тридцать три удовольствия.

— Уберите это! — пронзительно взвизгнула свекровь, тыча пальцем в кошек. — Немедленно!

Тем временем хвостатые поганки уже запрыгнули ко мне на колени. Лиса еще и когти попыталась выпустить, за что схлопотала шлепок по носу. Марка с любопытством принюхивалась к взбитым сливкам на моей тарелке.

У свекрови сделался такой вид, будто ее вот-вот хватит удар. На впалых желтоватых щеках алеют нервические пятна, глаза вытарашены, губы сжаты в куриную гузку.

— Ты это специально! — взвизгнула она, швырнув салфетку. — Как можно гладить мерзких тварей, лижущих себя под хвостом?!

Признаюсь, за эти сутки я дико вымоталась и физически, и морально, поэтому пререкаться и

изящно язвить попросту не было сил.

Я почесала «мерзкую тварь» за ухом, она тихонько заурчала. Стефан тоже украдкой, под прикрытием скатерти, погладил Лису, которая тыкалась в него мордочкой.

Свекровь продолжала верещать, выплескивая на меня весь запас желчи. Из чего я узнала, что виновата во всем, от грядущего позора семьи Скоттов до весенних паводков. Хорошо еще в недавнем покушении на короля не обвинили.

— Мама, перестань. Маргарита не знала, — резко потребовал муж, не дождавшись, когда она утомонится. Затем обратился ко мне: — Дорогая, кошек лучше отсюда убрать, у мамы на них аллергия.

— Да, аллергия! — завопила свекровь, дыша тяжело, как загнанная лошадь. — Ты!..

— Мама! — одернул барон.

— Разумеется, — ответила я, поднимаясь, и подхватила на руки недовольную живность. — Быть может, миссис Скотт нужно к доктору? Успокоительного попить, на курорт съездить?

Хелен, метнув на меня злой взгляд, принялась обмахивать маму платком и совать воду в скрюченные, как когти, пальцы. Джорджина растерянно кусала губы.

Отношения с новоявленной родней определенно не задалась с самого начала.

Хотела бы я знать, почему Донал об этом ни словом не заикнулся? Кому он хотел сделать гадость — мне или свекрови?

— Я пойду к себе, — устало сказала я, разворачиваясь к выходу. — Всем доброй ночи. Мистер Харпер, мистер Тодд, до свидания.

Натянуто улыбнулась мужу и вышла из столовой, услышав напоследок гневную реплику свекрови: «Да был бы ты настоящим мужчиной!..»

Тяжелая дверь захлопнулась, отрезая меня от разгорающегося скандала. Бедный, бедный барон!

Я уже приняла ванну, переоделась ко сну и уютно устроилась в постели с двумя громко мурлычущими кошками, когда постучали в дверь, разделявшую наши с бароном спальни.

Запахнув поплотнее стеганый халат, я крикнула:

— Войдите!

Скрипнули петли, и в мою комнату вошел барон, тоже в халате и с подносом в руках.

— Простите за беспокойство, Маргарита, — чуть виновато улыбнулся он, поставив свою ношу на столик у кровати. — Я вспомнил, что вы остались без десерта.

На подносе красовались заварочный чайник с чашками, горка пирожных и две пиалы со сливками. Даже о кошках не забыл.

— Спасибо. Вы очень любезны, — сказала я несколько растерянно. Стоило бы пригласить мужа на вечерний чай, тем более что он сам озаботился угощением, вот только...

— Не буду мешать, — понимающе улыбнулся он. — Доброй ночи, Маргарита!

— Доброй ночи, — пожелала я уже закрывшейся двери.

Надо же, какая забота! И не лакею приказал, а сам принес.

— Мур? — Марка вопросительно пощекотала усами мою руку.

— Угощайтесь, — разрешила я и, налив себе чаю, взяла с тарелки пирожное.

Лакомиться в постели на ночь глядя было приятно. Хотя я как-то иначе представляла свою первую брачную ночь. Или уже вторую?

Утро началось с касания к плечу, такого легкого, будто на него села бабочка, и робких слов:

— Миледи, просыпайтесь.

Я нехотя открыла глаза и увидела склонившуюся надо мной Бетти. Она тут же ойкнула и отшатнулась.

— Неужели такая страшная? — Я пригладила растрепанные рыжие локоны и потерла глаза. — Который час?

В сон клонило невыносимо.

— Завтрак через два часа, миледи! — сообщила она, приседая.

— Тогда зачем ты меня подняла в такую рань?!

Спать мигом захотелось еще сильнее.

— Так ведь его милость приказали, — растерялась горничная.

Интересно, какая муха укусила моего разлюбленного супруга, что ему вздумалось поднять меня в... Я взяла с тумбочки свои наручные часики. Во сколько?! Будить в шесть утра — это жестоко!

Делать нечего, пришлось вставать. Марка подняла голову, зевнула во всю пасть и снова засопела, а Лиса даже ухом не повела.

Сегодня Бетти вела себя тихо-тихо, как мышка. Голоса почти не подавала, даже глаз не поднимала. Она ловко уложила мне волосы и помогла надеть платье цвета морской волны, весьма эффектно облегающее фигуру. Затем отступила на шаг и постучала в смежную спальню.

— Миледи готова, ваша милость! — пискнула она, приоткрыв дверь лишь на волосок.

— Прекрасно, — отозвался барон. — Доброе утро, Маргарита. Могу я войти?

— Конечно. Доброе утро, — и покосилась на свое отражение, удостоверившись, что выгляжу идеально.

Поймав себя на вполне понятном женском волнении, я нервно усмехнулась и встала навстречу мужу.

Строгий синий костюм шел барону необыкновенно. Высокий, светловолосый, красивый — девичья погибель, да и только!

Муж приблизился, поцеловал мне руку и улыбнулся.

— Пойдемте, Маргарита. Нас ждут.

Сердце застучало быстрее, особенно когда я поняла, что он не торопится выпускать мои пальцы, целуя их уже не столь вежливо-безразлично.

Нас действительно ждали. В холле выстроились нарядные слуги, от дворецкого до последнего поваренка. Выглядело это очень торжественно: белый мрамор лестницы, укрытый толстым ковром; убранные цветами стены; старинные доспехи, столетиями несущие тут стражу. И два десятка слуг, взирающих на нас снизу вверх.

У меня почему-то задрожали коленки, так что барон чуть сильнее сжал мои пальцы, успокаивая.

Он остановился на площадке лестницы. Поднял наши переплетенные руки, демонстрируя всем кольцо, и проговорил спокойно и веско:

— Я, Фицуильям Скотт, семнадцатый барон Мэлоуэн, представляю вам мою жену и вашу госпожу.

Слуги дружно поклонились, затем вперед выступил дворецкий, вопреки моим ожиданиям, вовсе не седовласый и величественный, а крепкий мужчина лет сорока.

— Рады приветствовать вас, миледи. Позвольте познакомить вас со слугами.

Я благосклонно (надеюсь!) кивнула, несколько ошарашенная такой торжественностью. Ох уж эти аристократы!

В череду новых лиц встречались и уже знакомые: горничные Мэри и Бетги, повариха с поварятами, лакей. Признаюсь, я была несказанно счастлива, когда торжественная часть закончилась и дворецкий ударил в гонг, знаменуя время завтрака...

Ох, мама! Зачем я только согласилась?

В столовой уже собралась семья: дамы в утренних светлых платьях и хмурый Донал, бросивший на меня единственный короткий взгляд. Выглядел он несколько помятым, как будто кутил ночь напролет. Впрочем, на завидном аппетите это не сказалось.

Зато сестры ковырялись в своих тарелках, не поднимая глаз, а свекровь... Свекровь улыбалась. От улыбки этой — даже не приклеенной, а будто гвоздями приколоченной — бросало в дрожь.

— Доброе утро, дорогая, — прошелестела она и привстала, чтобы запечатлеть на моей щеке поцелуй, обдав приторным запахом розового масла. — Девочки, поздоровайтесь с Маргаритой.

Они ответили нестройными приветствиями.

— Доброе утро... мама, — от неожиданности брякнула я.

Ничего себе, перемены!

Ее чуть поблекшие голубые глаза сверкнули, но и тут она не дала себе воли, что напугало меня еще больше. Уж лучше бы кричала, чем улыбаться и сюсюкать. Что же тут вчера было, если сегодня свекровь ведет себя как пыльным мешком пришибленная?

Надеюсь, меня тут хоть не отравят по-тихому? Впрочем, нет — барону позарез нужен наследник, так что ближайшие год-другой можно не опасаться.

Свекровь продолжала щебетать, уже не столь натужно. Извинений, кстати, так и не принесла. По-видимому, я должна обо всем забыть и играть в счастливую семью. Ну-ну. Скандал я, положим, закатывать не стану... Но при случае припомню.

Она сделала знак лакею подавать на стол. Хм, а ведь если барон представил меня слугам как хозяйку, теперь я должна ими управлять? По правде говоря, не было ни малейшего желания впрягаться в это ярмо. Это лишь со стороны кажется, что невелик труд — знай себе командуй. На деле пришлось бы во все вникать, а у меня совсем иные задачи.

И что-то мне подсказывало, что власть в доме свекровь без боя не отдаст.

Завтрак оказался плотным: колбаски, жареная ветчина, яичница, тосты.

— Пожалуйста, принесите мне молока, — попросила я лакея, не увидев на столе молочника.

— Нет-нет, Томас, не нужно! — тут же воспротивилась свекровь. — Ступайте, мы сами управимся.

— Разве у вас нет молока? — удивилась я, размешивая сахар в кофе.

— У нас, дорогая Маргарита, у нас! — поправила свекровь, разглаживая салфетку на коленях. — Разумеется, есть, но тебе его пока не нужно.

— Почему? — удивилась я.

Свекровь указала глазами на жующих мужчин.

— Потом объясню... — пообещала она, принужденно улыбнувшись.

Заинтриговала. Ладно, потом так потом.

— Чем ты занимаешься, Маргарита? — вдруг прошебетала младшая из сестер, очаровательное большезлазое создание с золотистыми локонами и широко распахнутыми голубыми глазницами.

— В каком смысле? — уточнила я, отпивая кофе. Мало ли, вдруг до нее уже дошли слухи о моих «колдовских» странностях?

Девушка мило улыбнулась и покраснела.

— Фицуильям говорил, ты работаешь.

— Служит, — язвительно подсказала старшая сестра, кроша в пальцах печенье.

— Я занимаюсь наукой, — ответила я, пропустив шпильку мимо ушей. — Защитила кандидатскую, теперь готовлюсь писать докторскую.

— Как интересно! — вскричала Джорджина с восторгом. — О чем?

Я взглянула на мужа, негромко обсуждающего с Доналом какие-то свои, сугубо мужские проблемы, и ответила:

— Тема моей работы «Особенности взаимодействия проклятий и благословений, вопросы и аспекты их прямого и опосредованного наследования в срезе нескольких генетических линий».

Дамы устали на меня с одинаково глупым выражением, в их глазах не было ни проблеска понимания.

— Речь о взаимодействии проклятия и благословения, а также об их наследовании потомством, — расшифровала я любезно, уже предвкушая веселье.

Ведь не удержатся, начнут дальше спрашивать. И, конечно, я охотно удовлетворю их любопытство. Будем считать это компенсацией (мне, разумеется) за вчерашний скандал.

Юная дева поперхнулась и поспешно прижала салфетку к нежно-розовому рту.

— О! Как любопытно.

— Очень, — признала я с чувством. — Тема редкая, так что мне невероятно повезло... в некотором смысле. Где бы я еще нашла такой материал для исследований?

Барон умолк и начал прислушиваться к разговору.

— Исследований? — поразила Джорджина. — У нас?!

— Конечно. Как только мне пришлют оборудование, начну собирать материалы для опытов.

Лицо свекрови застыло, отчего улыбка казалась нарисованной.

— О каких материалах речь?

— Биологических. Об образцах тканей, — пояснила я любезно, и Джорджина закашлялась. Хелен округлила глаза, а свекровь побледнела.

Она что же, решила, что я намерена отрезать барону что-нибудь нужное?

— Речь всего лишь об анализах крови, лучше бы всей семьи, — успокоила я. — И, конечно, нужно сделать спермограмму.

— Спе... — повторила свекровь слабым голосом.

— Мама, это всего лишь медицинские исследования, — успокаивающе проговорил барон, пока маменька не схлопотала удар. Впрочем, особенно счастливым он тоже не выглядел. — Чтобы снять проклятие.

Донал старательно прятал улыбку за чашкой кофе. Весело ему?

— Для этого нужна наша кровь? — Свекровь принялась обмахивать платком покрасневшее лицо. — И твоя... Ох!

Замечания о неподобающей теме разговора она так и не сделала, что говорило о многом.

Сохранять на лице невозмутимое выражение «все в интересах науки» становилось все трудней, но пока я справлялась. Главное — не расхохотаться в голос.

— Конечно, — подтвердила я веско. — Нужно хотя бы достоверно выяснить, приобретенное это проклятие или унаследованное. Возможно, у девочек оно латентно, тогда может быть передано ими последующим поколениям, понимаете?

Вряд ли она знала словечко «латентно», но поняла — это что-то очень, очень страшное.

— Д-да, — выдавила она, бросив взгляд на испуганных дочерей. Хелен кусала губы, Джорджина чуть не плакала. — Конечно, если ради девочек...

— Пока не оборудована лаборатория, я начну с теоретической части и элементарных исследований. Внешний осмотр, анализ крови, изучение фамильного древа и тому подобное.

— Маргарита, дорогая. — Барон поднялся. — Если вы уже закончили завтракать, я хотел бы пригласить вас прогуляться. Пойдем?

Спорить я, конечно, не стала и охотно променяла сомнительное удовольствие от семейного застолья на небольшой супружеский променад.

Правда, гулять здесь было особенно негде, разве что пройтись по галерее или посидеть в зимнем саду. В сад он меня и привел, это уже становилось традицией.

Барон усадил меня в кресло, сел напротив и лишь тогда заговорил:

— Маргарита, я понимаю ваши чувства. Мама вела себя непозволительно, я прошу у вас прощения.

Я хотела было поинтересоваться, не онемела ли, часом, моя свекровь, раз сама не смогла выговорить даже коротенькое «извини», но прикусила язык. Несправедливо высказывать Фицуильяму за выходки его матери, тем более что он дал ей укорот.

Вместо этого я спросила:

— Почему мы все еще на «вы», если ваши мать и сестры говорят мне «ты»?

Кстати, без разрешения.

Он не удивился смене темы. Поморщился и сжал пальцами переносицу.

— Боюсь, мама не уделяла должного внимания воспитанию Хелен и Джорджины. — Муж подался вперед и взял мои руки в свои. — Маргарита, вы вправе злиться на них, но... Они моя семья и я прошу вас быть с ними терпимее.

Ах вот как?

Я глубоко вздохнула, усмиряя полыхнувшую злость, и поинтересовалась негромко:

— Разве я ругалась?

Барон снова поморщился.

— Маргарита, будет вам. Мама вела себя некрасиво, только ведь и вы могли не затрагивать за столом столь щекотливую тему!

Он что же, меня отчитывает?

— Поправьте меня, если я не права, — начала я, закипая. — Мне следует разбираться с проклятием, но только так, чтобы ни в коем случае не потревожить ваших сестер и мать?

Барон вспыхнул. Крепче — почти до боли — сжал мои пальцы.

— Они тут ни при чем.

— Откуда вы знаете? — Я высвободилась из его хватки и с вызовом посмотрела в глаза мужа. — Вы ранее проходили какие-то обследования? Тогда мне нужны все материалы.

Барон качнул головой и запустил руку в золотистые волосы.

— Меня заверили, что проблема чисто магического характера, так какой смысл обращаться к врачам? Тем более что пошли бы слухи.

Он умолк, а я возразила безжалостно:

— Слухи все равно пошли. Кстати, откуда другой наследник узнал о вашем бесплодии? Не сам ли он это подстроил?

— Даже если так, доказать это не удастся, — заявил барон с досадой, хлопнув ладонью по подлокотнику кресла. — Мои детективы проверили и перепроверили Адама, но не нашли ровным счетом ничего. Конечно, он тот еще тип, но с магами не якшался.

Я задумчиво прикусила палец.

За проклятие и прочую «вредоносную» магию можно было схлопотать тюремный срок, длительность которого зависела от причиненного вреда. Поэтому к магии прибегали нечасто, и стоило это дорого. Если уж этот Адам сумел найти того, кто наложил проклятие, то как-то странно этим распорядился. Какой смысл выстраивать шаткую конструкцию с бесплодием и судом за наследство, если можно попросту избавиться от конкурента?

На Адама резонно пали бы подозрения, но доказательств нет, а куш на кону немалый — баронский титул со всеми сопутствующими благами. Вон даже свекровь моя ненаглядная на преступление пошла...

Впрочем, мне до этого нет дела, пусть барон сам ищет, кого настолько допек. Моя задача — разобраться с проклятием и, по возможности, его нейтрализовать. Остальное представляет чисто исследовательский интерес.

— Послушайте, Фицуильям, это ведь глупо. Если я хочу разобраться в вашем проклятии, мне придется задавать неудобные вопросы, и, скажем так, будет трудно при этом щадить стыдливость ваших сестер. Или вашу.

Он усмехнулся.

— Обо мне не беспокойтесь. Маргарита, что вы скажете о настоящей прогулке? Неподалеку есть озеро, можно устроить пикник на берегу.

— Это свидание? — осведомилась я, искоса взглянув на него.

Барон улыбнулся.

— Нам ведь нужно узнать друг друга получше. Давайте сделаем вид, что мы только познакомились. Идет?

Он протянул мне руку открытой ладонью вверх. Мой выбор — принять или оттолкнуть.

— Идет, — ответила я, поколебавшись лишь мгновение.

— Тогда вам лучше переодеться. — Он слегка сжал мои пальчики. — Мы поедем верхом. Туда не добраться на автомобиле.

— Верхом? — Я несколько растерялась. — Но я не умею.

— Не беспокойтесь, я вас повезу. Или вас беспокоят приличия?

Какие приличия, если он мой муж? И все-таки это несколько смущало...

Стараясь не слишком откровенно краснеть, я мысленно перебрала свой скудный гардероб и вздохнула.

Одно время я носила брюки и коротко стриглась, чтобы не слишком выделяться среди остальных научных сотрудников. Потом сообразила, что так лишь хуже — женщиной меня уже не считали, но и с мужчинами не равняли. Так что теперь в моем гардеробе сплошь юбки и платья. Не хочу, чтобы во мне видели эдакого недомужчину.

— Костюма для верховой езды у меня нет, так что можем отправляться прямо сейчас.

— Дайте мне полчаса, — попросил он, вставая. — Подождете?

Это было... очаровательно. Иного слова я не подберу.

Прижиматься спиной к крепкому мужскому телу, чувствуя на талии горячую тяжелую руку. Ощущать, как под нами мерно перекачиваются мышцы каурой лошадки. Стараться не смотреть вниз, на такую далекую землю.

Сесть пришлось боком, иначе подол юбки совсем уж бесстыдно обнажал колени, так что от падения меня удерживала лишь хватка мужа. Окрестности замка оказались удивительно живописны. Далекая гряда гор, похожая на хребет спящего дракона; умытые вчерашним дождем луга; жутковато нависающие над тропинкой скалы; сонный и темный, будто зачарованный, лес.

Наконец тропинка вывела нас к большому озеру, окаймленному густым лесом. Остановив лошадь на полянке, барон спрыгнул и подал руку, помогая мне спуститься. Я неловко сползла по конскому боку и угодила прямоком в объятия мужа. Он подхватил меня за талию и не торопился разжимать руки.

Тихий плеск воды. Мы двое. Наше учащенное дыхание.

Фицуильям смотрел без улыбки, серьезно и строго, будто на что-то решааясь. Я растерянно замерла, не в силах сделать первый шаг — и не способная отступить.

Вот-вот он наклонится и...

Лошадь всхрапнула, разрушая волшебство момента. Барон отдернул ладони, будто обжегшись, и, кашлянув, отвел взгляд.

Он снял с седла корзинку для пикника и вынул из нее клетчатый плед. Пока я с любопытством глазела по сторонам, он расстелил его на берегу и, усевшись на него, приглашающе похлопал ладонью.

— Присаживайтесь, Маргарита. Надеюсь, вам тут понравится.

— Мне уже нравится, Фицуильям, — ответила я и, прикрыв глаза, полной грудью вдохнула воздух, пахнувший сосновыми иголками, травой и цветущим клевером.

Он усмехнулся.

— Присаживайтесь. Если хотите, можете подремать. Вы наверняка не выспались.

— Вы очень заботливы. — Я опустила на колени, жалея, что не воспользовалась предложением надеть что-нибудь... посвободнее. И желательнее подлиннее.

Он покачал головой, глядя на сине-зеленую гладь озера, блестящую под ярким солнцем.

— Не говорите так. Из-за этого я чувствую себя виноватым еще больше.

— Это не ваша вина, — возразила я не вполне уверенно.

Все же свекровь не решилась бы на такую выходку, не попустительствуя ей сын раньше.

Барон сидел рядом — прямой как палка, несгибаемый, строгий. Он словно отстранялся от меня.

— Моя. Я не должен был... впрочем, это дело прошлое.

Я промолчала. Расспрашивать не хотелось. Ничего не хотелось, только лечь на спину, закинуть руки за голову и рассматривать лениво проплывающие облачка. Солнце приятно лакало кожу, тихий плеск воды навевал дремоту. Что-то тут не так.

— Почему озеро волнуется? — спросила я, наконец заметив несоответствие. — Ветра же нет.

— Кто знает? — пожал плечами барон и, нагнувшись, поднял голыш. — Говорят, в этом озере живет чудовище. Местные жители зовут его Китти.

— Как-как? — переспросила я, невольно рассмеявшись.

Барон тоже усмехнулся и швырнул камешек в воду.

Китти, — повторил он. — Это дева, утопившаяся от несчастной любви. После смерти она стала духом озера и теперь ищет неверного жениха, желая его утопить. Сюда даже какие-то ученые приезжали, без особого успеха, впрочем.

— Поэтично, — признала я и сдалась. Легла на подстилку, раскинув руки в стороны, и зажмурилась.

Солнце гладило щеки, под лопаткой колол камушек, по ноге щекотно полз муравей. Идиллия.

— Маргарита? — Голос барона раздался как-то очень уж близко.

— Да? — шепнула я, не открывая глаз.

Ожидая касания, поцелуя, страшной тайны, в конце концов («В нашей семье этому чудовищу скармливают строптивых жен!»)

Чего угодно, только не будничного:

— Вы хотели задать... как вы сказали, неудобные вопросы? Спрашивайте, тут нас никто не услышит.

Я сморщила нос. Кто о чем, а барон о проклятии! Выпытывать у него интимные подробности не хотелось, как и портить чудесный день очередной ссорой, без которой не обойдется, если я стану расспрашивать, как он дошел до жизни такой. Муж снова встопорщит иголки, как еж, станет цедить слова, хмуриться... Оно мне надо?

— Давайте в другой раз? Расскажите лучше о себе.

— Что рассказать? — спросил он после паузы.

— Да что угодно, — отмахнулась я и, прикрыв глаза ладонью, мечтательно уставилась в небо. Вон то облако похоже на Фрагмент ДНК. — Что вам интересно, что вы любите, чем живете.

Он озадаченно помолчал.

— Люблю... Много чего люблю. Семью. Животных, особенно лошадей. Люблю читать, люблю пирог с печенью и терпеть не могу овсянку. Вам правда это интересно?

— Почему нет? — Я чувствовала себя легкой и безмятежной, как то самое облачко, проплывающее над моей головой. — Человек состоит из этих «люблю» и «не люблю». Я, например, терпеть не могу раннее утро и молоко с пенками.

— Кто бы мог подумать? — Теперь в голосе барона звучал едва сдерживаемый смех. — Неужели кто-то это любит?

— Моя сестра, — ответила я с готовностью. — Ирэн на ногах еще до рассвета. Она обожает теплое молоко с медом и...

— Перестаньте! — с шутливым гневом потребовал он. — Иначе я за себя не ручаюсь. Кажется, у нас есть ветчина, сыр и фрукты. Хотите?

— Если это была попытка меня отвлечь, — я скосила на него глаза. Фицуильям наконец перестал держаться навывтяжку. Даже узел галстука ослабил! — то она удалась. Давайте сюда ваши вкусы.

Кроме перечисленного в корзинке оказались еще изюм, курага и лукошко со спелой клубникой. К ней не хватало сливок, но и без того пиршество удалось.

Чувствуя себя сытой кошкой, я сполоснула руки в ледяной — до мурашек — воде и с сожалением отказалась от мысли пройтись босиком по мелководью. Так и простуду подхватить недолго.

— Поедем обратно? — предложил барон негромко. — Или можем покататься на лодке.

— Ваше чудище нас не сожрет? — пошутила я, обернувшись.

Он сидел на пледе и смотрел мимо. Спohватившись, перевел взгляд на меня и поддразнил:

— Если уж вами даже мама подавилась...

Я предпочла считать это комплиментом. Посмотрела на солнце, стоящее почти в зените, и вздохнула. Возвращаться в замок не хотелось до дрожи в пальцах, даже предстоящее исследование не радовало. Все равно лаборатории пока нет, а теоретическая часть навевала скуку и уныние. Расспрашивать домочадцев и рыться в пыльных хрониках — то еще

удовольствие.

— Давайте покатаемся.

Оставив пиджак и прочие вещи на берегу — вряд ли в этом уединенном уголке найдется прохожий, который позарится на корзинку для пикника, — барон усадил меня в вытащенную из-под ивы лодку и, оттолкнув ее от берега, запрыгнул внутрь.

Суденышко опасно покачнулось, но устояло. Барон взялся за весла. Греб он так ровно и красиво, что я даже засмотрелась. Солнце золотило его макушку, тихо скрипели уключины, плескалась вода, лодка легко и плавно скользила все дальше от берега.

— Где вы так научились?

— В университете, — хмыкнул он, даже не слишком запыхавшись. Глаза у него блестели, под тонкой рубашкой перекачивались крепкие мускулы, лицо лучилось чистой мальчишеской радостью. — У нас поощряли греблю. Жаль, теперь редко удается...

Он осекся и мотнул головой, словно отгоняя неприятную мысль.

— Вы учились на врача? — спрашивать, почему редко, я не стала. Понятно же, что барону Мэлоуэну не до таких забав.

— Ветеринара, — поправил он. — Я чуть было не стал «конским доктором».

Последнее он произнес с иронией, явно кого-то передразнивая.

— Но не практиковали? — поинтересовалась я, опуская ладонь за борт.

Ближе к центру озера вода была настолько холодной, что аж зубы свело.

— Всерьез — нет. — Он бросил на меня короткий взгляд. — Я как раз закончил учебу, когда на меня свалилось это баронство.

Что-то не слышно радости в голосе.

Задать следующий вопрос я не успела. Опущенную в воду руку вдруг прострелило болью. Рывок — и я полетела в озеро, не успев даже закричать. Я тяжело плюхнулась в воду. Обжигающий холод сковал тело, и я забилась, бестолково молотя руками по воде. Пытаясь удержаться, вынырнуть, глотнуть воздуха...

Что-то тащило меня вниз. Упорно, настойчиво, не давая отдышаться. Ног я уже не чувствовала. Их сначала прошило болью, а потом словно сковало льдом. Перед глазами было темно. Ужас — первобытный, глубинный ужас — завладел мной. Выпрыгнуть, вырваться! Из ледяной воды — к теплоте солнцу, к воздуху! Но сил почти не осталось...

Когда что-то обхватило меня за талию, я лишь вяло трепыхнулась. И так же заторможенно удивилась, когда поволокло меня не в глубину, а, наоборот, вверх.

Воздух! Я хватала его ртом, давясь и кашляя, и все никак не могла надышаться.

Потом вдруг поняла, что сижу на берегу, на плече. Меня била крупная дрожь, в лицо тревожно заглядывал... Донал, с которого потоком лила вода.

— Миледи? Как вы? — Я не ответила, поэтому он осторожно встряхнул меня за плечи. — Миледи?

— Н-не называйте меня так! — простучала зубами я. Это что же, он меня вытащил? — Я... ног не чувствую.

И судорожно всхлинула. На первый взгляд, ноги мои были на месте — посиневшие от холода и... с синяками на голени и щиколотках. От вида уродливых сине-багровых пятен на коже меня затрясло. Зато рука, на удивление, осталась цела, только манжета платья отодрана. Видимо, дернули не за кисть, как мне с перепугу показалось, а за рукав.

Донал нахмурился. Сжал челюсти так, что проступили желваки. Затем, глубоко вздохнув, опустился на колени и принялся растирать мои ступни. Поначалу я не чувствовала ничего, ни смущения, ни даже прикосновений. Потом пришла боль, такая острая, что из глаз брызнули слезы.

— Потерпите, Грета, — попросил он чуть слышно.

Или мне померещилось?

В следующий момент его бесцеремонно отодвинули в сторону, а передо мной присел на корточки Фицуильям. Тоже мокрый, только с волос не текло.

— Спасибо, Донал, дальше я сам. Маргарита, дорогая, как вы?

— Холодно, — сипло призналась я. — Что это было?

— Китти, — процедил Донал, чем вызвал недовольный взгляд хозяина.

Начальник охраны замка раздраженно дернул плечом и скрестил руки на груди. Мокрая рубашка обрисовала широкие плечи и плоский живот, брюки облепили бедра, как вторая кожа. Донал не дрожал, только чуть заметно ежился.

Мне было не до смущения. Я лишь безразлично подумала, что сама вряд ли выгляжу лучше. Тонкий хлопок платья, намкнув, не скрывал вообще ничего, волосы змеями вились по шее и груди, хоть как-то ее прикрывая.

— Перестань пугать Маргариту! — отчеканил барон зло и набросил мне на плечи свой пиджак, еще и в плед завернул.

— Даже не думал, — отозвался Донал ровно и отвернулся к воде. Лодка покачивалась почти в центре озера — видимо, барон сиганул вслед за мной, а потом не стал возвращаться.

Интересно, как Донал тут оказался? Лошади не видно, разве что пешком пришел. Вялое любопытство шевельнулось и тут же угасло. Какая разница? Главное, что вовремя.

— Вам лучше вернуться в замок, — сухо посоветовал Донал, не оборачиваясь. — Иначе купание в озере может закончиться для леди простудой.

У меня невольно вырвался смешок. Купание!

Барон ничего не ответил, лишь подхватил меня на руки и усадил на лошадь. И, не заботясь об остатках пикника, легко взлетел в седло.

— Как же мистер Грин? — спросила я хрипло, когда барон двинул жеребца с места. Горло начинало саднить. — Он ведь тоже промок.

— Ничего страшного, — буркнул барон не очень-то довольный. — Он крепкий.

И пустил лошадь рысью, оставив проклятое озеро за спиной.

На обратном пути было не до любования видами. Меня потряхивало от переохлаждения и запоздалого страха.

— Маргарита, не бойтесь. — Шепот барона щекотал ухо. — Все в порядке, вы в безопасности.

И по голове погладил, как ребенка.

Теплый ветерок и жаркое июньское солнце подсушили волосы, пиджак впитал воду, так что, когда во дворе замка барон снял меня с лошади, я даже смогла ему улыбнуться. В конце концов, ничего страшного не случилось, хотя напугалась я порядком.

— Простите за испорченную прогулку, — негромко попросил он. — Я не хотел вас огорчить.

— Что вы, это было... незабываемо! — искренне сказала я, внутренне содрогнувшись. — Интересно, можно ли получить образец тканей этого существа? Было бы любопытно выяснить, как возникла такая необычная мутация.

Глаза барона округлились, он расхохотался, запрокинув голову.

— Вы неподражаемы, Маргарита!

— Кхе-кхе, — подал голос забытый нами дворецкий, терпеливо дожидавшийся на пороге. — Прошу меня простить, милорд, миледи. Ваша матушка, господин барон, просила вас

немедленно по прибытии заглянуть в лилейную гостиную.

— Что за спешка? — осведомился барон, нехотя оборачиваясь.

— Гости, милорд! — Дворецкий сделал каменное лицо, хотя до Донала ему по этой части было далеко. — Мистер Локуэлл с дочерью, а также... мистер Адам Скотт.

Судя по тому, как нахмурился Фицуильям, многозначительная пауза перед именем последнего гостя мне не почудилась.

— Что здесь делает этот прощелыга? — зло выдохнул барон, хлопнув себя перчаткой по бедру.

Губы дворецкого дрогнули в тщательно скрываемой улыбке.

— Осмелюсь заметить, очаровывает миссис и мисс Скотт, милорд.

Безоблачно голубые глаза барона потемнели.

— Очаровывает? — повторил он с расстановкой. — Маргарита, дорогая, пойдете со мной.

Вопрос «куда» я опустила как дурацкий.

— В таком виде? — Я выразительно оглядела мокрое платье, слипшиеся волосы и мужской пиджак, накинутый на плечи.

— Всего на несколько минут. — В тоне мужа послышались умоляющие нотки, и я сдалась и взяла его под локоть.

Рука об руку мы направились к загадочным гостям. По правде говоря, я сгорала от любопытства. Каков этот Адам Скотт, при одном звуке имени которого у Фицуильяма дым из ушей идет? Интересно же взглянуть на потерянного наследника, претендующего на свой кусок пирога. Да что там, на весь пирог! Баронство Мэлоуэн — майорат, оно полностью достанется одному-единственному счастливчику.

Мы вихрем пронеслись по коридорам замка, лишь на подходе к нужной комнате Фицуильям замедлил шаг, чтобы отдышаться. Так что в гостиную мы вошли степенно и плавно, как любящая и дружная пара.

И произвели фурор. Свекровь запнулась на полуслове и совсем неаристократично вытаращила глаза. Почтительно внимавший ей молодой человек лет двадцати пяти — двадцати семи обернулся и приоткрыл рот, сестры барона и некрасивая девица с длинным носом и печально обвисшими русыми кудрями застыли с чашками в руках. Последний из присутствующих, краснолицый здоровяк средних лет с поредевшими волосами, молодецки крикнул, пригладил пышные усы и пробормотал что-то вроде: «Дело молодое».

Немая сцена длилась с минуту.

— Фицуильям, дорогой, что случилось?! — схватилась за сердце свекровь. — Несчастье?

Барон поцеловал ей руку.

— Глупости, мама. Мы в полном порядке. Просто... купались.

— Купались? — переспросила она недоверчиво. «Топились» нашему жалкому виду явно подходило больше. Потом спохватилась и фальшиво улыбнулась: — Дорогой мой, вам нужно срочно выпить чего-нибудь горячего! Маргарита могла замерзнуть и простудиться.

И одарила меня притворно-заботливым взглядом. Я ответила сияющей улыбкой. Я наверняка походила на мокрого котенка, но в этом нет моей вины.

— Не переживай, мама, я ее согрел... — Барон сделал многозначительную паузу и продолжил, повернувшись к гостям: — Здравствуйте, мистер Локуэлл, мисс Локуэлл, Адам. Маргарита, дорогая, позволь представить тебе мистера Локуэлла, нашего соседа, его очаровательную дочь Мэри Локуэлл и, наконец, моего троюродного кузена, Адама Скотта. Мистер Локуэлл, мисс Локуэлл, Адам — это *моя жена*, Маргарита Скотт.

«Дырку от бублика тебе, а не баронство, дорогой кузен!»

— Очень приятно, — пропела я, подавая руку джентльменам и обмениваясь улыбками с леди.

Светская беседа заняла минут десять, за это время я успела рассмотреть и Мэри Локуэлл, молчунью с глубокими зелеными глазами, которые несколько скрашивали ее неказистую внешность, и ее добродушного, хоть и слишком громогласного отца, и — самое главное — Адама Скотта.

Главный враг барона оказался приятным молодым человеком, который одевался с безупречным вкусом и держался со столь же безупречным тактом. Галстук его был повязан идеально, ботинки сверкали, из кармашка пиджака выглядывал накрахмаленный платочек, золотистые волосы уложены волосок к волоску. Портил его лишь капризный, слишком крупный и яркий рот, которому Адам пытался придать благородный вид с помощью щеточки пшеничных усов.

С кузеном они были похожи — оба высокие голубоглазые блондины — как могут быть похожи портрет кисти экспрессиониста и рисунок акварелью. Образ Фицуильяма был выписан яркими, подчас чуть грубоватыми мазками, а слащавое лицо Адама словно сошло с праздничной открытки. Он улыбался так искренне и смотрел так открыто, что поневоле чудился подвох.

Опечаленным нашей свадьбой кузен не выглядел (или был отличным актером).

Устав от разговора ни о чем, я улучила паузу и взяла барона под руку:

— Надеюсь, вы нас извините? Была рада знакомству.

— Вы должны непременно приехать к нам на обед! — заявила мисс Локуэлл тихо, но непреклонно.

— Обязательно, — пообещала я с легким сердцем. — Как-нибудь.

Я бы что угодно пообещала, лишь бы сбежать от нарядных леди и солидных джентльменов, скучающих за чаем. Что только люди находят в светской жизни? Лучше написать скучнейший отчет или подготовить тезисы к конференции, чем выдержать один визит.

— Мы вскоре планируем ужин с танцами, — с заискивающей улыбкой вмешалась свекровь, зорко наблюдавшая за мной. Кажется, дружбы мистера и мисс Локуэлл она искала давно. — По случаю свадьбы моего сына.

Особого энтузиазма мисс Локуэлл не выказала. Промолвила рассеянно:

— О, конечно...

И улыбнулась Адаму Скотту.

Кажется, не все гладко в местном обществе...

На пороге спальни барон остановился, целомудренно поцеловал меня в лоб, пробормотал:

— Отдыхайте, дорогая.

И скрылся в соседней комнате.

Я в задумчивости открыла свою дверь... и меня чуть не снесли соскучившиеся кошки.

— Мяу! — возмутилась Марка, поставив лапы мне на ноги, а молчунья Лиса принялась тереться о щиколотки.

Пришлось брать обеих на руки — платье все равно испорчено, немного шерсти погоды уже не сделает, — и чесать за ушами.

Сгрузив разомлевших кошек на кровать, я принялась стаскивать с себя влажную одежду.

Мимходом покосилась на дверь в смежную спальню и хмыкнула. В замке пока никакой нужды не было, Фицуильям вовсе не рвался утвердить супружеские права. Он вообще ухаживал за мной без огонька, как будто по необходимости.

И я пока не решила, как к этому относиться.

Обед я бессовестно проспала, пригрелась в обнимку со сладко мурлычущими кошками. Кажется, поначалу меня пытались разбудить (а может, гневное шипение Марки мне

примерещилось?), но быстро оставили эту затею. Так что глаза я открыла в четверть пятого пополудни.

На столике у кровати дожидался моего пробуждения поднос с обедом, заботливо накрытый серебряной крышкой. Прогнав мигом вскочивших кошек, я под их осуждающими взглядами умяла тушеную курятину (остывшую, но упоительно вкусную!), запеченный картофель, сэндвичи с ветчиной и соленым огурцом.

В дверь постучали, когда я уже отложила приборы.

— Миледи? — Горничная осторожно заглянула в спальню и расплылась в улыбке. — Как вы себя чувствуете?

— Отлично, — заверила я рассеянно.

Как ни странно, я даже простуду не подхватила. На память о приключении остались лишь синяки, которые при ближайшем рассмотрении не выглядели такими уж страшными.

— Давайте я помогу вам одеться, — предложила она, опасливо косясь на моих недовольных кошек.

На левой руке у нее виднелись тонкие царапины.

— Сама справлюсь, — отмахнулась я. — Тебе нужно обработать ранки, они плохо заживают.

— Ничего. — Она принялась споро убирать посуду. — Заживет. Мистер Грин уже обработал.

— Он вернулся? — обрадовалась я.

— Да, он давно в замке. Вам что-нибудь нужно, миледи?

— Нет, можешь идти.

Когда горничная выскользнула из комнаты, я набросила шелковый халат, затянула пояс и задумалась. Чем бы заняться? Хотелось чего-то тихого, спокойного, расслабляющего...

Хмыкнув, я вынула альбом и карандаши.

Я почти закончила рисунок, где нарядные коты рука об руку прогуливаются по бульвару, когда предательский скрип двери вырвал меня из транса.

На пороге стояла свекровь. Внутрь заходить она не стала: брезгливо посмотрела на разлегшихся на постели кошек и недовольно скривила губы. Вслух, впрочем, претензий не высказала.

— Маргарита, дорогая, как ты?

— Все хорошо, благодарю вас, — ответила я настороженно, пытаюсь угадать, чем вызван этот визит.

Не всерьез же она беспокоится! Хотя, может, и всерьез — другой наследник тут как тут, а сын-барон все еще бездетный. Поневоле встревожишься.

— Надеюсь, обед был вкусным? — продолжила свекровь, так же маяча на пороге.

— Очень, спасибо.

Не нравились мне эти расшаркивания.

— Я рада. — Она поправила кружевной воротничок. — Тебе нужно есть побольше мяса и рыбы.

— Зачем? — удивившись, я захлопнула альбом и поднялась. — Кстати, вы так и не сказали, почему за завтраком мне не дали молока.

— Дорогая, зачем тебе молоко? Ты ведь должна соблюдать диету, пока не родится малыш! — Свекровь улыбнулась и протянула мне листок бумаги. — Здесь написано, что тебе можно, а что нельзя.

Что за новости?

Я бегло ознакомилась со списком разрешенного: мясо, грибы, шоколад, рыба, соленое, острое и жареное. Странная какая-то диета.

Зато в перечне, озаглавленном жирным «Нельзя!!» значились злосчастное молоко, сливки, творог, сыр... Еще орехи, яйца и выпечка.

— Это еще что за... — слово «бред» я проглотила с трудом, — суеверия?

— Дорогая Маргарита. — Свекровь понизила голос. — Мы ведь хотим, чтобы первым родился мальчик, правда?

Она снисходительно потрепала меня по плечу.

В первый момент я лишилась дара речи. Это ведь антинаучно! За пол ребенка ответственен отец, это аксиома.

— Рада, что мы нашли общий язык, дорогая, — прошептала свекровь, приняв мою растерянность за смущение. — Не бойся что-нибудь забыть, я прослежу, чтобы ты питалась правильно.

Кивнула и лебедем поплыла прочь.

Я обессиленно упала в кресло. Верните меня обратно! Я готова даже терпеть поучения маразмагического профессора Поупа, только не выходки баронской семейки!

К ужину собралась вся семья, не было только Донала. Хотя с чего я взяла, что он постоянно столуется с хозяевами? Может, последние события были настолько из ряда вон, что выбили семейство из колеи и нарушили привычный уклад?

Трапеза протекала чинно. Свекровь виртуозно дирижировала беседой, вовлекая в нее и дочерей, и сына, и даже меня. Впрочем, я отделялась междометиями, жевала и глотала, почти не чувствуя вкуса.

Барон выглядел усталым и рассеянным, пропуская мимо ушей щебет сестер и плавную речь матери. Иногда, забываясь, он перехватывал столовый нож на манер кинжала. Фицуильям осведомился о моем здоровье, рассеянно кивнул, услышав, что со мной все в относительном порядке, и снова набросился на мясо.

Наевшись, я отложила приборы и подозвала лакея.

— Томас, будьте добры, принесите стакан молока.

— Молока, миледи? — На лице лакея отобразился такой ужас, словно я попросила цианида, да побольше, чтоб на всех хватило.

— Молока, — повторила я в наступившей тишине. — Теплого молока с медом. Кажется, я все-таки простыла, горло саднит.

И показательно кашлянула.

Глаза мужа блеснули, а лакей затравленно посмотрел на мою драгоценную свекровь.

— Маргарита, дорогая, — кинулась она ему на помощь. — Разве ты забыла, что тебе нельзя молока?

— Можно, — возразила я с улыбкой людоеда, которого пытаются посадить на вегетарианскую диету. — Вся эта чушь о диетах для зачатия ребенка определенного пола не стоит выеденного яйца.

Дело ведь не в молоке. Если позволишь решать за себя, оглянуться не успеешь, как и дышать станешь только по указке.

Лицо свекрови пошло некрасивыми пятнами. На какую бы диету посадить ее, чтобы ума прибавилось?

— Маргарита!.. — сдавлено возмутилась она. — Томас, ступайте!

Я кивнула.

— Да-да, Томас, и без молока не возвращайтесь.

Он даже споткнулся, чуть не выронив поднос, что для вышколенного лакея почти нонсенс.

— П-простите? — пролепетал бедняга, оказавшийся меж двух огней.

— Идите, Томас! Маргарита пошутила, — проскрежетала свекровь и так на меня взглянула, будто плеснула кипятком.

Сдаваться я не собиралась.

— Не пошутила! — отчеканила я. — Или вы принесете мне молоко, или завтра получите расчет.

Стиснув поднос, лакей умоляюще воззрился на хозяина дома.

— Милорд?!

Барон побарабанил пальцами по столу и кивнул каким-то своим (похоже, не слишком радостным) мыслям. Был он угрюм и на маменьку взирал безо всякого пиетета.

— Разве вы не слышали, что *ваша хозяйка* попросила молока?

Акцент на слова «ваша хозяйка» ударил свекровь под дых. Она некрасиво раскрыла рот, глотая воздух ртом.

Я получила-таки свое молоко. И злейшего врага в довесок...

По возвращении к себе я долго и с наслаждением принимала ванну, а когда забралась в постель и легла, обнаружила под подушкой что-то твердое. Это еще что?!

Согнав с кровати кошек, я с бьющимся сердцем резко сдернула подушку... и уставилась на лежащий под ней топор. Новехонький, блестящий, с крепким топорщиком и острой даже на вид кромкой. Обычный колун, такой можно купить на любой ярмарке.

Никаких следов заклятий, странных знаков или крови на нем не было. Кошки тоже беспокойства не проявляли, а ведь общеизвестно, что они чувствуют магию. Взяв его на всякий случай с помощью полотенца, я отнесла топор в ванную и оставила там.

Это расценивать как предупреждение?..

Разбудил меня высокий голосок горничной:

— Миледи, доброе утро!

Я с трудом разлепила глаза. Захотелось взвять и накрыть голову подушкой. Что за изверги живут в этом замке? Чего им не спится в такую несусветную рань? За окном ведь едва рассвело! Ладно сами вскочили, а других-то зачем будить?! Даже Ирэн, оголтелый жаворонок, такого себе не позволяла.

— Бетти, что случилось? Пожар? Мор?

— Н-нет, миледи, — растерялась она, застыв со стопкой свежих полотенец в руках. — Не приведи боги, миледи!

— Тогда зачем ты будишь меня в шесть утра?! — шепотом, чтобы не потревожить дрыхнувших кошек, гаркнула я. Марка тихо сопела, устроившись на моих ногах, нелюдимая Лиса предпочла кресло.

— Так хозяйка приказала, — пролепетала горничная, тараша круглые глазищи. — В деревню, на утренний молебен.

Я уронила голову. Опять дорогой «маменьке» нейметя.

— Теперь я тут хозяйка. Хочешь дальше быть моей личной горничной — слушайся меня, а не мою свекровь. Все понятно?

Она побелела, как молоко, и прижала полотенца к груди.

— Да, миледи!

— Тогда растолкаешь меня за полчаса до завтрака.

С этими словами я накрыла голову подушкой, а потому донесшийся из ванной вскрик и грохот (уронила-таки топор!) услышала еле-еле. Спа-а-ать!..

Во второй раз получилось лучше. Разбудил меня божественный запах кофе. Зевнув, я сладко потянулась и лишь потом открыла глаза.

Горничная как раз поставила на прикроватный столик поднос и наклонилась, чтобы поднять что-то с пола.

— Миледи, вы обронили. — Она положила рядом со мной сложенный листок бумаги.

Хм? Не припоминаю.

Прихлебывая кофе, я машинально взяла бумажку, развернула... и чуть не подавилась.

Короткая надпись, составленная из вырезанных из журнала букв:

«Вчера было предупреждение. Хочешь жить — уезжай».

— Миледи? — встревожилась горничная, видя, что я застыла с чашкой в руке. — Все в порядке?

— Все замечательно! — заявила я с чувством, глотком допивая неприятно горячий кофе.

В памяти всплыл леденящий ужас, когда неведомая сила утаскивала меня на глубину, и меня разобрала злость. Предупреждение, значит? Не по нраву я местным жителям? Что же, я от них тоже не в восторге.

На завтрак я отправилась в крайне задумчивом настроении.

Рассеянно поприветствовав семью и выслушав нестройные ответные «доброе утро» — свекровь ограничилась кивком, — я села рядом с Доналом. Он скользнул по мне взглядом и вернулся к беседе с бароном. Свекровь с дочерьми сидели напротив, Фицуильям, как всегда, во главе стола.

Похоже, муж спал дурно, если вообще ложился. Вид у него был всклокоченный и хмурый, на щеке красовалась свежая царапина, а под глазами залегли темные круги. Интересно, это его камердинер совсем ворон не ловит или барон изволил ночевать вне дома и в заботливые руки слуг не попал? Если так, то где носило моего благоверного? Неужели спускал пар (и излишек гормонов) в каком-нибудь борделе? Даже думать об этом противно.

Я со злостью воткнула нож в бифштекс и замерла, так меня поразила внезапная мысль. Я его ревную? Что за собственнические замашки? С чего я вообще взяла, что барон загулял? Мог ведь, скажем, над бухгалтерскими книгами до рассвета корпеть.

— Маргарита, дорогая, с вами все в порядке? — участливо осведомился заботливый муж. — Вы так побледнели.

— Не переживайте, дорогой, — через силу улыбнулась я. — Вспомнила о неприятном.

Хелен фыркнула и что-то шепнула сестре. Судя по тому, как залились краской щеки Джорджины, это была какая-то гадость.

От барона это не укрылось.

— Хелен... — начал он грозно, зло сверкнув глазами.

— Что? — Она с вызовом вскинула голову.

Барон начал закипать.

— Ты что-то хотела сказать? Тогда поделись с остальными.

Повторить колкость вслух у нее кишка оказалась тонка. Видимо, сказанула в сердцах нечто такое, чего даже любящий братец бы не спустил.

— Мы секретничали! — выпалила она, кусая губы.

Барон перевел взгляд на младшую сестру.

— Джорджина, что Хелен тебе сказала?

— Фицуильям, — попыталась вмешаться свекровь, но была остановлена поднятой ладонью сына.

— Мама, помолчи, пожалуйста. Джорджина, я жду.

Девушка опустила глаза.

— Я... Я не буду это повторять. Это... грязно!

Под скрестившимися на ней взглядами Хелен покраснела.

— Хелен, я полагал, ты усвоила урок, — проговорил барон нарочито спокойно, только желваки на скулах выдавали его бешенство.

Она отчего-то ступевалась и кивнула, пряча взгляд.

— Усвоила.

Звучало загадочно, однако уточнять я побоялась — не стоит вызывать огонь на себя.

Правильно, потому что Фицуильям внезапно закричал:

— Так какого же темного бога ты говоришь за спиной то, что стесняешься повторить вслух?!

Я вздрогнула, испытывая детское желание спрятаться под стол. Ничего себе барона разобрало! Не ожидала, что его так заденет сказанная в мой адрес гадость.

— Почему ты все время принимаешь ее сторону?! — закусил удила Хелен и невоспитанно ткнула в меня пальцем. — Ты даже на меня кричишь, чтобы перед ней выслужиться! Она ведь обычная мешанка!

Я лишь головой покачала. Ох уж этот дворянский гонор. Не видит Хелен, что ли, что братец ее вот-вот отшлепает?

Фицуильям меня удивил. Он прикрыл глаза, сделал глоток воды и поправил ровным голосом:

— Не она, а Маргарита, моя жена.

— Это не значит, что я должна ее любить! — закричала Хелен, да так пронзительно, что Донал, поморщившись, отвернулся.

Зато свекровь наблюдала за разгорающимся скандалом не без злорадства.

— Любить — нет. Я требую от тебя хотя бы уважения, — заявил барон с нажимом, глядя в полные гневных слез глаза сестры. — И вспомни наконец, что девушке из приличной семьи так себя вести недопустимо.

Теперь он отчитывал ее так спокойно и методично, что лучше бы по щекам отхлестал. Хелен обожгла меня ненавидящим взглядом и, швырнув на стол салфетку, выбежала из столовой.

Повисла гнетущая тишина. Донал методично насыщался, Джорджина алела щеками и гоняла по тарелке зеленый горошек, моя дражайшая свекровь дернулась было догнать старшую дочь, но под злым взглядом сына побледнела и опустила обратно на стул.

Я сидела и гадала: кто из них? Вчера я была слишком потрясена, чтобы рассуждать здраво, теперь же задумалась. Кому понадобилось от меня избавиться, а главное, зачем? Пусть на озере мог орудовать кто-то посторонний (оставим пока вопрос, как), записку ведь точно подложил кто-то из своих! Слуги или члены семьи?

У слуг мотива нет — вылететь за здорово живешь из хорошего дома никто не захочет, а если какая-нибудь горничная попадет на том, что подкидывает хозяйке записки с угрозами, ее в тот же день уволят с треском.

На первый взгляд, у Скоттов тем более нет резона от меня избавляться. Они должны беречь меня как зеницу ока. Ведь не будет меня — не будет и вождельного баронского титула с прилагающимися к нему имением и состоянием, а значит, прости-прощай, сытая и безбедная жизнь. Судя по тому, что Фицуильям всерьез собирался работать ветеринаром, семья была если не бедной, то весьма ограниченной в средствах, так что за свалившееся на голову богатство Скотты должны были ухватиться руками и ногами.

Джорджина вон робко улыбается и ищет моего взгляда, явно пытаюсь загладить демарш Хелен. Младшая сестра мне симпатизирует, хотя против воли матери не пойдет. Свекровь, конечно, извиняться не собирается. Хотя, если вдуматься, она всего лишь мелко пакостит, не более. Причем скорее — просто из желания показать, кто в доме... хозяйка. Барон тоже слишком дорожит титулом и вдобавок терпеть не может своего кузена, которому этот самый титул уступать не хочет. Остался Донал. Зачем начальнику стражи изводить жену барона? К тому же я ею стала его же стараниями.

М-да, ерунда получается. Никому не нужно, чтобы я уехала... и все-таки это кому-то нужно!

Пока я размышляла, механически жуя и глотая, барон с начальником стражи что-то обсуждали вполголоса. До моих ушей донеслось: «Надо повторить заказ», — и я наконец вспомнила, о чем хотела спросить у мужа. Так увлеклась игрой в замужнюю даму, что забыла узнать, как обстоят дела с обещанной лабораторией.

Только я открыла рот, чтобы задать вопрос, как вошел важный дворецкий с серебряным подносом.

— Срочная почта, сэр! — сообщил он и с поклоном вручил хозяину поднос, на котором лежал бланк телеграммы.

Барон взял послание, вчитался... и потемнел лицом.

— Что случилось, Фицуильям? — не выдержала свекровь и даже слегка вытянула шею, пытаясь прочитать послание.

Без толку — барон скомкал телеграмму в кулаке и швырнул на поднос.

— Неприятности на конном заводе. Похоже на легочный сап.

Джорджина охнула, свекровь помрачнела.

— Надеюсь, ты не намерен сейчас туда отправиться? — процедила она и глотнула сока из высокого стакана.

— Намерен! — ответил барон со спокойным вызовом.

— Фицуильям, позволь тебе напомнить... — начала она гневно, причем таким тоном, будто отчитывала негодного мальчишку, — что сегодня к чаю приедут Андервуды. Ты должен быть тут!

— Зачем, мама? — сквозь зубы процедил барон, с трудом сдерживаясь. — Я не комнатная собачка и не собираюсь быть украшением гостиной.

И я — тоже! Опять битый час разговаривать ни о чем?! Перспектива удручала. Надо тоже срочно куда-нибудь сбежать.

— Но ты должен! — вскричала свекровь. — Разве ты не понимаешь, что от этого зависит будущее твоих сестер? Чтобы они могли составить хорошие партии, нас должны принять в обществе!

Джорджина сидела, опустив глаза в стол и стиснув вилку так, что побелели пальцы. Донал задумчиво разглядывал гобелен, всем видом демонстрируя, что его это не касается. Я же наблюдала за происходящим как за крайне занимательным экспериментом. Интересно, кто кого?

Барон прикрыл глаза, пытаясь успокоиться.

— Разве ты не видишь, мама, что нас здесь только терпят? Я не раз тебе говорил, что нас называют выскочками, потому что все это, — он обвел рукой роскошный стол и богато украшенную гостиную, — досталось нам почти случайно!

Свекровь распрямила плечи, выпятив худую грудь.

— Пусть так, но кем бы ты ни был раньше, теперь ты — барон. Соседи прикусят языки, только изволь соответствовать титулу!

— Мама, уважение соседей зарабатывается не в гостиных. Мой долг как барона — заботиться о людях и имуществе. Я не могу бросить завод в трудную минуту, это не обсуждается.

— У тебя есть управляющий! — Со злости свекровь уже несло, как телегу по ухабам. — Тебе лишь бы возиться со своими лошадьми!

— Мама. — Фицуильям прикрыл глаза и, кажется, сосчитал до десяти. — Я и так погряз в делах баронства. Имею я право хоть иногда заняться тем, что люблю?

— Не сегодня!

— Сегодня.

Скрестились взгляды. Воздух почти искрился от напряжения.

Наконец свекровь сдалась:

— Фицуильям, дорогой, пожалуйста. Это ради девочек! — Ее голос звучал умоляюще.

— Мама, — выговорил барон сквозь зубы, — лучше бы ты занялась их воспитанием, а то опозорят нас на всю округу.

Свекровь гневно вспыхнула и отвернулась, комкая в тонких пальцах салфетку, а барон поднялся.

— Маргарита, дорогая, прошу прощения, что не смогу сегодня уделить вам внимания. Джорджина, будь любезна, покажи Маргарите замок. Донал, присмотришь. Мама, пожалуйста, передай наилучшие пожелания Андервудам.

С этими словами он стремительно вышел. Донал последовал за ним. Завтракать мы заканчивали в гробовом молчании. Я затребовала стакан молока — и получила его. Но даже эта мелкая месть не смогла улучшить мне настроения.

Наконец свекровь встала из-за стола и, ни на кого не глядя, тусклым голосом пожелала всем приятного дня. Когда она отбыла, я наконец вздохнула с облегчением.

Джорджина робко мне улыбнулась.

— С чего начнем? Что ты хочешь посмотреть?

— Библиотеку, — ответила я не задумываясь. — И портретную галерею, если в замке такая есть.

— Конечно. — Она слегка удивилась. — Все предки, начиная с первого барона.

— Тогда идем!

По коридорам мы шагали молча. Джорджина выглядела несколько пришибленной и упорно смотрела себе под ноги. Я поначалу пыталась считать повороты, затем сбилась и плюнула. Лучше при случае поищу план замка, в крайнем случае прихватю с собой путеводную нить или хлебные крошки, чтобы отмечать дорогу, как в сказках. Хотя я пока совсем не уверена, что жажду остаться в замке на срок, достаточный, чтобы исходить его вдоль и поперек.

— Вот портретная галерея Скоттов, — вывел меня из раздумий нежный голосок Джорджины.

Выглядела она отчего-то встревоженной: кусала губы, теребила поясok платья, то и дело поправляла золотистые локоны.

— Спасибо, — пробормотала я, входя в приоткрытую дверь.

Галерея оказалась узким как пенал залом. Вдоль одной длинной стены были развешаны

портреты, напротив — ряд узких пыльных окон, через которые еле-еле проникал солнечный свет. Мы стояли в одном конце галереи, второй терялся в сумраке.

Не очень-то Скотты уважают предков, раз даже окна не удосужились вымыть!

— Ты ищешь кого-то конкретного? — нерешительно уточнила Джорджина, когда я медленно прошла вдоль длинной вереницы портретов.

— Нет, — качнула головой я, не отрываясь от очередной картины с подписью: «Энн Скотт, девятая жена барона Фридрика Мэлоуэна». Интересно, не от этого ли Фридрика пошла сказка о Синей Бороде? Сам Фридрих, чей портрет обнаружился чуть дальше, выглядел обычным господином средних лет, в его светлой шевелюре уже просматривалась седина. На злодея не похож, хотя как знать? — Ты что-нибудь можешь о них рассказать? Например, почему барон женился аж девять раз?

— Тринадцать, — поправила Джорджина, морща гладкий лоб. — Запомнила, потому что чертова дюжина.

Волосы у нее выступали мыском на лбу, делая хорошенькое лицо похожим на сердечко.

— Ого, — протянула я уважительно. — Он что, тоже никак не мог получить наследника?

Это мог быть след.

— А? — Джорджина хлопнула ресницами и качнула головой. — Нет-нет, у него было восемьро сыновей и три дочери. Почти все жены умерли во время родов. Говорят, барон так любил свою двенадцатую жену, что поклялся никогда к ней не прикасаться!

— Исполнил? — подняла бровь я.

— Конечно. — Голубые, с поволокой глаза девушки восторженно блестя.

— И жили они долго и счастливо? — усомнилась я.

Представляю, как была «счастлива» баронесса, узнав, что ей суждено умереть невинной девой! Зачем тогда вообще замуж выходить? Хотя кто бы говорил...

— Нет, — поскуцнела Джорджина, на ее милое лицо легло облачко грусти. — Она умерла через полгода после свадьбы от тифа. Тут даже нет ее портрета, не успели нарисовать.

— И барон женился снова, — хмыкнула я.

Джорджина надула губы.

— Но он продолжал любить Софию!

— София — это?..

— Его двенадцатая жена, конечно!

Оч-чень романтично.

Портреты были развешаны в хронологическом порядке, от самых новых у входа до старинных в полутемном тупике. Судя по датам, роду насчитывалось около трехсот лет, а портретов баронов было шестнадцать.

Пухлые девицы с кудельками на голове и в платьях с завышенными талиями, дамы в огромных кринолинах, более современные женщины в нарядах свободного кроя... На мужских портретах пышные камзолы постепенно уступали место смокингам, а после и пиджакам, узкие лосины сменились привычными брюками.

Сами Скотты из века в век менялись мало: те же красивые правильные лица, тот же чуточку пухлый рисунок губ, идеально прямые носы и большие, широко расставленные глаза. Большинство урожденных Скоттов были голубоглазыми блондинами, сохраняя этот генотип из поколения в поколение. Странно, ведь светлые волосы и глаза — признак рецессивный, так что в браках с людьми с другим цветом глаз и волос должен был вскоре сойти на нет. Возможно, Скотты сознательно женились на голубоглазых блондинках?

Тогда Фицуильям оплошал. Мои рыжие кудри явно смотрелись бы слишком ярким пятном в этой череде бесцветных молей.

Джорджина постепенно увлеклась и принялась взахлеб рассказывать о том или ином предке. Мол, вот эту милую леди муж застал с любовником, заточил в башне и уморил голодом («Ее призрак до сих пор рыдает там лунными ночами, я сама слышала!»), а вот эта — дочь седьмого барона, которая влюбилась в пирата и сбежала с ним...

Что показательно, истории Джорджины были сплошь сентиментальны, хоть сейчас пиши по ним любовные романы.

— Кто это? — Я указала подбородком на портрет почти в самом конце галереи. То ли он потемнел от времени, то ли один из предков таки был брюнетом. Правда, портрет сохранился плохо, кое-где даже покрыт плесенью.

Джорджина скорчила гримаску, вынужденная прервать на полуслове очередную романтическую историю о юноше, который повесился возле тела любимой и теперь в полнолуние можно увидеть его фигуру, раскачивающуюся на веревке.

— Там написано. — Она ткнула пальчиком в плохо читаемую надпись. — Рэмуальд Скотт, пятый барон.

М-да, исчерпывающе. Милое пустоголовое дитя, чей мозг похож на губку, пропитанную розовым сиропом.

Я мимоходом отметила небольшой дефект — слегка сросшиеся пальцы на ее правой руке — и попросила:

— Давай теперь в библиотеку.

Хватит с меня бесконечных любовных перипетий предков Скоттов. Полезной информации из восторженных рассказов Джорджины я почерпнула мало. Разве что узнала, что Скотты отличались прямо-таки мазохистским стремлением к несчастной любви и вечно заводили романы с кем-нибудь неподходящим.

— Конечно. — Она надула губы и взглянула на свои наручные часики. — Только уже скоро обед.

— Во сколько приедут гости? — уточнила я осторожно.

Она бросила на меня лукавый взгляд из-под длинных, неожиданно темных (подозреваю, не без помощи краски) ресниц.

— В три пополудни. Что ты хочешь найти в библиотеке?

Уж точно не любовные романы!

— Семейные хроники, — объяснила я кратко. — И генеалогическое древо, если есть.

— Конечно, есть! — Она встряхнула светлыми кудряшками. — Пойдем. Можно приказать слугам подать в библиотеку чай с сэндвичами.

«И не пойти на обед», — закончила я про себя.

Может, Джорджина и наивна, однако весьма наблюдательна.

— Это было бы прекрасно. — Я вздохнула. — Я ужасно проголодалась.

— Тогда я тебя провожу и распоряжусь! — просияла она. — Обещаю, что не скажу маме, где тебя искать.

По-видимому, сама Джорджина прогневать грозную маменьку опасалась, так что покорно отправится на чаепитие. Хотя кто знает, может, ей это даже нравится?

— Спасибо, — кивнула я и толкнула массивную дверь, на которую она мне указала.

Библиотека... впечатляла. Похоже, печатное слово Скотты любили куда больше живописи. Массивные шкафы были забиты книгами, от толстенных фолиантов с золочеными буквами на корешках до тоненьких брошюр, скромно притулившихся на дальних стеллажах.

В нескольких нишах прятались удобные кресла с торшерами и журнальными столиками, стол побольше стоял у окна, окруженный тяжелыми вычурными стульями. Роскошный коричнево-бежевый ковер во всю комнату, с ворсом, где нога утопала по щиколотку, придавал

библиотеке особый уют. На свободной стене красовался предмет моих поисков — роскошное, скрупулезно оформленное фамильное древо.

Пока я потирала руки и любовалась творением неведомого мастера, Джорджина попятилась и скрылась в коридоре, пискнув:

— Я пойду!

— Что это с ней? — вслух подумала я, оглядывая ряды книг.

— Она заметила меня, — пояснил знакомый низкий голос, заставив меня чуть не схватиться за сердце. — Извините, что помешал, миледи. Я сейчас уйду.

Я поморщилась. Донал умудрялся выговорить это «миледи» как-то так, что меня передергивало.

Интересно, почему она так от него шарахнулась? У меня для страха есть веская причина, а у Джорджины?

— Не стоит, — возразила я поспешно. — Лучше помогите мне найти семейные хроники.

Он поднялся с кресла, полускрытого пышной пальмой в кадке, отложил тонкую книжицу и уверенно прошел к глухому шкафу. Распахнул дверцы, демонстрируя множество исписанных тетрадей и несколько толстых рукописных книг в потрепанных кожаных переплетах.

— Все нужное вы найдете здесь. — Он оглянулся на меня через плечо. — Вам необходимо что-то конкретное? Быть может, я могу подсказать?

Пересилив инстинктивное желание держаться от начальника охраны подальше, я, как истинная женщина, поступила вопреки рассудку — подошла ближе.

— Думаю, да, — согласилась я, заглядывая в нутро шкафа, и поворошила кипу тетрадей. Лежали они как попало, ни о каком порядке речи не шло. Чтобы просмотреть их все, придется ухлопать уйму времени. — Мне нужны случаи, похожие на проклятие Фицуильяма. Необъяснимое бесплодие, оборванные ветви рода и все в этом духе. Поможете?

И попыталась улыбнуться.

Близость Донала — он стоял всего в шаге от меня — откровенно нервировала.

— Ничего такого, — произнес он, немного подумав. — Скотты всегда отличались плодовитостью, за триста двадцать лет было всего три прервавшихся ветви. Одну семью вырезали подчистую из мести, вторую казнили за измену и только в третьей не было детей. Найти вам записи?

— Вы прочитали все хроники? — недоверчиво переспросила я, кивнув на разрозненные тетради. — Зачем, если не секрет?

— Мне было интересно, — отозвался Донал после паузы.

Широкая грудь под тонкой рубашкой мерно поднималась и опадала, а взгляд — темный, непонятный — нервировал, заставляя ежиться и мечтать поскорее удрать.

— Если можно... — начала я с несвойственной мне робостью.

Он протянул руку — и я шарахнулась, чуть не налетев спиной на открытую дверцу.

Донал тут же замер.

— Миледи, я не причиню вам вреда.

— Не называйте меня так! — потребовала я, больше не в силах слышать это «миледи», произнесенное низким тревожащим голосом.

— Почему? — Он, кажется, искренне озадачился. — Вы ведь супруга милорда.

— Только на бумаге, — хмыкнула я, обхватив себя руками за плечи.

Надо же, не заметила, как похолодало.

— Это вопрос времени, — заметил он неожиданно сухо и положил ладонь на дверцу шкафа, тем самым отгораживая меня от выхода. Случайно?

Я качнула головой, стараясь прогнать ощущение, что угодила в ловушку.

— Не думаю. Я постараюсь снять или обойти проклятие. Полагаю, барон будет рад любому младенцу, не обязательно от меня.

— Лишь бы он был его крови, — кивнул Донал. — Семейный артефакт не позволит выдать чужого ребенка за своего.

— Это не проблема, — отмахнулась я, сделав зарубку в памяти. Надо бы при случае взглянуть на этот артефакт.

— Думаете об искусственном оплодотворении? — проявил неожиданную прозорливость брюнет.

Я даже вздрогнула. Ну и ну, что за познания!

— Думаю, — созналась я, инстинктивно понизив голос.

В крайнем случае я так и поступлю. Фицуильям мне нравился, но я отнюдь не была уверена, что хочу провести жизнь рядом с ним, его мамой и сестрами.

Если получится оплодотворить мою яйцеклетку в искусственных условиях (могу только гадать, сработает ли в этом случае благословение), то выносить дитя может и другая женщина, лишь бы она была здоровой. Значит, барон сможет развестись со мной и жениться на ком-нибудь еще.

Однако это сработает, только если проклятие личное. Если родовое, это только отодвинет проблему на поколение.

Донал молча придвинулся ближе, обдав меня пряным запахом мускатного ореха и кардамона, и уверенно вытащил из стопки нужную тетрадь.

— Держите. — Он протянул мне записи. — Сразу говорю, там все было иначе. Случай милорда в семье уникален.

— Возможно, — согласилась я неопределенно.

Очень уж настойчиво он втолковывал мне эту «уникальность». Неужели пытался пустить по ложному следу? Зачем?

Прерывая мои сумбурные мысли, в дверь робко постучались.

— Миледи, чай!

— Входите! — разрешила я громко, на всякий случай отойдя от Донала на несколько шагов.

Лакей тут же внес поднос с чаем, пирожными и сэндвичами и сгрузил его на стол у окна. После чего, поклонившись, вышел.

— Присоединитесь? — предложила я Доналу, пытаюсь скрыть нервозность за улыбкой.

— Охотно, — не стал отнекиваться он и галантно отодвинул мне стул.

Когда напиток был разлит по чашкам и сдобрен сахаром (молока, конечно, не принесли!), Донал продолжил как ни в чем не бывало:

— Вы ищите не там. Проклятие милорда сильное, эффективное... но сырое.

— Не знала, что вы разбираетесь в таких вещах, — заметила я, пригубив чай.

— Я умею читать, — усмехнулся он. — Маг в своем заключении все подробно расписал.

— Вот как? — Я со стуком поставила чашку. — Почему тогда барон мне его не показал?

Начальник стражи пожал широкими плечами. Взгляд серых глаз был непроницаем.

— Не могу знать, миледи. Может, не посчитал важным?

— Перестаньте! — Я глубоко вздохнула и прикрыла глаза. Вывел-таки меня из равновесия. — Вы хотите сказать, что Фицуильям мне не доверяет.

— Я ничего не хочу сказать, — ответил он тихо и неожиданно серьезно. — Просто хочу предупредить, чтобы вы... были осторожны.

— Не совала нос куда не надо, — перевела я, барабанив пальцами по кромке блюда. Чашка и ложечка на нем протестующе звенели. — Иначе мною может, скажем, подзакусить озерное чудище?

Донал качнул головой, стиснув узкие губы.

— Нет, миледи. Здесь вы в безопасности.

Тогда записка с угрозами мне примерещилась, что ли?

— Вот. — Повинуясь порыву, я вынула ее из кармана и придвинула к Доналу. В конце концов, кому заниматься этим делом, как не начальнику стражи? — Теперь объясните мне вот что. Зачем барон привез меня в уединенное место, которое у местных жителей пользуется дурной славой? Или он планировал скормить меня озерному чудищу?

Вчера я была слишком взбудоражена, чтобы задаться этим вопросом, а ведь ситуация выглядела донельзя подозрительной. Хотя избавиться от навязанной жены можно было куда проще, не прибегая к столь радикальным мерам.

Лицо Донала потемнело, и я мигом осознала, как это было безрассудно — высказывать ему все в лоб и наедине. Зря я гордилась своим умом и рассудительностью! Позор, старший научный сотрудник!

Оказалось, злость брюнета была направлена не на меня. Он хлопнул ладонью по злосчастному письму.

— Откуда это? — В его враз охрипшем голосе звучала такая ледяная ярость, что я передернулась.

— Подкинули утром мне в комнату, а еще накануне вечером сунули топор под подушку. Только не говорите, что вы ни о чем не подозревали!

— Не подозревал.

Почему я ему не поверила?

— Разумеется, — хмыкнула я. — Тогда как вы вообще оказались рядом с озером? Как сумели доплыть ко мне быстрее, чем Фицуильям?

— Я хорошо плаваю, а милорд немного замешкался.

— Хотите сказать, он раздумывал: спасти меня или нет?

Донал дернул щекой.

— Перестаньте искать подвох. Озерное чудовище не видели уже много лет. Не знаю, как его сумели разбудить, но это точно сделал не милорд!

— И вы просто проходили мимо, — с сарказмом подсказала я.

— Именно так. Проходил мимо.

Он поднялся, так и не притронувшись к своей чашке, и отвесил поклон.

— Прошу меня извинить, миледи. Вынужден удалиться.

И, широко шагая, вышел.

Я спокойно допила чай и, пролистав ту самую тетрадь, с досадой поморщилась. Донал был прав, описанный случай несколько не походил на проклятие Фицуильяма. Там речь шла о варварском обряде, результатом которого стали бесплодие жертвы, слепота и глухота.

Так что я вернула записи на место и заглянула в нишу, где мы застали Донала. Подняла с кресла тонкую брошюрку и, прочитав название, вытаращила глаза. Я ожидала увидеть что-

нибудь о тактике или фортификации, но Донал преподнес мне сюрприз.

Старый номер «Вестника биологии и химии Шеффилдского национального университета»?! Что в нем могло заинтересовать начальника стражи?

Я осторожно положила журнал на стол, тронула закладку... и со смешанными чувствами уставилась на свой портрет, где я выглядела слишком серьезной и возмутительно юной. Это была моя первая научная статья.

Чаепитие с гостями я бессовестно пропустила, спрятавшись ото всех в уютной тишине библиотеки. За ужином свекровь дулась, однако задирать меня не пыталась, даже несмотря на отсутствие барона. Видимо, сочла план по скандалам в семействе Скоттов выполненным.

Болтать о пустяках никому не хотелось, так что мы поели в тягостном молчании, изредка прерываемом просьбами передать соль или хлеб, и разошлись по комнатам.

Оказавшись в своей спальне, я вдоволь потискала кошек (Лиса, пребывавшая в мрачном настроении, была не очень-то этим довольна) и долго-долго принимала ванну, пытаясь выкинуть из головы мысли о проклятиях, мужчинах и собственной жизни. Голова и так побаливала, виски туго сжимал обруч боли.

Приняв на ночь две таблетки, я улеглась в постель и закрыла глаза. Сон не шел, даже сладкое посапывание Марки под боком не навевало дрему. Покрутившись почти час, я плюнула, налила себе успокоительных капель (спасибо Ирэн, вымуштровала всегда иметь при себе аптечку) и, немного подумав, заперлась изнутри: дверь из коридора — на ключ, а проход в смежную спальню — на артефактный замок.

Тревога наконец отпустила — или лекарство подействовало? — и я, успокоенная, забралась обратно в постель. Накрылась, как в детстве, одеялом с головой и провалилась в сон...

Мне снился кошмар. Хрипло ревели в небе драконы, пикируя на замок, и метко плевались огненными сгустками. Каменные стены кое-где оплавились, поплыли от дикого жара, но защитники все еще держались. Размахивали бесполезными мечами, суетились возле катапульта, хоть и понимали, что бой уже проигран.

Кто-то в глухом шлеме попытался зарядить дракону в глаз... и вспыхнул свечкой. Я закричала, рефлекторно дернулась вперед... Меня стиснули крепкие руки.

— Миледи! — звал смутно знакомый голос. — Очнитесь.

Грохот, затем откуда-то подудло свежим ветром, и меня осторожно похлопали по щекам.

Глаза открылись сами собой. Перед ними все плыло, веки жгло.

— Миледи, как вы?

Донал — кто же еще? — склонился надо мной. На его хмурой небритой физиономии читалась неприкрытая тревога.

— Я... — горло саднило, и я, попытавшись заговорить, сильно закашлялась. — Что... случилось?

— Пожар, — объяснил он, хмурясь.

Оглядевшись, я обнаружила, что Донал уселся прямо на полу в коридоре, держа меня на руках. Из распахнутого настежь окна и открытой двери в спальню свистел сквозняк, воздух пах гарью и чем-то неприятным, отчего на языке сделалось кисло. В комнате было все еще дымно.

— Кошки?! — прохрипела я, силясь встать.

Он не пустил. Осторожно вытер грубой ладонью мои мокрые щеки — надо же, я даже не заметила, что плачу! — и позвал негромко:

— Кис-кис! С ними все в порядке, миледи, не тревожьтесь.

Я фыркнула. Если Марка еще могла откликнуться на такой банальный призыв, то Лиса

наверняка сочтет это ниже своего достоинства.

Вопреки моему скепсису, две пушистые головы почти тотчас потерялись о мою голую коленку. Ночная рубашка бесстыдно задралась, обнажая бедра, сползшая бретелька тоже наверняка открывала занимательный вид.

К его чести, Донал плянуться не стал. Он смотрел мне в глаза, не позволяя взгляду опуститься ниже.

— Это они подняли тревогу. — Начальник охраны замка протянул руку и почесал Марку за ухом. — Вы как, миледи? Можете идти?

— Попробую, — пообещала я неуверенно.

Голова кружилась, в горле першило. Я попыталась встать, опираясь на руку Донала, и покачнулась.

Рубашка Донала была застегнута кое-как, местами не на те пуговицы, ее «хвост» торчал из-за пояса брюк. Мужчина был растрепан, небрит и бос. Явно сорвался с постели и помчался меня спасать.

С другой стороны коридора замерла Джорджина, прижимая руку к губам. Одетая она была в розовую ночную сорочку с бантиками. В расширенных глазах девушки застыл страх.

— Все в порядке, — хриловато сказал Донал, бросив на нее короткий взгляд. — Уголек из камина упал на ковер, уже потушили.

— П-понятно, — заторможенно выговорила она. — Мне слышался шум... Извините.

Она скрылась за дверью спальни.

Я сделала шаг, другой... И торопливо ухватилась за подоконник. Ноги не держали, перед глазами плыло.

Вздохнув, Донал подхватил меня на руки. Кошки, дружно задрав хвосты, последовали за ним.

— Куда вы меня несете? — придушенно выговорила я, крепко прижатая лицом к мужской груди.

— К себе в башню, — буркнул он. — Я хочу спать и уверен, что вы тоже. Не беспокойтесь, там несколько постелей.

— Угу, — сдавшись, я прикрыла все еще слезящиеся глаза.

Сейчас мне было плевать, даже если нас сочтут любовниками. Меня пытались убить! Всерьез пытались, и это не укладывалось в голове. Если бы не Донал, я бы с легкостью могла сгореть, даже не проснувшись!

Если случай в озере еще мог быть совпадением, а записка с угрозами — дурацкой шуткой, то пожар уж точно нет. Камин вчера не топили, освещение в спальне электрическое — так откуда взяться огню?

Из горла вырвался истерический смешок, и начальник стражи сбавил шаг.

— Что случилось? — спросил он встревоженно и слегка отстранил меня, чтобы заглянуть в лицо. — Миледи, вам плохо?

Я мотнула головой, давая неуместный смех.

— Просто я тут подумала... Мы с вами, Донал, — чопорное «мистер Грин» уж точно не подходило ситуации! — прошли огонь и воду.

Шутку он оценил, но моим весельем не проникся.

— Главное, чтобы до медных труб дело не дошло, — пробурчал Донал и ускорил шаг.

Разбудила меня одна наглая пушистая морда, которая тыкалась мне в лицо и требовательно мяукала. Я кое-как отпихнула нахалку и приоткрыла один глаз.

— Мяу! — оскорбилась сидящая в ногах трехцветная кошка, а черная Лиса мурлыкнула,

щекотно задев усами мое лицо.

Что это на нее нашло? Обычно до таких нежностей она не снисходила.

— Мрр? — Лиса слегка выпустила когти, не царапая, предупреждая.

Я сцедила зевок в кулак, сползла с кровати и замерла, поняв, что комната мне незнакома. Просторная, полупустая, из обстановки — лишь кровать, сундук и стол с двумя стульями у окна, мохнатая шкура на полу. Настоящая холостяцкая берлога. В углу — винтовая лестница вниз.

Мягкий мех приятно согрел пальцы ног, а я наконец сообразила, что встревожило Лису. Снизу доносились мужские голоса.

— Ты уверен, что... — даже в обрывке фразы барона звучала тревога.

— ...не было, но... — прогудел в ответ Донал.

— ...полицию? Это преждевременно.

Что там опять стряслось? Надо спускаться, но красоваться перед мужчинами в ночной рубашке и босиком?! Даже если один из них — мой муж, а второй эту самую рубашку успел ночью рассмотреть во всех деталях. Должно быть, я отрубилась еще по дороге в башню, потому что в упор не помню, как завалилась спать. Это значит, что Донал укладывал меня в постель и накрывал одеялом...

Я прикусила губу, усмиряя распоясавшееся воображение, и нервно хрустнула пальцами. Вряд ли в берлоге начальника стражи найдутся женские вещи. Пришлось сгонять с постели недовольных кошек и закутываться в одеяло.

При моем появлении мужчины умолкли, пристально разглядывая меня (наверняка помятую, всклокоченную и вдобавок босую!).

— Маргарита, как вы? — Барон шагнул ко мне.

— В порядке, спасибо. — От собственного голоса — хриплого и низкого — я опешила.

— Вы сильно надышались дымом, миледи, — пояснил Донал негромко.

На меня навалились воспоминания. Кошмар, тягучий и липкий, от которого все не получалось очнуться. Запах дыма и гари. Сквозняк. Теплые руки и встревоженные глаза Донала.

Отчего-то стало неловко перед Фицуильямом, который как раз нежно сжал мою свободную руку. Другой рукой я придерживала полы импровизированного одеяния.

— Вы закончили свои дела? — спросила я тихо. — Надеюсь, все в порядке?

— Я тоже надеюсь, — сознался барон со вздохом и устало потер лоб. Выглядел он неважно: осунувшийся, небритый, с лихорадочно блестящими глазами. — Эпидемию удалось предотвратить. Полагаю, что самое страшное уже позади, но две кобылы еще плохи.

— Тогда почему вы вернулись? — вырвалось у меня. — Ох, простите. Конечно, это не мое дело.

Фицуильям болезненно поморщился.

— Я был бы очень плохим мужем, если бы не вернулся.

Чуть поежившись, я переступила ногами, и Донал тут же это углядел.

— Миледи, вы же простудитесь! Идите сюда, — позвал он, пододвигая кресло поближе к весело горящему камину.

Я с благодарностью села, позволяя огню согреть мои озябшие ноги.

Тревога мужа была приятна, что тут скрывать, однако я не могла отделаться от мысли, что беспокоила его не столько моя безопасность, сколько возможный скандал. Иначе он первым заметил бы, что я стою босиком на холодном полу.

— Маргарита, почему вы ничего мне не сказали? — поинтересовался барон, садясь напротив.

На мои колени тут же запрыгнула подкравшаяся Марка и свернулась клубочком.

Донал, как всегда, отступил в сторону. Остановился в темном углу и оперся плечом о стену, не мешая нам разговаривать.

— О чем? — храбрясь, я пожала плечами. — Когда вы уезжали, покушение было единственным, и вы лично при нем присутствовали.

Он недобро прищурил глаза.

— Что насчет записки с угрозами и топора?

— Топор я всерьез не восприняла, — призналась я честно. — Записку показать просто не успела, нашла ее как рез перед завтраком.

Барон отвел взгляд, наверняка вспомнив, сколь бурным выдался завтрак и чем закончился.

— Впредь вам нужно быть осторожнее, Маргарита. Прошу вас, воздержитесь пока от поездок и прогулок.

— Вообще из дома не выходить? — ужаснулась я. — И как долго?

Перспектива просидеть невесть сколько взаперти, да еще и в «приятном» обществе свекрови, удручала.

— Только вместе со мной или с Доналом! — отрезал муж.

— Хорошо, — быстро согласилась я, вдруг поняв, что не испытываю прежнего страха к начальнику стражи.

То ли повлияло, что Донал уже дважды меня спасал, то ли я попросту к нему привыкла.

Приглушенный звук гонга заставил меня дернуться.

— Пора на завтрак. — Барон поднялся на ноги и предложил: — Маргарита, вам нужно переодеться. Позволите?

Я кивнула, и он подхватил меня на руки вместе с одеялом и пискнувшей Маркой. Кошка негодуя выбралась наружу и спрыгнула вниз, громко ругая ополоумевших двуногих.

Барон коротко кивнул нахмурившемуся Доналу и понес меня к выходу. Я обхватила мужа руками за шею и прикрыла глаза, не в силах избавиться от иррациональной досады.

К завтраку я, конечно, опоздала. Точнее, опоздали мы — Фицуильям терпеливо дождался, пока я кое-как приведу себя в порядок с помощью охающей горничной. В комнате уже было прибрано. Пострадавшие от огня ковер и шторы заменили, сажу с каменного пола отскоблили, спальню проветрили, но в ней все равно чувствовался стойкий запах дыма.

Гарью пропахли мои платья, волосы, даже кожа. На ванну не было времени. Пришлось кое-как обтереться влажными салфетками с помощью бледной, непривычно молчаливой Бетти и торопиться в столовую.

Свекровь моих стараний не оценила. Окинула недовольным взглядом и высказалась:

— Маргарита, милая, от чего ты так устаешь, что не в силах подняться утром с постели?

— Это я ее задержал, — взял вину на себя барон, целуя мать в напудренную щеку. — Прости, мы больше не будем.

— О, тогда другое дело, — смягчилась суровая свекровь, похуже, прикидывая, не успели ли мы зачать желанного наследника. — Фицуильям, дорогой, сегодня кухарка превзошла себя! Просто восхитительные булочки.

— С удовольствием попробую. — Барон придвинул мне стул и занял место во главе стола.

Я приподняла брови, взглядом спрашивая: «Она что, не в курсе?»

Он отрицательно качнул головой.

Значит, свекровь решили не волновать, а ведь из присутствующих не в курсе лишь она и Хелен! Причем последняя — не факт, очень уж странно она поглядывала то на меня, то на Донала. Впрочем, открытую ссору она не затевала, так что ну ее. Зато Джорджина выглядела испуганной и подавленной.

Я как раз успела выпить кофе, когда принесли почту. Дворецкий пошел вокруг стола, обнося домочадцев посланиями, которые горкой возвышались на подносе.

Фицуильям как примерный муж тотчас занялся газетой, свекровь принялась методично вскрывать целый ворох писем, даже Донал получил свою стопку корреспонденции, а Джорджина, порозовев, спрятала записочку. Лишь Хелен и мне ничего не досталось. Хотя нет, дворецкий с поклоном вручил мне последний конверт.

— Он адресован мисс Грете Саттон, миледи. Я позволил себе...

— Да-да, конечно! — нетерпеливо перебила я, схватив с подноса конверт, надписанный знакомым почерком.

— И тут поклонники осаждают? — фыркнула Хелен, бросив короткий взгляд на конверт, так густо заклеенный марками, что места для имени и адреса отправителя почти не осталось. — Виктор Саттон? Тебе пишет Виктор Саттон?!

Я лишь отмахнулась, вчитываясь в первый из доброго десятка листков, исписанных убористыми буквами.

— Что вас удивляет, мисс Хелен? — Густой голос Донала заставил меня вздрогнуть и поднять глаза. Смотрел брюнет исключительно на залившуюся краской девушку. — Ничего удивительного, что леди пишет ее отец.

— О-отец? — Хелен некрасиво приоткрыла рот. — Тот самый мистер Саттон, знаменитый путешественник, который...

Я даже о письме забыла, удивленная столь бурной реакцией. Хелен, казалось, разрывалась между восхищением и негодованием. Она недоверчиво переводила взгляд с меня на письмо. Угадать ее мысли было нетрудно. Как я, презренная мещанка, посмела быть дочерью *такого человека!!*

Я хмыкнула про себя. Узнай Хелен правду о моем происхождении, ее возмущению не было бы предела.

— Хелен, перестань! — перебила свекровь, подняв голову. — Сколько можно ребячиться? Тебе давно о замужестве думать надо, а ты все с детскими увлечениями носишься!

Хелен прикусила губу и выдавила:

— Да, мама. Спасибо, все было очень вкусно. Джорджина, пойдем!

В этой семье никто не обращался друг к другу ласково. Только холодные «Джорджина» и «Хелен», даже громоздкое «Фицуильям» не сокращали!

Свекровь поджала губы, недовольная выходкой дочери.

— Мама, — прошептала вдруг Джорджина, умоляюще сложив маленькие руки, — можно сегодня поехать в город? Изабель пригласила меня на чай! Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Майкл меня отвезет.

— Вместе с Хелен, — подобрев, разрешила свекровь, возвращаясь к недочитанному письму.

Джорджина суксилась — присмотра сестры ей явно не хотелось, — но возражать не посмела. Хелен так на нее взглянула, что я удивленно приподняла бровь. Похоже, тут кроется какой-то секрет...

Решив дочитать письмо в одиночестве, я тоже встала. Следом поднялся Донал.

— Провожу, — бросил он коротко, пристраиваясь на шаг позади меня.

Я лишь плечами пожала. Как угодно, и мне так будет спокойнее.

Свернув в очередной коридор, я услышала разговор на повышенных тонах. Девушки

ссорились, не понижая голоса и наплевав на приоткрытую дверь. Старшая сестра отчитывала младшую. До меня донесся лишь обрывок разговора.

— Не позорься! — сердито выговаривала Хелен Джорджине. — Хватит уже на него вешаться! Он тебе не пара.

Джорджина возразила запальчиво:

— Это моя жизнь! Не смей вмешиваться!

— Дурочка, — вздохнула Хелен. — Ты же ему не нужна и...

Потом она заметила меня и умолкла.

Я виновато улыбнулась и прошла мимо, стараясь выкинуть из головы невзначай подслушанный разговор. Сердечные тайны Джорджины — не моя забота, и не мне раскрывать ее секреты.

— Миледи. — Голос Донала раздался за спиной так неожиданно, что я чуть не подпрыгнула. Совсем забыла, что он меня «охраняет»! Надо же, крупный мужчина, а крадется неслышно, как кошка.

Мы были уже в двух шагах от моей спальни.

— Да? — обернувшись, я взглянула ему в лицо.

Донал в самом деле походил на кота — серого дворового котяру со шрамом на морде.

— Вы умеете обращаться с оружием? — последовал неожиданный вопрос. — Хоть каким-то? Огнестрельным, холодным, магическим?

— Словарем могу приложить, — созналась я, подумав.

Его строгие узкие губы невольно дрогнули, но улыбка сразу увяла.

— Можем подобрать книгу вам по руке, но лучше все-таки что-нибудь... посерьезнее.

— Вы не видели, какие увечья можно ею нанести, — хмыкнула я, вспомнив, как тщедушный аспирант Тобиас Таггерти в запале метнул в нерадивого студента томик «Полного словаря генетических терминов и понятий». Его противника, к слову, после этого увезли в больницу с рассеченной бровью и сотрясением мозга.

— Охотно верю. — Донал без тени иронии чуть склонил голову и предложил совсем тихо: — Миледи, приходите в библиотеку через час.

— Это свидание? — ляпнула я и прикусила язык, увидев, как изменилось его лицо. — Простите. Я неудачно пошутила.

— Через час, — повторил Донал ровно. — Прихватите с собой кошек.

Коротко поклонился и скрылся за поворотом.

Я в задумчивости дошла до своей спальни, нажала на ручку... И сообразила, что меня в этом всем настораживало. Я ведь запирала двери на ночь! Дверь в коридор — на замок, а в смежную комнату — и вовсе на артефакт.

Так как, скажите на милость, в комнату проник поджигатель? И как туда пробрался Донал?

Следующий час я провела с пользой: потискала кошек, перечитала план исследования проклятия, снова потискала кошек, написала перечень подозреваемых в покушениях, еще раз потискала кошек...

Да так увлеклась, что спохватилась, лишь поняв, что опаздываю. Надеюсь, что не заплутаю в поисках библиотеки. Все-таки следовало повесить на стены указатели!

Кошки с важным видом последовали за мной. К собственному удивлению, я не заблудилась,

чудом выйдя к нужной двери за какие-то десять минут.

Несмотря на разгар лета, по каменным коридорам замка гуляли сквозняки. Даже не верилось, что снаружи припекает июньское солнце, а на пляжах весело плещутся отдыхающие. Хотя о купании вспоминать не стоило — не лучшие воспоминания, прямо скажем.

— Мистер Грин? — позвала я, окинув взглядом пустую библиотеку.

— Я здесь, миледи, — отозвался он глухо, поднимаясь с кресла.

Скажите на милость, как я могла его там не заметить?!

— Вы хотели поговорить?

Впустив кошек, я притворила тяжелую дверь и остановилась на пороге.

Донал вздохнул и сунул большие пальцы за пояс брюк.

— Миледи, присядьте. Я думал, вы уже начали мне доверять.

Что я могла на это ответить? Он вынес меня из огня на руках, так что очень хотелось ему довериться. Должна же я хоть на кого-то полагаться в этом проклятом замке! Вот только у Донала слишком много странностей, слишком много такого, чему я не могла найти разумного объяснения.

Кошки придерживались того же мнения: Лиса шмыгнула за кресло, а экспрессивная Марка принялась шипеть на начальника стражи. Еще один повод насторожиться: с логикой у кошек, возможно, не очень, зато чутье отменное. Ночью они вели себя куда спокойнее, утром — тоже. Что-то тут нечисто.

— Говорите, вчера вас позвали кошки? — скептически поинтересовалась я, пытаюсь разглядеть в тени за креслом притаившуюся Лису. Как же, найдешь в темном углу черную кошку! К тому же живность у меня, конечно, умная, но не до такой степени!

Он усмехнулся, и шрам на щеке придал этой усмешке столь зловещий и порочный вид, что я чуть не бросилась наутек. М-да, нервишки шалят.

— Когда деваться некуда, даже от демона помощь примешь, — вымолвил Донал, глядя на меня в упор.

Не на себя ли намекал?

— Не льстите себе, мистер Грин. — Я прошла мимо и села-таки в обитое плюшем кресло. — На демона вы не тянете. Кстати, давно вы работаете у Скоттов?

— Почти всю жизнь, — ответил он после крошечной — почти незаметной — заминки и устроился в кресле напротив. — Это важно?

— Как сказать, мистер Грин, — пожала плечами я.

— Донал, миледи, — поправил он, глядя на меня в упор. — Вы ведь уже начали называть меня по имени.

— Вы по-прежнему называете меня «миледи», — заметила я. — И мастерски уводите разговор от неприятных вопросов.

Он поднял руки вверх, и усмешка будто прилипла к его узким губам.

— Сдаюсь, миледи. Я все равно мало что смогу вам объяснить, это не мои тайны.

— Чьи же? — Я почесала Марку за ухом и погладила доверчиво подставленный живот.

Донал пожал широкими плечами.

— Семьи.

Вот как? Не барона, а семьи? Я наконец вспомнила, кого он мне напоминал. Тот самый портрет в самом конце галереи! Правда, освещение там было тусклое, а картина плохо сохранилась, но определенное сходство просматривалось.

— Вы — бастард Скоттов? — вырвалось у меня.

Он приподнял брови.

— С чего вы взяли, миледи?

— Хватит, Донал! — рявкнула я. — Не надо водить меня за нос. Да или нет?

Улыбаться он перестал. Сверкнул глазами и уставился в пол.

— Как прикажете, миледи.

Я тяжело вздохнула. Кажется, я умудрилась оскорбить своего единственного, хоть и сомнительного союзника. На барона полагаться не стоило, у него в этой истории свой интерес.

— Простите, — мягко сказала я, подавшись вперед, и положила ладонь на руку Донала, стиснувшего подлокотник кресла. Он вздрогнул и быстро поднял взгляд. — Пожалуйста, не обижайтесь. Я вспылила, но вы должны меня понять. Слишком много странностей творится вокруг, а я не хочу, чтобы меня принесли в жертву ради баронского титула.

— Не принесут, — пообещал он глухо и выразительно сжал кулаки.

— Тогда помогите мне разобраться, — попросила я тихо. — О замке и семье Скоттов вы знаете неизмеримо больше меня. Пусть не можете рассказать, но подтвердить или опровергнуть мои догадки вы способны? Хотя бы просто отвечайте на мои вопросы «да» или «нет».

Он немного расслабился.

— Хорошо.

Намаялась я с этим упрямым.

— Так вы бастард Скоттов? — повторила я, намеренно не уточняя, кого из семьи.

Это отлично объяснило бы его доверительные отношения с домочадцами барона, а также глубокие знания истории и генеалогии Скоттов.

Донал качнул темноволосой головой.

— Нет.

Врать он бы не стал, и все же... Странные отношения были у Донала с хозяевами замка.

— Потерянный наследник?

Хотя это уже, конечно, отдавало мелодрамой.

— Нет.

— Вы — прежний барон, которого Фицуильям сверг?

Что-то странное мелькнуло в его глазах, но Донал проронил:

— Нет, — и даже расщедрился на пояснения: — Фицуильям не сделал мне ничего плохого.

Выходит, я обманулась, углядев сходство? Мало ли на просторах королевства сероглазых хмурых типов с черными волосами?

— Его предшественник — тоже? — уточнила я для проформы.

Донал вновь усмехнулся, теперь одобрительно.

— И он. Вы въедливы, миледи.

— Научный склад ума, — отмахнулась я, напряженно размышляя над следующим вопросом. — Все-таки как вы пробрались в мою спальню?

Донал вновь нахмурился.

— Разве это имеет значение? Главное — результат. Вы не то спрашиваете, миледи.

Точно, я ведь нарушила правило «да» или «нет».

— В моей спальне есть потайной ход? — спросила я, глядя в непроницаемые серые глаза, опущенные неожиданно длинными и густыми темными ресницами.

— Нет, — последовал короткий ответ.

Жаль. Это был самый очевидный вариант.

— Туда можно пролезть через дымоход? — предположила я.

— Нет.

Я поморщилась. Издевается? Выглядел Донал зверски серьезным, но кто знает, не хохотал ли он про себя? Вся эта невозмутимость могла быть лишь маской. Такой же маской, как роль недалекого вояки.

На душе стало хмуро. Можно подумать, я интересуюсь из праздного любопытства! Раз убийца сумел как-то пробраться в запертую комнату, жизненно важно этот путь перекрыть. Иначе где гарантия, что он не попробует снова, уже с большим успехом?

Кошки ведь не собаки, знакомого человека с чем-то внешне невинным вроде записки (или даже топора!) пропустили бы. Поджог — другое дело, тут любое животное всполошится.

— Когда вы прибежали, — тут же всплыло видение босого и полуодетого Донала, который примчался меня спасать. Встряхнув головой, я постаралась отогнать неуместные воспоминания и закончила: — Спальня была заперта?

Он чуть помедлил, прежде чем утвердительно кивнуть.

— Да.

— Значит, магия или ключи, — принялась я рассуждать вслух.

Донал пожал плечами.

— Магов в роду Скоттов никогда не было.

— У кого-то были ключи от моей спальни?

Лицо Донала было непроницаемо.

— Полный комплект ключей есть у меня и миссис Скотт.

Я с досадой хлопнула ладонью по креслу, отчего Марка подняла голову и недовольно мяукнула. Час от часу не легче!

— Странная история. — Я потерла лоб и машинально погладила Марку. — Почему не подстроить несчастный случай? Или сразу пожар, если уж так припекло от меня избавиться? Зачем угрожать, зачем городить огород с топором и дурацкой запиской?

— Топор — это не угроза.

— Да? — скептически переспросила я. — Что тогда?

— Суеверие, — хмыкнул он, и в голове у меня что-то щелкнуло.

— Свекровь! — выдохнула я и, вцепившись в подлокотники, подалась вперед. — Только не говорите мне, что это очередной народный способ зачать мальчика!

Я по ее милости скоро поседею!

— Именно, — подтвердил Донал серьезно, только блестящие смехом глаза его выдали. Издевается! — Я проверил, топор с нашего двора. Миссис Скотт лично приказала отнести его в вашу спальню.

Я зажмурилась.

— Скажите, что там еще в списке? — попросила я, не открывая глаз. — Чего ждать дальше? Танцев голышом при луне? Жертвенного ягненка?

— Насколько я знаю, миссис Скотт пыталась убедить милорда, что ему надлежит во время... визита в вашу спальню надеть рыцарский шлем.

Я поперхнулась воздухом и распахнула глаза.

— У Фицуильяма он есть?

— Конечно, — кивнул Донал. — В оружейной сохранилось несколько полных доспехов. Только, наверное, забрало милорду придется поднять.

— Зачем? — машинально спросила я, в красках представив эту сцену.

— Петь неудобно будет, — объяснил Донал с каменной рожей. — По мнению миссис Скотт, милорду при этом также надлежит распевать песни, желательно марши.

— Шутите? — спросила я со слабой надеждой.

— Никак нет, миледи.

Похоже, действительно не шутил.

Бедный, бедный Фицуильям! Я всего лишь рисковала помереть со смеху, а моему несчастному муженьку надо еще суметь в таких условиях как-то исполнить супружеский долг!

Видимо, я сказала это вслух, потому что Донал отвел взгляд.

— Для этого миссис Скотт купила особый эликсир.

Смеяться расхотелось.

— Уверены, что покушения — не ее рук дело? — спросила я со слабой надеждой. Тогда ведь можно поймать свекровь на горячем и упечь в тюрьму! Эта версия казалась удивительно логичной... и соблазнительной.

— Зачем? — вопросом на вопрос ответил Донал.

М-да, действительно. Глупо идти на преступление, чтобы обеспечить сына женой, а потом пытаться от нее избавиться, так и не обзаведясь желанным наследником.

Свекровь, конечно, умом не блещет, но это уж совсем из ряда вон.

Кому вообще выгодно меня убить? Кроме Адама Скотта, в голову никто не приходил.

Доналу, видимо, наскучила игра в вопрос-ответ.

Он поднялся, открыл дверцу шкафа, вынул оттуда дамский пистолетик и какой-то журнал.

— Это вам. — Он протянул мне оружие, изукрашенное непонятными символами. — Патронов только три, и стрелять лучше максимум с десяти шагов, калибр маловат. Зато пистолет зачарован, так что особая меткость не требуется. Вам нужно лишь навести его на цель и нажать вот сюда.

Донал вложил оружие в мою руку — выглядело оно сущей игрушкой — и показал, как с ним обращаться.

— Спасибо, — поблагодарила я несколько растерянно. — Вы уверены?..

— Уверен. Я не хочу, чтобы вы были безоружны.

На сердце потеплело. Приятно, когда о тебе беспокоятся! Вслух я возразила:

— Не проще ли приставить ко мне стражника? И дежурить у двери спальни?

Донал глубоко вздохнул и шагнул в сторону, привычно прячась в тени.

— В замке нет стражи, миледи. Двое у ворот, скорее, сторожа, а я сам не смогу охранять вас денно и ночью.

— Как? — опешила я, смутно припоминая, что среди представленных мне дворецким слуг стражников действительно не было. — Постоите, вы ведь — начальник стражи?

— Да, миледи.

— Неужели под вашим началом никого нет?!

Он меня что, совсем за дурочку держит?

— Ни единой живой души, миледи. — Донал качнул головой и объяснил совсем уж тихо, словно опасаясь соглядатаев: — На замке сильная магическая охрана. К тому же у всех наших лакеев военное прошлое, так что обращаться с оружием они умеют. В крайнем случае можно вызвать полицию.

— Как я сама не догадалась? — пробормотала я, не в силах отделаться от мысли, что тут что-то не так. Донал не врал, однако явно о многом недоговаривал.

Он криво усмехнулся.

— В журнале — отчет научной экспедиции о чудовище из озера. Вы ведь мне не поверили, что оно давно ведет себя смиренно.

Я несколько смутилась. Раз Донал с такой готовностью притащил доказательства, значит, там не подкопаешься. Но журнал я все же взяла. Открыла на странице с закладкой... и чуть не выругалась. Начальником экспедиции значился Максимилиан фон Гровер.

— Что-то не так? — встревожился Донал. Даже шагнул ко мне, переводя взгляд с журнала на мое лицо.

— Все в порядке, — заверила я. — Просто ее написал мой... знакомый.

— Знакомый, — повторил Донал задумчиво. — Понимаю. Прошу простить, у меня дела. Хорошего вам дня, миледи.

Отвесил небрежный поклон и был таков. Я проводила его долгим взглядом, похлопывая по ладони свернутым в трубочку журналом. Кто же вы такой, мистер Донал Грин?

Мучимая этой загадкой, я азартно набросилась на генеалогию рода Скоттов. Спустя некоторое время вынужденно признала: Донал был прав, Скотты отличались завидным долголетием и отменной плодовитостью. В последнее десятилетие род почти иссяк и от фамильного древа остались лишь две хиленькие боковые ветви, однако причиной тому стала разрушительная война, подчистую выкосившая многие аристократические семьи.

Трое сыновей старика Ричарда Скотта, прошлого барона, остались на полях сражений. Одна дочь умерла при родах, вторую скосила инфлюэнца. Малолетние племянники, поздние дети брата Ричарда, пали жертвами тифа, унесшего жизни всех членов их семьи. Еще один племянник, единственный сын третьего брата, погиб при крушении поезда... В общем, Скоттов преследовали несчастья, но несчастья вполне объяснимые и нередкие в наше бурное время.

Пребывая в мыслях о генеалогии, я прихватила кошек и отправилась переодеваться к обеду. Все так же витая в облаках, дошагала до своей спальни, взялась за ручку... и остановилась, заслышав изнутри голоса. Кошки бесшумными тенями замерли у моих ног.

— Бетти, перестань рыдать! — говорила женщина. — Толку лить слезы? Да расскажи ты ей!

Голос был мне смутно знаком.

— Миссис Скотт меня со свету сживет, — всхлинула Бетти. — Она уж грози-и-илась!

— Не реви! — Теперь в голосе ее собеседницы слышалось раздражение. — Говорю тебе, пожалуйся хозяйке.

— Я бою-у-усь! — взывала Бетти и громко высморкалась.

— Ну и молчи, трусиха! — презрительно бросила вторая девушка. — Я пойду.

Сообразив, что сейчас меня застанут за подслушиванием, я толкнула дверь.

Несмотря на открытые окна, в спальне пахло лимоном и воском — полиролью для мебели, и еще немного нашатырем, который добавляли в раствор для мытья стекол. Комната сверкала чистотой, а та самая горничная, которая на пару с Бетти одевала меня к венчанию (Мэри,

кажется) как раз собирала в корзину ветошь, губки и флаконы. Понятно, приходила убираться и заодно посплетничать. Бетти теперь считается моей личной горничной, значит, ей не по чину оттирать каминную решетку или начищать хрустальную люстру.

— Миледи. — Мэри сделала книксен, прихватила свою корзинку и поспешно сбежала, даже не взглянув на подругу.

Бетти торопливо вскочила с кресла, украдкой вытирая глаза.

— Простите, миледи, — пролепетала она, комкая мокрый платок. — Этого больше не повторится.

И отвела взгляд, когда я посмотрела на ее отекавшее от слез лицо.

— О чем шла речь, Бетти? — мягко осведомилась я. — Что ты боялась рассказать... о моей свекрови, я правильно поняла?

На милевидном, хоть и простоватом личике горничной отразилась паника.

— Нет-нет, миледи. — Она замотала головой. — Ничего такого!

Я подняла руку, не желая слушать этот жалкий лепет.

— Хочешь разбираться с миссис Скотт в одиночку?

Плечи Бетти под форменным платьем горестно поникли.

— Нет, миледи, я... Миссис Скотт потребовала, чтобы я... в общем, чтобы я ей все о вас рассказывала.

— То есть шпионила, — подсказала я, недобро щуря глаза. — Что именно ее интересовало?

— Ну, чем вы занимаетесь, с кем разговариваете, приходит ли милорд к вам ночью... — Она втянула голову в плечи, ожидая яростной вспышки.

Дурочка. Разумеется, я разъярилась! Только отнюдь не на прислугу.

— И чем грозились, если ты не согласишься? — поинтересовалась я отстраненно, расхаживая туда-сюда по ковру, чтобы немного успокоиться.

— Уволить, — пискнула она совсем уж тихо. — Без рекомендаций.

— Без рекомендаций, — повторила я, чувствуя, как злость клокочет внутри шаровой молнией и стреляет электрическими разрядами. Потом взглянула на бледную заплаканную Бетти, которая под моим взглядом поежилась. — Почему ты не согласилась?

Она прикусила губу.

Я с интересом ждала: скажет правду или солжет? Если попытается соврать об обожании и преданности, избавлюсь от нее без сожалений. К чему мне лжецы и двурушники?

— Меня все равно уволят, миледи, — выговорила она чуть слышно. — Миссис Скотт, если я откажусь, а вы — если соглашусь.

— Молодец, — похвалила я, похлопав ее по плечу. Она вскинула удивленные глаза со слипшимися от слез ресницами, и я объяснила серьезно: — Что сказала правду. Не переживай, я не позволю миссис Скотт тебя выгнать. Теперь помоги мне переодеться.

Я по горло сыта попытками установить добрые отношения с семьей барона. Мало-мальски прилично ко мне отнеслась лишь витающая в облаках Джорджина, зато свекровь и Хелен исходили ядом. Хотя, казалось бы, я — решение их проблем, они должны пылинки с меня сдувать!

К шуточкам вроде диеты еще можно было отнестись с юмором, но такую беспардонную выходку спускать нельзя.

— Конечно, миледи! — Она засуетилась, глядя на меня с надеждой и благодарностью.

На глаза мне попался аккуратно прислоненный к креслу злополучный топор.

— Я думала, ты давно его убрала, — удивилась я. — Кстати, не тебе ли приказали его подложить?

— Н-нет, миледи! — Горничная вновь затрепетала, как листок на ветру. — Я не знала, что с ним делать, и...

— Не переживай, — хмыкнула я, поворачиваясь к ней спиной, чтобы удобнее было расстегивать мелкие пуговички сзади. — Я сама его верну. С удовольствием!

В столовую я вошла, словно древняя воительница, с топором наперевес. Злосчастный топор оказался настолько тяжелым и неудобным, что я прокляла все на свете. Зато мое появление произвело фурор.

Фицуильям умолк на полуслове, Донал поднял брови, Хелен с Джорджиной одинаково раскрыли рты, а лицо свекрови вытянулось.

— Маргарита? — Звенящий голос свекрови нарушил потрясенную тишину. — Что это за... за...

Она никак не могла подобрать слова, поэтому просто ткнула пальцем в массивный топор.

— Аксессуар, — просветила я.

Топор действительно составлял эффектный контраст с моим нежным кружевным платьем с пышной юбкой, перехваченным на талии поясом.

Свекровь пошла пятнами, у Хелен вырвался истерический смешок. Остальные молча наблюдали за представлением.

— Я подумала, мне лучше носить его с собой, — объяснила я, поняв, что противница временно онемела. — Вдруг нас с Фицуильямом страсть застанет не в спальне? Ведь вам нужен только мальчик.

— Маргарита, дорогая, — нервно улыбнулась свекровь, обмахиваясь ладошкой. — Помни о приличиях!

Каюсь, приличия меня занимали в последнюю очередь. Слишком много в душе накопилось. Я шагнула к столу и улыбнулась как можно гаже.

— Дорогая матушка, мне передали, что вы очень интересовались моей личной жизнью. Так за чем дело стало? Спросите меня напрямую, не вмешивайте в наши дела прислугу. Обещаю, я вам все расскажу... могу даже позвать свечку подержать!

Свекровь поджала губы, а Донал, кажется, поперхнулся вином.

— Вот когда у тебя будут собственные дети, — заявила она снисходительно, — ты поймешь, что значит беспокоиться о них!

Я хмыкнула.

— С такой родственной заботой, мама, до собственных детей у меня дело не дойдет. Вы всерьез думаете, что я могу думать о постели с мужем, если ваш нос торчит из каждой щели?

Джорджина залилась краской, Хелен ахнула и отвернулась.

Не знаю, до чего бы мы договорились, если бы не отмер Фицуильям.

— Маргарита, мама, что здесь происходит? — поинтересовался он резко.

Свекровь дрожащими руками поправила прическу.

— Это наши женские дела, дорогой.

Он пожал плечами и встал, чтобы отодвинуть мне стул.

— Дорогая, вам не тяжело? — осведомился он и предложил любезно: — Подержать топор?

Прямо идеальный муж.

С топором действительно нужно было что-то решать, очень уж неудобная штукавина — тяжеленная, на длинном топорыще.

— Лучше отдать его маме, — предложила я насмешливо. — Думаю, нам не пригодится.

Фицуильям нахмурился и сжал мой локоть.

— Маргарита, дорогая...

Я не стала слушать. Шагнула к свекрови и обеими руками протянула ей топор, заставив ее инстинктивно отшатнуться.

— Это ваше.

Она лишь фыркнула и потребовала:

— Фицуильям, приструни свою жену!

Пришлось положить топор возле ее тарелки, на углу стола как раз оставалось свободное место. Среди серебряных приборов и хрусталя этот немудреный инструмент смотрелся дико и очень внушительно.

Барон пожал плечами и напомнил:

— Мама, это ваши женские дела, вы же сами сказали.

Я чуть не зааплодировала. Лихо он ее уел!

Муж обратился ко мне:

— Дорогая, вы закончили? Тогда советую попробовать кисло-сладкую говядину, изумительно вкусно.

Почувствовав зверский голод, я позволила себя усадить, тем самым прерывая некрасивую сцену. На столе угрожающе поблескивал *топор войны*.

После моего демарша обед прошел в натянутом молчании. Мужчины молча жевали, девушки сидели тихо как мышки, боясь поднять глаза, а свекровь только шипела рассерженной гадюкой. Словом, идиллия. Я встала из-за стола вместе с мужем и сбежала раньше, чем свекровь успела меня покусать.

К ужину я пришла в полной боевой готовности. Специально спустилась первой.

Чем дальше, тем меньше хотелось оставаться в этой семье. Значит, нужно как-то обойти проклятие, и я намерена приложить к этому все усилия. Мои методы, конечно, Скоттам будут не по нутру, ну да переживут, куда им деваться?

Лаборатории, правда, у меня пока нет, но это вопрос времени. Простейшие исследования можно провести и так. Этого хватит для первичной базы, а остальным займусь, когда наконец привезут оборудование.

Я устроилась на свободном торце длинного стола, разложила свои богатства: бутылочку спирта, шприцы, дозаторы для проб, вату, и принялась поджидать жертв. Лакей от греха подальше сбежал на кухню, и я не могла его за это укорить.

К моему удовольствию, в столовую явились все сразу. Отлично, не придется повторять дважды!

Донал оглядел мой инструментарий с немалым интересом, Фицуильям нахмурился и шагнул вперед. Девушки пискнули и спрятались за материнскую спину.

— Добрый вечер, — нежно улыбнулась я, когда свекровь остолбенела на пороге, завидев меня во всеоружии (кстати, куда подевали топор?). — Мне нужно взять у вас кровь, желательнее до еды. Пожалуйста, подходите по очереди.

По правде говоря, насчет «до еды» я приврала. Тогда следовало бы брать анализы за завтраком, к тому же проследив, чтобы никому из семьи не подавали, скажем, кофе в постель. Для моих целей вовсе не требовалась кровь непременно натощак, я просто-напросто боялась,

что после ужина домочадцы разбегутся, как тараканы, лишь бы избежать неприятной процедуры.

— Маргарита, что это значит? — сухо поинтересовался барон, глядя на меня сверху вниз. Что было совсем нетрудно, потому что я сидела, а он навис надо мной.

— Я всего лишь делаю свою работу, — напомнила я ровно. — Мы ведь договаривались, что я постараюсь помочь вам решить проблему.

— Устраивая... это? — Он взглядом указал на поблескивающие на столе шприцы.

— В том числе! — отчеканила я. — Или вы собираетесь указывать мне, как следует проводить исследования?

— Нет, — пошел на попятный барон, причем в прямом смысле тоже — сделал шаг назад и наконец разжал кулаки. — Но почему именно тут?!

— Потому что вряд ли миссис Скотт добровольно согласилась бы сдать кровь, — призналась я честно. — Разве что под вашим давлением.

— Разумеется, нет! — подтвердила свекровь из-за спины сына. — Это возмутительно!

Мне стало смешно: она пряталась за сына, а дочери — за нее.

— Что именно? — поинтересовалась я кротно. — Вы боитесь, что я найду что-нибудь... компрометирующее?

Я состроила невинную рожицу... и встретилась взглядом со смеющимися глазами Донала, который явно получал от этой сцены немалое удовольствие.

Свекровь, не находя слов, только разевала рот, как выброшенная на берег рыба.

— Фицуильям, ты позволяешь этой выскочке разговаривать со мной в таком тоне?! — набросилась она на сына.

— Моей жене, мама, — поправил он холодно, даже не обернувшись. — Не забывай об этом. Думаю, Маргарита права. И с твоей стороны неразумно сопротивляться, ведь она хочет нам помочь.

Такого предательства она не ожидала. Охнула, схватилась за сердце, но барон не дрогнул.

— Я буду первым. Что нужно делать?

— Присаживайтесь. — Я указала на стул. — Несколько раз сожмите и разожмите кулак. Благодарю вас.

Он лишь чуть поморщился, когда иголка вошла в вену. Зато Джорджина ойкнула и придушенно пискнула, а Хелен часто задыхалась. Вот только обморочных девиц мне не хватало! По счастью, ими занялся Донал. Усадил, налил воды, отвлек разговором. Бедная Джорджина не знала, кого бояться больше — меня со шприцем или Донала с его каменной рожей, поэтому дергалась и крупно дрожала.

Свекровь застыла посреди столовой памятником самой себе. Даже жаль, что это временно. Я бы охотно смахивала с нее пыль и по праздникам натирала полиролью... Мечты, мечты.

Барон отошел, прижимая ватку к сгибу локтя, и сел рядом с сестрами.

Наглец Донал кивнул ему, перебрался на привычное место и преспокойно занялся едой, положив себе с общего блюда тушеного мяса с овощами. И ведь свекровь даже не заикнулась о дурных манерах! Сделала вид, будто это в порядке вещей.

— Я просила сдать анализы до еды, — напомнила я сухо.

Он удивленно поднял брови, не прекращая жевать.

— Я не из семьи Скоттов, — напомнил он флегматично. — Так что меня это не касается.

И положил себе добавки.

Я не нашлась, что возразить. Во-первых, подозрения насчет своего родства со Скоттами он

решительно опроверг, во-вторых, я бы не рискнула поднимать эту тему в присутствии свекрови. Ее терпение не безгранично, того и гляди воткнет мне в глаз вилку.

Фицуильям пропустил наш разговор мимо ушей, что-то нашептывая дрожащей Джорджине. Она мотала головой, он увещевал, обняв сестру за плечи. Позабывая всеми свекровь клокотала от негодования.

Следующей на экзекуцию решила бледная Хелен. Подошла и спросила, кусая губы:

— Это не очень больно?

— Нет, — заверила я со всей возможной искренностью.

— И это действительно нужно? — допытывалась она, ломая пальцы.

— Конечно, — ответила я терпеливо.

Хелен, глубоко вздохнув, села напротив меня и задрала рукав. Неужели она готова мне поверить? Папин авторитет творит чудеса.

Дальше все прошло без сучка без задоринки. Правда, Джорджина чуть не сомлела, а свекровь так сверкала глазами, что я всерьез начала подумывать, не напросья ли вновь к Доналу переночевать. Ведь прирежут во сне и глазом не моргнут!

Увы, даже самый понимающий муж не стал бы закрывать на такое глаза. Проситься под бочок к самому барону, прямо скажем, не хотелось. Хоть ищи в замке пустые гостевые спальни!

На этот раз свекровь молчать не стала — весь ужин прохаживалась насчет моей сомнительной профпригодности и рассуждала о генетике как о лженауке. Кстати говоря, в этих рассуждениях чувствовалось неплохое знание если не предмета, то домислов из какой-нибудь бульварной газетенки.

— Мама! — наконец не выдержал Фицуильям, со стуком бросив приборы на тарелку. — Перестань, будь добра. Маргарита старается нам помочь.

— Если бы она старалась помочь, вы бы уже работали над наследником! — в сердцах выпалила свекровь и лишь потом сообразила, что сказала.

Барон покосился на меня, потер переносицу и сказал устало:

— Мы приложим все усилия. Надеюсь, это тебя устроит?

Пожалуй, нам нужно срочно поговорить по душам.

Чтобы не терять времени, после ужина я отнесла образцы на ледник. Заниматься ими на ночь глядя не стоило, а вот завтра с утра пораньше я устроюсь в библиотеке и...

Сразу от входа в свою спальню я заметила белеющий на трюмо лист бумаги. Подошла, развернула и с досадой выдохнула сквозь зубы, обнаружив знакомые печатные буквы:

«Зря. Уезжай, пока не поздно, иначе пожалеешь».

Обняв кошек (Лиса сначала сопротивлялась, но потом смирилась со своей участью и обмякла, только сердито помахивала хвостом), я некоторое время сидела в кресле, пытаясь собраться с мыслями. Кто же этот таинственный злодей, который пытается вытурить меня из замка? Сам собой напрашивался вывод о маге, «авторе» того самого проклятия. Еще бы — приложил столько усилий, и все насмарку!

Вариантов, кому понадобилось так затейливо проклинать Фицуильяма, у меня пока было только два. Первый — Адам ради наследства, второй — какая-нибудь обманутая девица из ревности. При чем обида могла быть и надуманной, всякое бывает.

Из соседней спальни донесся шум, и я решила. Покажу записку барону, иначе опять будет упрекать, что я от него что-то скрываю.

Ссадив с колен кошек — Лиса радостно рванула под кровать, а Марка вопросительно мяукнула, — я отряхнула юбку от шерсти, затем деактивировала магический замок и негромко постучала.

— Фицуильям, к вам можно?

— Входите, — разрешил он после паузы.

Я толкнула дверь и с интересом огляделась. Спальня барона разительно отличалась от моей: темная, строгая, с тяжеловесной антикварной мебелью позапрошлого века.

Барон сидел у окна за письменным столом, освещенным лампой под абажуром, и с такой тоской глядел на бухгалтерские книги, что хотелось обнять его и погладить по голове.

— Вы что-то хотели, дорогая? — поинтересовался он, вставая мне навстречу.

Дело не только в воспитании, барон откровенно радовался каждой минутке перерыва в ненавистных делах. Понятно, почему он при всякой возможности сбегает из дому!

Увы, я ничем порадовать его не могла. Протянула записку, пояснив:

— Нашла только что.

Сжав губы, он пробежал записку глазами и стал чернее тучи.

— Это уже не смешно, — процедил он, пряча злосчастную бумажку в карман. — Нужно разобраться, кто так зло шутит.

— Шутит? — переспросила я, повысив голос. — То есть чудовище в озере и пожар — это шутки?

Фицуильям поморщился.

— Дорогая, я понимаю, вас это напугало. Но ведь пока никто не пострадал.

Я даже отшатнулась. Хорошо же обо мне заботится «муж»!

— Вы знаете, чьих рук это дело? — спросила я напрямик, еле дыша от злости. — И намерены его покрывать... или ее?

Муж сверкнул голубыми глазами и расправил плечи.

— Не знаю. Клянусь всем, что для меня свято.

— Скорее всего, это кто-то из семьи, — тихо сказала я, и он отвел взгляд.

— Или слуги.

— Или слуги, — согласилась я. — Только зачем им это?

— Адам! — словно выплюнул барон.

— Вы не думали передать ему баронство? Раз уж вам нужно только ради семьи? Договорились бы, чтобы Адам выделил денег на приданое вашим сестрам и небольшую ренту матери.

Он печально улыбнулся и качнул головой.

— Адам — игрок, эти два года он скрывался от долгов в колониях и вернулся, лишь когда узнал, что есть шанс отхватить наследство. Он разбазарит все состояние в один миг и пустит имение с молотка. Я не могу так поступить со своими людьми.

К тому же свекровь устроит дикий скандал... но об этом я говорить не стала.

— Уверены, что это он?

Фицуильям пожал плечами.

— Донал наводил о нем справки. Адама давно осаждают кредиторы, поэтому он пойдет на все, чтобы поправить свои дела. Если получится, отсудит титул, если нет — женится на деньгах.

Вспомнилась богатая, но не слишком красивая Мэри Локуэлл, вокруг которой так и вился

Адам. Надеюсь, она не поддастся его чарам. Сама-то я смогла бы устоять перед тем же Фицуильямом, ухаживай он за мной не столь формально и безразлично? То-то же. Природа берет свое.

— Неужели у вас могут отобрать титул, чтобы сделать бароном какого-то игрока?!

— Адам скрывает размер своих долгов, — горько улыбнулся барон. — Его кредиторы не торопятся в суд, понимая, что взять с него пока нечего. Донал выяснил это для меня, но доказательств у нас нет.

Опять Донал! Какой-то вездесущий тип.

Я поморщилась, и Фицуильям принял это на свой счет.

— Простите, — спохватился он, когда пауза затянулась. — Куда подевались мои манеры? Я ведь даже не предложил вам сесть!

Я качнула головой.

— Не буду вас отвлекать.

Он с видимым отвращением покосился на бумаги и предложил вдруг:

— Давайте пройдемся? Держу пари, Джорджина толком не показала вам замок.

Отрицать не было смысла.

— Только картинную галерею. Зато она рассказала множество сентиментальных историй о ваших предках.

Барон тяжело вздохнул.

— Джорджина излишне романтична, а мама ей потакает.

О свекрови я хотела говорить в последнюю очередь. Тем более на ночь глядя — еще приснится!

— Пойдем? — Он протянул мне руку, и такая мольба была в его глазах, что я не устояла.

Что же, разговор по душам назревал давно. Заодно еще кое-что проясним.

Поначалу барону было неловко, и он рассказывал о замке скупно и сухо. Построен в таком-то году, принадлежал роду такому-то, завоеван был всего однажды. Потом он увлекся и стал рассказывать, что фамилию Скотты род получил как раз после того, как замок пал. Мужчины, защищавшие его, были убиты, в живых проклятые завоеватели оставили лишь дочь барона, прекрасную Аннабель. Судьба ее была незавидна — впоследствии, когда замок Мэлоуэн отбили, у юной леди Аннабель родился незаконнорожденный сын, от которого и пошел род Скоттов.

— Вы наверняка видели портрет Адама Скотта, нашего прародителя, — вдохновенно рассказывал Фицуильям, блестя глазами.

Я кивала и поддакивала, не без интереса слушая историю семьи. По правде говоря, для моего исследования толку от этого было чуть. За столько лет подлинные события наверняка исказили до неузнаваемости, превратив неприглядную правду в красивую легенду. Но кто я такая, чтобы лезть грязными руками в чужую душу? Фицуильям любил замок. Что бы он там ни говорил о том, как опротивело ему быть бароном, он ни за что не отдал бы замок Адаму, поскольку отлично понимал, сколь незавидна будет судьба имения, окажись оно в руках игрока и мота. Так что сопротивляться Фицуильям будет до последнего, и меня это не очень радовало. Я-то в этой истории только пешка!

Мы гуляли по замку рука об руку, как примерные супруги, и так увлеклись разговором, что заметили свекровь, лишь почти поравнявшись с нею.

— Фицуильям? — Она требовательно ткнула в него сложенным конвертом, не удостоив меня и взглядом. — Почему ты не отвечаешь на письма? Донованы жалуются, что...

— Мама, — перебил он. — Срочные дела не позволили мне ответить им сразу. Уверен, они

примут мои извинения.

— Какие еще срочные дела? — осведомилась она с подозрением. — И куда ты собираешься на ночь глядя?

— Позволь тебе напомнить, что мне уже двадцать семь лет. — Барон с видимым трудом сохранял самообладание. — И если я хочу прогуляться с собственной женой, то это наше личное дело!

В свекрови явно боролись здравый смысл и желание продолжить скандал. Разум пересилил.

— Непременно покажи Маргарите Западную башню! — скомандовала она властно. — Вечером оттуда открывается прекрасный вид. Я распоряджусь, чтобы вам сервировали там легкие закуски.

Кивнула сыну и лебедушкой поплыла прочь.

Он смотрел ей вслед со странным выражением на красивом лице: усталость, негодование — и вместе с тем любовь.

— Ох, мама... — и покачал головой.

— Мы можем не послушаться, — заметила я вполголоса. — Если вам это не нравится.

— Это мое любимое место в замке, — сознался он глухо. — Просто... с ним связано слишком много воспоминаний.

— Понимаю. — Я сжала его ладонь. — Думаю, нам лучше посидеть в библиотеке или, например, в зимнем саду.

— Не стоит. — Барон через силу улыбнулся. — От этих воспоминаний рано или поздно нужно избавляться, а вид оттуда действительно очень красивый, особенно на закате. Вам понравится. Пойдем?

От возможности поговорить наедине я отказываться не стала.

Западная башня была нежилой. По лестнице гулял сквозняк, лениво гонявший туда-сюда хлопья пыли. Окна закрыты ставнями, электричество не подведено. Замок слишком велик для почти угасшего рода, к тому же наверняка требует прорву денег, так что дальние уголки потихоньку разрушались.

Зато когда выщербленные ступени привели нас на самый верх, от восхищения у меня перехватило дух. Солнце садилось за зеленые холмы, и отсюда, с высоты, зрелище было поразительно красивым и величественным.

Я стояла, затаив дыхание и стиснув руку Фицуильяма, пока не угасли последние лучи дневного светила.

— Красиво, правда? — В голосе Фицуильяма звучала нежность.

— Очень! — порывисто ответила я, повернув к нему лицо.

В сумерках барон казался старше. Взгляд его — мрачный, испытующий — странно контрастировал с тем восторгом, который переполнял меня.

— Расскажите, с чем связано для вас это место? — вырвалось у меня.

Он покачал головой.

— Извините, Маргарита. Я не хочу об этом говорить.

Понятно, с женщиной. Не скажу, чтоб у меня прямо сжалось сердце, и все же... на какой-то короткий миг мне стало обидно.

— Кажется, нам приготовили закуски, — сказала я с оживлением, которого не испытывала.

— Да. — Барон чиркнул спичкой, зажигая свечи на низеньком столике. Сидеть за ним полагалось на подушках, тоже предусмотрительно принесенных слугами, так что устроились мы с удобством. — Хотите вина?

— Не откажусь, — чинно ответила я.

Он положил мне на тарелку паштет, корзиночки с ветчиной, корнишоны и рулет. Свекровь, верная себе, и тут заставила меня соблюдать диету. Впрочем, все оказалось упоительно вкусно, и некоторое время мы молча наслаждались лакомствами и хорошим вином. Кстати, вина было аж три бутылки — не знаю уж, из каких соображений.

— О чем вы думаете? — нарушил тишину Фицуильям, крутя в руках опустевший бокал. На пальце его поблескивал баронский перстень-печатка. В неверном свете свечей лицо барона казалось хмурым и напряженным.

— Гадаю, зачем столько вина, — созналась я со смешком и сделала еще глоток.

Барон пожал плечами.

— Наверняка мама надеется, что...

Его слова прервал громкий металлический лязг, донесшийся откуда-то снизу. Фицуильям вскочил, как подброшенный пружиной, чудом не опрокинув столик. Не глядя, поставил жалобно звякнувший бокал и помчался вниз, кажется перепрыгивая через ступеньки.

Спустившись следом, я обнаружила барона у подножия лестницы.

— Что случилось?

Он обернулся. Губы его кривила злая улыбка.

— Мама! Она заперла нас тут.

— На ночь, — поняла я и присела на перила.

Вот почему она так настаивала, чтобы мы непременно заглянули в башню! Это объясняло все, включая свечи, деликатесы и вино — романтическая обстановка для первой брачной ночи, пусть и несколько запоздавшей.

Прав был мой профессор, нет ничего хуже деятельного дурака... Разве что деятельная дура.

Нить смысла не было, так что я привычно начала прикидывать варианты:

— Что будем делать? Отсюда есть другой выход?

— Нет, — сознался он обреченно.

— Позвать на помощь?

— Кого? — Он выразительно развел руками. — Эта часть замка пустует, здесь разве что призрака можно встретить.

— Они тут есть? — поразилась я.

— Конечно, — подтвердил он без тени сомнения.

Только призраков нам не доставало. Хотя они могут быть отличным источником сведений о семье, куда более надежным, чем сам барон. Очень уж многое он от меня утаивал.

Что же, раз мы тут заперты и барону не сбежать, вот и поговорим.

— Знаете, Фицуильям, иногда мне кажется, что вы вовсе не хотите снять проклятие, — начала я задумчиво, проводя рукой по шершавому камню.

— Что за ерунда? — Он нахмурился. — Конечно, я хочу его снять!

— Вот как? Почему же вы делаете все, чтобы не дать мне докопаться до сути?

— Например? — Барон скрестил руки на груди.

Поговорим откровенно. Опротивели мне бесконечные тайны на ровном месте.

— Во-первых, вы норовите уйти от разговоров о проклятии. Во-вторых, вы обещали мне лабораторию, однако до сих пор этого обещания не сдержали. В-третьих, необходимые

анализы пришлось брать чуть ли не силой. В-четвертых, вы утаили от меня важные документы, например, заключение мага. И в-пятых, вы с вашей матушкой явно ждете от меня исключительно фертильных подвигов, а все ваши рассуждения о генетике и научном решении проблемы — лишь для прикрытия.

По правде говоря, в ответ я ожидала чего угодно — крика, скандала, морального давления и ссылок на договор — только не тихого смешка.

Фицуильям покачал головой и шагнул ко мне.

— Дорогая Маргарита, все-таки вы — настоящий ученый. Даже претензии мужу высказываете так, будто излагаете научные тезисы.

— Значит, по существу вопроса возражений нет? — сухо поинтересовалась я.

Хочет научный диспут — будет ему научный диспут. Вести беседу в таком тоне мне всяко проще, чем барону.

Он развел руками.

— Давайте обсудим. Что касается лаборатории, то оборудование доставят к концу недели. Я не хотел говорить вам заранее, чтобы не портить сюрприз. Надеюсь, это доказывает, что я верю в ваши исследования.

— О, — признаюсь, это сообщение несколько сбilo меня с толку. — Мне нужно все проконтролировать!

Представляю, чего он там без меня назаказывал. Конечно, примерный список самого необходимого я набросала и передала ему заранее, однако там не были оговорены технические характеристики, производители и прочие немаловажные детали.

Он отмахнулся.

— Пустяки. Если вас что-то не устроит, можете заменить или докупить. По правде говоря, я в этом ничего не смыслю, лучше обсудите детали с Доналом.

— С Доналом, — повторила я задумчиво.

Какой разносторонний, однако, начальник стражи!

— За анализы я вынужден просить у вас прощения. Мама — тяжелый человек и совершенно распустила девочек. Но и вам, Маргарита, следовало обратиться ко мне заранее, чтобы приказ исходил от меня. Уверен, тогда все прошло бы куда легче.

Я вынуждена была признать его правоту.

— Допустим. Мне действительно несколько... неловко. Никак не привыкну к замужеству.

— Пустяки, освоитесь. Что там у нас дальше?

— Заключение мага, — напомнила я с готовностью.

Тут он как будет выкручиваться?

После заката в башне стремительно холодало, а я не заметила тут даже плохоньких одеял или побитых молью шкур. По-видимому, свекровь рассчитывала, что греться мы будем друг о дружку, иначе к утру совсем окоченеем.

Барон, шагнув вперед, взял мои руки в ладони.

— Маргарита, клянусь, это ничем вам не поможет. Маг смог только выяснить, что проклятие наложил дилетант, поскольку профессионал не допустил бы таких грубых ошибок.

— Неужели у вас нет никаких соображений, кто этот дилетант? — не желала сдаваться я. — Кстати, вы не рассказали, откуда узнали о проклятии. Это тоже может помочь.

В полутьме я не могла разглядеть его глаз, только ощущала тепло мужского тела и приятный лимонный аромат туалетной воды.

Он тяжело вздохнул. Его дыхание пахло вином и немного мятой.

— Вы считаете меня таким дураком, дорогая? Все, что мог, я вам уже рассказал. Полагаю, это дело рук Адама, и давайте на этом закончим.

Опять барон уперся как баран!

— Ну вот, опять! — рассердилась я. — Вы просите меня о помощи, а сами постоянно увиливаете!

— Ш-ш-ш. — Он вдруг притянул меня к себе и обнял, заставив уткнуться макушкой ему в подбородок. — Я понимаю, вам непросто, и готов ответить на все вопросы. Кроме этих.

— Моя благодарность не знает границ! — Я перевела дух и отстранилась. — Тогда пойдете наверх, выпьем еще вина и обсудим.

— Уверены? — уточнил он с сомнением. — Мы уже выпили бутылку на двоих.

— Бойтесь, что я опьянею? — хмыкнула я, в последний момент удержавшись от подначки «...и стану приставать». Обстановка и так слишком наэлектризована. — Не переживайте, наклоняться я, слава дедуле, не способна.

— В смысле? — удивился Фицуильям, ведя меня по лестнице.

То ли в темноте он ориентировался куда лучше меня, то ли здешние ступеньки знал до последней выбоинки, но ему удавалось пробираться почти в кромешной темноте, даже ни разу не споткнувшись. Мне такой подвиг был не под силу, приходилось цепляться за руку мужа и молиться, чтобы не переломать ноги.

— Разве вы не интересовались моей наследственностью?

Язвительное «разве Донал вам не доложил?» я проглотила с трудом. Кажется, еще немного такой жизни, и успокоительные капли придется пить уже мне, иначе кого-нибудь покусая.

— В общих чертах, — сознался он, кажется, несколько сконфуженно. — Знаю, что ваши дед и бабка были из другого мира и что благословение вы получили от деда.

М-да, негусто. Хотя его ведь интересовало только, способна ли я родить здорового ребенка, остальное второстепенно.

— Про дедушку-сатира вы в курсе. Что же до бабушки, в нашем мире такие, как она, редкие гости, люди называют их музами.

От неожиданности барон чуть не сверзился с лестницы. Сердце испуганно трепыхнулось, и я вцепилась в перила, решив подождать с откровениями до ровного места, где не будет риска загреметь вниз и сломать шею. Не хотелось умирать так глупо, становиться вдовой я пока тоже не стремилась.

Видимо, Фицуильям рассуждал так же, поскольку стоически молчал до тех пор, пока не усадил меня за столик и не вручил полный бокал.

— От дедушки мне досталась способность пить, не пьянея, и то самое благословение, то есть крайне высокая фертильность, — продолжила я. — Все-таки четвертушка крови божества плодородия, пусть и низшего, это не кот начхал. От бабушки я унаследовала и того меньше, всего лишь редкое вдохновение.

Редкое, но меткое — зачастую приступы творческого зуда в нашей семье случались некстати, но тут ничего не поделаешь. Вдохновение хуже чесотки, удержаться невозможно.

Барон молча переваривал мои откровения. Наконец он мотнул головой и одним махом опустошил свой бокал.

— Да-а-а, — протянул он. — Вы полны сюрпризов, Маргарита.

Я лишь улыбнулась, не желая признаваться, что это только часть моих секретов. В конце концов, мы ведь собирались обсудить его генетику, а не мою!

Вино слегка меня расслабило. К тому же в темноте, разбавленной лишь колеблющимся светом свечей, тянуло откровенничать и делать глупости.

— Мы говорили о вас, — напомнила я мягко.

— Спрашивайте, — разрешил он спокойно.

Немного поразмыслив, я поинтересовалась:

— Фицуильям, скажите, когда вы узнали о бесплодии? Хоть на этот вопрос вы можете ответить?

— Полгода назад, — сознался он глухо.

— До этого у вас были половые связи?

— Я не был девственником, если вас это интересует.

За излишней резкостью тона он явно прятал смущение. Не скажу, что сама я была абсолютно спокойна, именно от волнения и сыпала медицинскими терминами. Все-таки тема крайне деликатная.

— Каким образом вы предохранялись? Были ли случаи наступления беременности?

На этот раз он поперхнулся.

— Маргарита!

— Я интересуюсь в научных целях, — напомнила я, пожав плечами. — Доктору же вы рассказываете, вот и представьте, что я — доктор.

Он от греха подальше пристроил бокал на столик.

— Вы не доктор, а моя жена!

— Пока лишь на бумаге. Так что насчет предохранения?

— Амулеты, — сдался он и потер лоб рукой, не глядя на меня. — Хорошо. У меня есть внебрачная дочь пяти лет.

Стало неприятно. Вроде бы меня это не касается, к тому же было давно, но все же...

— Превосходно! — съязвила я. — То есть шесть лет назад никакого проклятия не было. Почему вы сразу об этом не сказали?

— Я не думал, что это важно... Простите.

Умение признать свою ошибку — редкое качество, особенно в мужчинах, так что я смягчилась.

— Послушайте, а вдруг вас прокляла мать девочки?

Ревность, месть или банальный расчет никто не отменял.

— Исключено! — отрезал он. — Девочка майорат наследовать не может. К тому же мы расстались полюбовно, о браке там речь не шла. Я регулярно их навещаю и выплачиваю неплохое содержание, Сильвия с дочкой ни в чем не нуждаются.

Ладно, предположим, хотя зарубку я себе в памяти сделала.

— Хорошо, идем дальше. Проклятие затронуло только фертильность? С потенцией все в порядке?

Признаюсь, я ожидала либо бурных заверений, что он о-го-го, либо смущенного молчания. Только не его усмешки и тихого:

— Давайте проверим?

Стремительно подавшись вперед, он отобрал у меня бокал и обнял ладонями мое лицо.

— Маргарита, я знаю, что моя семья вас разочаровала. Но прошу, дайте нам еще один шанс!

И, не дожидаясь ответа, поцеловал. Уверенно, напористо, будто желая доказать, что в любовных делах он не новичок, и заодно уходя от неудобных вопросов. Как известно, лучший способ заткнуть рот женщине — это ее поцеловать.

Нарочито громкий стук заставил нас отпрянуть друг от друга.

На лестничной площадке стоял Донал. Тени от трепетавших на ветру свечей причудливо ложились на его суровое, словно высеченное из камня, лицо. Нижняя челюсть была упрямо выдвинута вперед, волосы растрепаны, щеки потемнели от щетины.

— Простите, что помешал. — В низком голосе начальника стражи звучали странные едкие нотки. — Вас отсюда выпускать или вам и тут неплохо?

— Донал! — с отчетливой угрозой произнес барон.

Тот ответил ему насмешливым взглядом.

— Да, милорд? Я смиренно жду ваших приказов.

— Перестань ерничать, — буркнул Фицуильям, поднимаясь. На ногах он устоял, даже протянул мне руку, только слегка покачулся. — Маргарита, дорогая, вам пора в постель.

Мгновение уединения прошло, и он вернулся к прежнему заботливо-безразличному тону. Хотелось бы знать, хоть целован он меня? Или закрыл глаза и вообразил на моем месте другую?

Меня разобрала досада. Мы не испытывали друг к другу особых чувств, и все же было обидно, что он поцеловал меня, лишь хорошенько набравшись. Как будто только алкоголь позволил ему пересилить отвращение.

Быть может, у него скрытые гомосексуальные наклонности и половые отношения с женщинами возможны исключительно под влиянием стимуляторов?

— Разумеется, — ответила я сухо, вставая без посторонней помощи. — Поскольку мы не договорили, Фицуильям, я позволю себе составить письменный список вопросов. Думаю, вам тоже так будет легче.

— О! — Досада и смущение барона легко читались даже при столь скудном освещении. — Конечно. Донал, проводи мою жену. Я еще немного пройдусь.

— Как вам будет угодно, — склонил голову брюнет и отлип наконец от стены. — Миледи.

Я взялась за перила, памятуя о коварных ступеньках, и вежливо пожелала мужу доброй ночи.

Донал размашисто шагал впереди, предоставив мне глазеть на свои широкие плечи и крепкую спину. Вдруг захотелось коснуться ладонью мышц, перекачивающихся под тонкой рубашкой...

Поймав себя на этом смущающем желании — растревожил поцелуй с бароном мое либидо! — я поспешно отвела глаза. Лучше уж замок разглядывать. Странно смотрелись древние каменные стены, освещенные ярким электрическим светом. Он безжалостно показывал все: пыль, трещины, выбоины, кое-где плесень. И все же замок был прекрасен, как древний дракон, многие века спящий под горой.

Вот только начальник стражи шел так быстро, что приходилось почти бежать, чтобы поспеть за ним. Мне стало не до того, чтобы глазеть по сторонам.

— Донал! — наконец не выдержала я.

Он резко остановился и бросил, не оборачиваясь:

— Да, миледи?

От неожиданности я едва не налетела на него.

— Вы на меня злитесь?

— Разве я смею, миледи?

— Донал! — рявкнула я вполголоса, чтобы не перебудить весь замок. Коридор выглядел пустым и безлюдным, но это впечатление могло быть обманчиво. — Что случилось?

Он по-прежнему стоял ко мне спиной. И цедил слова, как скисший эль:

— Ничего, миледи. Я рад, что ваши отношения с милордом налаживаются. Пойдемте?

— Да, конечно, — пробормотала я озадаченно.

Он что же, ревнует?..

К счастью, мы почти пришли. Всего два поворота, и можно скрыться в спальне, спрятаться от тревожащих чувств и мыслей.

Донал остановился у моей двери, на его спокойном лице не было ни тени эмоций. Каменный истукан, а не человек. Как мне только в голову пришло, что он способен хоть на какие-то чувства?!

— Доброй ночи, мистер Грин, — сказала я холодно.

— Доброй ночи, миледи.

Чуть склоненная голова, ровный тон, отсутствующий взгляд. Я прошла мимо, досадуя на саму себя. Ревнует, надо же такое придумать!

Соскучившиеся кошки встретили меня бурно. Даже нелюдимая Лиса пришла ластиться, а Марка, несмотря на свои почтенные годы, скакала вокруг и тыкалась головой в мою щиколотку.

Не успев толком войти, я со вздохом присела на корточки, принялась чесать Лису за пушистыми ушами и гладить доверчиво подставленный живот Марки. И лишь поэтому услышала негромкий звук за дверью.

Не похоже, чтобы кто-то пытался войти, тогда что происходит? Может, кто-то пытается запустить через замочную скважину ядовитый газ или что-то в этом роде? В этом доме я уже ничему не удивлюсь!

Отпихнув недовольных кошек, я встала, рывком распахнула дверь и... оторопела. На коврике снаружи устроился Донал. Вытянул длинные ноги поперек коридора, прислонился спиной к косяку.

— Что вы тут делаете?!

Он дернул плечом, глядя на полную луну, насмешливо скалившуюся в узком окне напротив.

— Охраняю вас, миледи.

— Что за глупости? — рассердилась я. — Сидя на холодном полу?

— Я не замерзну, миледи, — последовал вежливый ответ. — Можете спать спокойно. Только предупредите, если... перейдете в соседнюю спальню.

— Пойдите, вы что же, ночевать тут собираетесь? — ужаснулась я, проигнорировав шпильку о постели барона.

— Конечно, — ответил он безучастно. — Я должен охранять будущую мать наследника.

Как он смеет разговаривать со мной так, будто я перед ним виновата?

— Разумеется, — согласилась я с сарказмом. — Как я могла забыть? Вы ведь для этого меня украли!

Спорить он не стал. Прикрыл глаза и ответил глуховато:

— Конечно, миледи. Вы правы, именно для этого.

Захотелось треснуть его по упрямой голове чем-нибудь тяжелым, вот только... за что, собственно? Приличий он не преступал, явного неуважения не выказывал. Мне оставалось только сдаться и закрыть дверь изнутри.

Полночи я проворочалась в постели. В голове всплывали беспорядочные воспоминания, я вновь и вновь перебирала в памяти выходку свекрови, разговор с Фицуильямом, темный взгляд Донала — там, в башне. Мерещилось, что я слышу его дыхание, хотя сквозь толщину стены и массивную дверь это было решительно невозможно.

Разбудили меня чьи-то голоса. Даже сквозь сон я узнала Донала, Бетти и, кажется, барона. Что они делают в моей спальне, да еще с утра пораньше?!

Я дернулась, пытаюсь сесть, но мне не позволили.

— Лежите, миледи. — Низкий голос Донала, так близко — возмутительно близко! — заставил меня затаить дыхание. — Доктор скоро будет, вам лучше пока отдохнуть.

— Что?.. — начала я и закашлялась, ужаснувшись собственному сиплому басу.

— Донал, предоставь горничной ухаживать за моей женой, — потребовал Фицуильям с нажимом.

Что за собственнические замашки? Можно подумать, я ему в самом деле небезразлична! Или после вчерашнего он посчитал, что уже все решено, и теперь попросту метит территорию? Если и так, отгонять от моей постели Донала глупо. Можно подумать, сейчас я способна кого-то соблазнить!

Судя по ощущениям, у меня был сильный жар. Волосы за ночь растрепались и теперь противно липли ко лбу и шее, по вискам струился пот, голова болела, все тело казалось чужим, непослушным и липким.

Открыв-таки глаза, я увидела обеспокоенное лицо склонившегося надо мной Донала. Он придерживал меня за плечи, а вокруг хлопотала Бетти, лепетала что-то утешительное (вот же болтушка!) и испуганно косилась на мрачного барона.

— Выпейте, миледи! — Она поднесла к моим губам чашку, от которой пахло липой, медом и малиновым вареньем.

— Доктор? — переспросила я, глядя на отстранившегося Донала. — Я просто немного простыла.

— Мы не могли вас добудиться, миледи, — ответил он ровным тоном. — И кошки волновались.

— Опять кошки, — по привычке хмыкнула я и тут же закашлялась, чуть не расплескав по постели горячее питье.

Марка, свернувшаяся клубочком у меня в ногах, подняла голову и вопросительно мяукнула. Неловко наклонившись, я погладила мягкую шерсть, и кошка успокоенно задремала снова. Лиса дрыхла на соседней подушке.

Барон, дождавшись, пока я с горем пополам выпью отвар, отстранил горничную и присел прямо на кровать.

— Как вы себя чувствуете, дорогая? — Он взял меня за руку и обеспокоенно заглянул в лицо.

— Сносно, — созналась я, прислушавшись к своим ощущениям. — Только жарко очень и ужасная слабость.

Фицуильям ласково сжал мои пальцы и поднялся.

— Выздоровливайте, Маргарита. Донал, пойдём.

Начальник стражи, как всегда невозмутимый, послушной тенью скользнул за ним. Только напоследок бросил на меня странный — встревоженный? — взгляд.

Я обессиленно упала на подушки и прикрыла глаза...

Повторно вынырнуть из липкого сна меня заставил возмутительно бодрый голос:

— Ну, что тут у нас? Милочка, помогите же мне!

— Да, доктор, — прошептала Бетти.

Потом к коже прижалось что-то ужасно холодное, отчего я дернулась и возмущенно захрипела.

— Все в порядке, миледи! — некоторое время спустя заверил меня незнакомый тип в белом халате поверх костюма, вооруженный стетоскопом и золотым пенсне. — Хрипов в легких нет. Я пропишу вам лекарство и навещу через день. Я прихватил с собой готовые микстуры, так

что скоро вам должно стать легче. Милочка, если вашей хозяйке станет хуже, непременно звоните мне. Тотчас же. Вы поняли?

Кажется, не так он был уверен, что я скоро пойду на поправку, как пытался это показать. Впрочем, мне было слишком плохо, чтобы об этом задумываться...

Почти весь день я проспала. Точнее, провалялась в постели, временами проваливаясь в какое-то усталое беспмятство и приходя в себя, только чтобы выпить лекарства. К вечеру мне стало совсем плохо. Начался сильный насморк, и в очередной раз я проснулась оттого, что мне не хватало воздуха, он почему-то казался горячим и противным. Перед глазами все плыло.

— Вот так будет лучше, — удовлетворенно заметил подозрительно знакомый женский голос, и отвратительный запах усилился.

— Миссис Скотт, но доктор... — робко возразила стерегущая мой покой Бетти.

— Коновал! — презрительно охарактеризовала свекровь. — Ты что, перечить мне вздумала?!

Неужели она почтила меня визитом, чтобы лично справиться о здоровье? Скорее, пожалуй, переживала о возможном наследнике.

— Нет, что вы, миссис Скотт! — испугалась Бетти и, прихватив со столика грязную посуду, сбежала от греха подальше. Только дверь хлопнула.

Свекровь, не чинясь, присела в кресло рядом со мной и вынула из кармана флакончик. Тщательно отсчитывая капли — даже губами сосредоточенно шевелила, — набулькала сколько-то вонючего зелья в стакан с водой и поднесла к моему рту.

— Маргарита, дорогая, тебе нужно это выпить!

От приторно-заботливого голоса меня передернуло. Сегодня она выглядела особенно молодо, была слегка подкрашена и надушена розовым маслом.

— Нет, спасибо, — ответила я, стараясь почти не разжимать губ.

Иначе, чего доброго, силком этой гадостью напоит.

— Ну-ну, что за капризы? — тоном любящей мамочки проворковала она, и мне стало страшно. — Ты же не хочешь, чтобы с ребеночком что-то случилось?

Уберите отсюда эту кошмарную женщину! Она хочет меня отравить, а я слишком слаба, чтобы обороняться!

— Я не беременна, — прошипела я сквозь зубы, и была вознаграждена ее вытянувшимся лицом.

— Как?!

— Вот так. — Я развела руками. — Между нами ничего не было. Кстати, вас не смущает, что тут две кошки?

— А? Что?

— У вас же аллергия, — напомнила я насмешливо. — Разве вы не должны кашлять, хвататься за горло и все такое?

— Хороший вопрос, — прокомментировал стоящий на пороге барон. За его плечом скалой возвышался Донал, а за спиной пряталась Бетти.

Надо же, какая умница! Сообразила, кого звать на помощь.

— Я... приняла лекарство! — нашлась свекровь.

Ложь прозвучала жалко. Барон поморщился.

— Хоть сейчас признай, что выдумала это, чтобы я не таскал домой зверушек!

— Что, если так? — Она опомнилась и перешла в наступление: — Это мое право. Я просто не хотела, чтобы ты возился с этими лишайными и блохастыми тварями!

Фицуильям смотрел на нее во все глаза.

— Что-то я не заметил, чтобы тебе были отвратительны деньги, которые я получал за свои подработки в ветеринарной клинике.

— Да, но... — слабо запротестовала она.

Донал, который уже некоторое время приюхивался, вдруг плечом отодвинул барона и распахнул настежь окно. Потушил чадающую на столике лампадку (вот откуда мерзкий запах!) и коротко бросил Бетти:

— Убери это. Лучше принеси теплого молока с медом.

— Что ты себе позволяешь?! — взвизгнула свекровь, привстав.

И поперхнулась воздухом под злым взглядом Донала.

— Не даю вам навредить миледи.

— Ты и так достаточно натворила, мама! — На скулах Фицуильяма вздулись желваки. — Это из-за тебя Маргарита простудилась.

— Что ты такое говоришь? — Она гордо распрямилла плечи. — Я ведь пыталась помочь! И сейчас не собиралась вредить Маргарите! Наоборот, это лекарство быстро поставит ее на ноги!

Она выглядела настолько искренне возмущенной, что даже я почти поверила.

Донал же, в два шага приблизившись к постели, отобрал у нее пузырек, понюхал и сморщился.

— Убить не убило бы, но расстройство желудка обеспечило бы. Сколько раз я просил вас не пичкать домашних вашими... народными снадобьями?

Кажется, он не без труда проглотил куда более хлесткое выражение.

Свекровь, побледнев, сказала с достоинством несправедливо обвиненной:

— Я пойду, раз мне здесь не рады!

И, задрвав подбородок, удалилась.

Донал принял от запыхавшейся горничной чашку с горячим молоком, постоял с полминуты, хмуря брови и сверля меня взглядом, затем протянул мне эту гадость.

— Выпейте. Обещаю, вам сразу станет легче.

— Фу. — Я с трудом сглотнула, борясь с тошнотой, подкатившей к горлу от одного запаха.

— Ну же, миледи. Глоток за маму, глоток за папу...

Я одарила насмешника гневным взглядом и, зажав нос, залпом проглотила молоко. С пенками!

Следующим утром, как ни удивительно, я чувствовала себя вполне сносно. Жар спал, в голове прояснилось, даже проснулся аппетит. Я с немалым удовольствием уплетала омлет с пряными травами и бульон с сухариками, когда ко мне зашел барон. Выглядел он бледным и осунувшимся, глаза запали и ввалились. Неужели тоже вирус подхватил?

— Доброе утро! — жизнерадостно сказала я, откладывая ложку.

Голос тоже вернулся, хотя легкая хрипотца еще оставалась.

— Доброе. — Фицуильям положил на столик у кровати букет нежно-розовых, с золотистым краем роз. — Это вам.

— Спасибо, — вежливо ответила я.

По правде говоря, к цветам я была равнодушна, не то что Ирэн. Может, передать ей эту

прелесть, пусть нарежет черенков и попробует вырастить? Даже если гибрид нестойкий, такой способ размножения позволяет сохранить признаки.

Не подозревая о таких прагматичных мыслях, барон осведомился о моем здоровье, получив в ответ заверения, что мне уже намного лучше. Столь быстрое выздоровление его порадовало, но не слишком удивило.

— Выздоровливайте, дорогая, — пожелал он и вынул из кармана запечатанное письмо. — Это тоже вам. Вчера вам звонили, но вы не могли подойти к телефону, а утром принесли письмо.

Я только взглянула на адрес, накарябанный знакомым почерком, и от радости чуть не перевернула поднос с завтраком. Весточка от сестер!

О выходке свекрови в башне Фицуильям говорить не пожелал, даже болтушка Бетти на этот счет молчала и испуганно округляла глаза. Видимо, разбор полетов проходил за закрытой дверью, до слуг донеслись только отзвуки семейного скандала — как гремящая в отдалении гроза.

Барон ушел, а я нетерпеливо вскрыла конверт черенком ложки и принялась читать. За обычными домашними новостями, вроде приبلудившегося котенка, совсем крошечного, который полез в драку с призрачным псом и здорово разодрал тому нос когтями, читалось неприкрытое волнение. Ирэн и Джули слали мне горячие приветы и как бы невзначай спрашивали: «Ну что там? Как муж, как здоровье, как дела?» В конце была приписка от Ирэн, которая клятвенно обещала вскоре закончить и выслать с курьером еще один артефактный замок, дескать, было у нее предчувствие...

Обещанному подарку я обрадовалась куда больше, чем розам. Какой прок с одного замка, если двери у меня аж две? Новых покушений пока не было, но это неудивительно — я безвылазно сижу в комнате под присмотром Донала (снаружи) и Бетти (внутри).

Бледная и подавленная Джорджина заглянула ко мне всего на несколько минут, беседу вела несвязно и быстро распрощалась. Видимо, слишком большое впечатление на чувствительную девушку производили семейные скандалы.

Зато нанеся визит чуть позже Хелен держалась вежливо и как-то... пришибленно. Долго расспрашивала меня о самочувствии, презентовала платок с собственноручно вышитыми знаками-оберегами вроде бы какой-то малоизвестной народности с Востока. Потом, преодолев смущение, принялась расспрашивать меня о своем кумире.

Папа, сколько я себя помню, присылал нам с сестрами очень подробные письма, в которых живописал свои путешествия. Хотя литературным талантом он был обделен, его рассказы все равно были удивительны, а уж после должной художественной обработки...

Помявшись, Хелен созналась, что раньше покупала все книги Виктора Саттона, а теперь мама запретила, дескать, дочь слишком им увлеклась. Конечно, мимо такого я пройти не смогла и рассказала ей пару забавных историй из тех, что не вошли в издания. Даже обещала прислать ей новые папины книги — тайком от свекрови, конечно, — после чего у меня появился новый преданный союзник.

Когда посетители разошлись, я принялась сочинять письмо сестрам, к которому, поколебавшись, приложила несколько роз из подаренного мужем букета. Далее составила обещанный Фицуильяму список неудобных вопросов, немного поработала над планом докторской...

Словом, время в постели я провела плодотворно. Пусть и не в том смысле, в каком хотелось бы моей обожаемой свекрови.

Утром я проснулась уже совершенно здоровой. Ничего не болело и не беспокоило, даже горло не першило! К завтраку я, впрочем, спускаться не торопилась. Компания дорогой свекрови мне опостылела, так что я с превеликим удовольствием перекусила в постели. Хорошенько подкрепившись, я приняла ванну, не слушая стенаний горничной, что это может быть вредно, оделась и постучала в спальню к мужу.

— Войдите, — разрешил он сразу.

— Доброе утро, Фицуильям, — поздоровалась я, входя.

Шторы и оконная рама были распахнуты, впуская в комнату яркий свет и свежий ветер. День обещал быть теплым и солнечным, и Фицуильям намеревался сполна им воспользоваться. Судя по бриджам и ботинкам, он собирался на верховую прогулку, камердинер как раз надевал на него твидовый пиджак.

— Доброе утро, Маргарита. — Он жестом отослал слугу и шагнул ко мне. — Как вы?

— Прекрасно, — заверила я искренне. — Куда вы собираетесь, если не секрет? Я хотела бы прогуляться.

Муж повел рукой.

— На конный завод, хочу проверить, как там дела. Могу взять вас с собой, если вы уверены, что от этого вам не станет хуже.

— Замечательно! — Я чуть не захлопала в ладоши. Сидеть сиднем в замке мне опостылело, так что прогулка казалась отличной идеей. — Я соберусь за пять минут.

— Можете не торопиться, — одобрительно хмыкнул барон, приглаживая ладонью светлые вихры. — Во всяком случае, полчаса у нас есть.

— Чудесно! — Этим утром из меня рвались сплошь восторженные эпитеты. — Кстати, пока не забыла. Вот, ознакомьтесь!

Барон взял из моих рук несколько помятый (неудобно писать в постели!) листок, вчитался... и лицо его медленно залилось краской.

— Маргарита, — сдавленно пробормотал он, не поднимая глаз. — Зачем вам... это?

— Для исследований, — пожала плечами я. — Должна же я составить полную картину.

— Для этого вам нужно знать, во сколько я, кхе-кхе, начал половую жизнь и бывает ли у меня эрекция по утрам?!

Бедный барон то краснел, то бледнел, то снова заливался румянцем. На меня он старательно не смотрел.

— Вы думаете, я сама этого не узнаю, если мы все же останемся в браке? — поинтересовалась я с иронией. — Супруги ведь обычно спят вместе.

Он мотнул головой.

— Маргарита, муж навещает жену ночью, после чего уходит в свою спальню. Так принято.

О, какие любопытные подробности выясняются. Позавчера в башне он был куда более раскованным! Хотя да, это ведь было ночью.

Интересно, кто выдумал такую чушь? Наверняка это козни свекрови... или нет? Вдруг у аристократов это действительно в порядке вещей?

— Вы обещали помочь мне с докторской, — прибегла я к куда более безопасному аргументу. — Так что будьте добры, ответьте. Можно письменно.

В душе Фицуильяма явно боролись смущение и баронская гордость, не позволявшая нарушить слово.

— Хорошо, попозже...

— Спасибо! — Я улыбнулась ему и вышла, успев заметить, как он отбросил бумажку, словно ядовитую змею.

К моменту, когда мы выехали из замка, Фицуильям уже взял себя в руки и о неловких моментах не заговаривал. Он усадил меня перед собой и пустил кобылку рысью. Разговаривать на скаку было неудобно, так что мы просто наслаждались свободой и чудесным днем. Теплый ветерок шевелил волосы, солнце ласково гладило кожу, цветущие луга радовали глаз.

Ехать пришлось недолго, завод располагался в пределах имения. Барон уверенно свернул направо от шоссе, грунтовая дорога привела нас к высокому забору из красного кирпича, над

которым виднелись красные же черепичные крыши. Фицуильям спешился и повел коня в поводу.

За воротами к нам со звонким лаем бросились собаки — целая свора, от щенков до взрослых псов. Как на подбор, беспородные дворняги, но выглядели они сытыми и ухоженными. Я испуганно поджала ноги, хотя агрессии собаки не проявляли, напротив, ластились и виляли хвостами.

— Не бойтесь, — успокоил меня барон, потрепав по загривку самого крупного мохнатого пса. — Они не тронут.

— Это успокаивает, — пробормотала я, все же с некоторой опаской наблюдая за животными. Поэтому не сразу увидела двоих работников, вышедших нам навстречу.

— Ну-ну, будет уже! — прикрикнул один из них на резвящихся псов. — Пошли, марш отсюда!

Второй поманил свору за собой свертком, пахнущим копченым мясом. Собаки оставили нас в покое и дружно рванули за кормильцем.

Ссадив меня на землю, барон препоручил лошадку заботам конюха, а сам представил меня управляющему, огненно-рыжему мужчине с бородой, руками-лопатами и неожиданно хитрыми глазами.

— Счастлив познакомиться, миледи, — глубоко поклонился он. — Вы покататься хотите или погулять?

— Я сам проведу экскурсию для жены, — не дав мне ответить ни слова, вмешался Фицуильям. — Делами займемся позже.

— Как скажете, ваша милость. — Управляющий поклонился и, кликнув работников, начал вполголоса их чихвостить за какой-то выгон.

— Пойдемте? — неуверенно спросил барон, подав мне руку. — Простите, тут нет смиренных лошадок...

— Вам неловко демонстрировать, что ваша жена совсем не умеет ездить верхом, — закончила я понятно. — Не переживайте, Фицуильям, я не горю желанием кататься. Давайте пройдемся.

Начали мы с луга, огороженного по краям бревнами, где гуляли и пощипывали травку лошади. Тут кипела работа. Некоторых деловито куда-то вели под уздцы, других чистили и расчесывали им гривы, третьих терпеливо обучали каким-то премудростям на посыпанной песком арене. Потом мы заглянули в конюшни, где оглушительно пахло конским потом и сеном.

Поначалу барон извинялся за неприятные для леди запахи, навоз и прочие прелести животноводства, потом, видя, что я не собираюсь падать в обморок, пообвыкся и даже увлекся.

Я с удовольствием глазела по сторонам, краем уха внимая рассказам мужа, и украдкой посматривала на его оживленное порозовевшее лицо. Впервые я видела барона таким счастливым. Тут он был в своей стихии, и, хотя коневодство мало меня занимало, слушать Фицуильяма было интересно. Он рассуждал об идеальном аллюре, однотонном окрасе и племенном разведении, с гордостью показывал закупленный недавно перспективный молодняк и рассуждал о лицензировании полукровок...

Было очевидно, что лошадами он действительно увлечен. Барон всем сердцем болел за своих лошадей, знал всех их предков, с легкостью сыпал названиями и признаками пород. Прогулка вышла приятной и занимательной, и настроение у меня было превосходным.

Под конец разговора Фицуильям пожаловался со вздохом:

— Никак не удастся получить от Персеуса качественное потомство. Видимо, придется попробовать скрестить его с ганноверскими кобылками.

Я погладила бархатный нос коня и предложила от души:

— Если хотите, я могу взглянуть на карты породы или что там у вас есть? Конечно, с ходу не разберусь, но, думаю, выявить закономерности наследования признаков породы будет не так уж трудно.

На сияющее лицо барона словно легло облачко.

— Маргарита, дорогая, — он слегка сжал мой локоть, — я ценю ваше предложение, но вы уверены, что хотите взвалить на себя еще и это? Я уже давно над этим работаю, вряд ли у вас будет столько времени... Кстати, хотите посмотреть на жеребят?

— С удовольствием, — ответила я после паузы, чувствуя досаду и мучительную неловкость.

Не первое в моей жизни «не суйте нос, куда не надо» и вряд ли последнее. Навязываться я не стану.

Отказ Фицуильяма несколько омрачил впечатления от прогулки. Видимо чувствуя это, барон повел меня в загон с жеребятами, где держали как совсем крошечных, жмущихся к матерям и еще неуверенно стоящих на тонких ножках сеголеток, так и уже подросших и окрепших.

— Ближе лучше не подходить, — удержал меня Фицуильям, когда я хотела погладить крошечного жеребенка. — Вас лошади не знают, могут испугаться.

— Понятно, извините. — Я убрала руки за спину и для верности сцепила в замок.

Фицуильям вздохнул.

— Не обижайтесь. Хотите, я подарю вам кобылку?

Ответить я не успела. Нас бесцеремонно прервал подбежавший управляющий. Выглядел он взмокшим и крайне взволнованным, барон тоже помрачнел, выслушав малопонятную мне тираду.

— Проблемы? — спросила я тихо, когда управляющий, получив указания, покивал и рысью помчался выполнять.

— Еще одно больное животное. — Фицуильям с досадой стукнул кулаком по стволу дерева.

Я сочувственно коснулась его руки. Кулак барона покраснел, но боли он не замечал, слишком погруженный в невеселые мысли.

— Я могу чем-то помочь?

Барон мотнул головой.

— Лучше поезжайте домой. Я позвоню, чтобы из замка прислали машину.

Я лишь кивнула — мешаться под ногами не хотелось — и от души пожелала:

— Удачи!

Пришлось ждать, пока за мной приедут. Я не возражала, очень уж встревоженным выглядел Фицуильям. Когда во двор заехал знакомый темный автомобиль, барон все же пришел попрощаться.

— Сожалею, что прогулку пришлось окончить так, — сказал он, сжав мою ладонь.

— Все настолько плохо? — тихо спросила я, заглянув ему в лицо.

Выглядел он смертельно бледным и за какой-то час заметно осунулся.

Он неопределенно пожал плечами.

— Пока сложно сказать. По-видимому, спасти... — Он запнулся и договорил явно не без внутреннего протеста: — Николь не удастся. Это моя лучшая племенная кобылка, ее даже не успели повязать.

— Как жаль. — Я искренне огорчилась. — Удачи вам, Фицуильям. Надеюсь, все окажется не так страшно.

Барон отрывисто кивнул и сказал водителю, почтительно ждущему в сторонке:

— Майкл, за мою жену головой отвечаешь!

— Да, сэр! — Парень вытянулся во фронт. Даже вечную бесшабашную улыбку свою притушил, проникшись серьезностью ситуации.

Он помог мне усесться и тронул автомобиль с места. Машина катила по проселочной дороге, я гладела в окно на залитые послеполуденным солнцем леса и луга... и не успела даже испугаться, когда Майкл вдруг резко затормозил. Когда меня швырнуло вперед, я только и сумела, что инстинктивно выставить руку, прикрывая лицо.

— Миледи? — донесся до меня встревоженный голос Майкла. — Как вы?

Он обеспокоенно разглядывал меня, просунув голову между сиденьями.

— Кажется, в порядке, — отозвалась я после паузы. Ничего не болело, крови не было, так что действительно обошлось. — Что случилось? Поломка?

Или очередное покушение? Кто-то сумел испортить автомобиль? Глупости, разве что прямо во дворе конного завода, ведь туда-то Майкл доехал без проблем!

Он вдруг шмыгнул носом.

— Простите, миледи, это моя вина. Я отвлекся, кошка выскочила под колеса, вот я и...

От облегчения — покушение, надо же, напридумывала! — я рассмеялась.

— Пустяки. Я не скажу Фицуильяму, но ты, пожалуйста, больше не отвлекайся.

Он белозубо улыбнулся.

— Что вы, миледи! Клянусь. — Майкл прижал ладонь к груди слева. — Это был первый и последний раз.

— Поехали уже, — хмыкнула я. — Иначе даже к ужину опоздаем.

Он был такой открытый, непосредственный и веселый, что поневоле хотелось улыбаться ему в ответ. Слово в нем сияло персональное солнышко.

— Знаете, миледи, я рад, что милорд теперь женился на вас! — выдал он вдруг. — Миледи Николь, она... ну, она хорошая была, но очень уж мягкая. Слишком близко все к сердцу принимала, что ли. Вы — другая, вас не сожрут.

— Спасибо, — машинально поблагодарила я, быстро соображая. — Погоди. Миледи Николь, стало быть, первая жена Фицуильяма?

Это был выстрел почти наугад, но он попал в яблочко.

— Ну да, — недоуменно подтвердил Майкл и тут же смутился. — Ой, а вы что, не знали?

Я растянула губы в улыбке.

— Поехали уже.

Он кивнул и вернулся на свое место.

Я прикрыла глаза. Это многое объясняло.

Во дворе замка нас уже ждали. В тени навеса замер каменной статуей Донал, на солнышке рядом с большим вазоном с петуниями и резедой прохаживались сестры Скотт.

В легком шифоновом платье оттенка молодой листвы и модной шляпке, украшенной цветами, Джорджина была прелестна. Куда только подевались вчерашние бледность и недомогание! Хелен же, напротив, выглядела недовольной, хмурилась и кусала губы, бросая на сестру далекие от одобрительных взгляды.

Хотелось бы знать, в чем провинилась бедняжка Джорджина? Как по мне, ее единственным недостатком было легкомыслие, из которого проистекала излишняя романтичность. В остальном Джорджина была мила, очаровательна и непосредственна, как дитя.

Вот и сейчас она одарила сияющей улыбкой Майкла, который почему-то от нее шархнулся.

Надо же, я думала, он со всеми девушками заигрывает — самую малость, аккурат чтобы оставить по себе нежные воспоминания, а не разбитые сердца.

Джорджина тотчас оттащила водителя в сторону, не обращая внимания на оклик сестры. Его улыбка стала напряженной, на Джорджину он не смотрел.

— Майкл, ты ведь обещал мне... — прошептала она.

Хелен, по-прежнему хмурясь, сердито отвернулась, но Джорджина и ухом не повела, продолжая щебетать.

— Миледи, — Донал шагнул ко мне, — уделите мне минутку?

Хмурая тень в черном, оживший кусочек ночи среди залитого полуденным солнцем двора.

— Конечно, — согласилась я, бросив взгляд на сияющую Джорджину. Хелен наблюдала за нею, нервно ошипывая лепестки у попавшегося под руку цветка, и ничто, кроме поведения сестры, ее в данный момент не занимало.

— Пройдемся? — так же коротко предложил он, кивком указав на Западную башню.

Как интересно! О чем собрался беседовать Донал, раз так боится, что нас подслушают? Не в любви же признаваться! Я вообразила сурового начальника стражи стоящим на коленях с охапкой роз в руках, и мне стало смешно.

— Миледи? — Он нетерпеливо напомнил о себе, когда пауза затянулась.

— А? — Я встряхнула головой. Знал бы начальник стражи, какая чушь мне лезет в голову! — Да, конечно. К башне так к башне.

И быстро зашагала в указанном направлении, словно пытаюсь убежать... от чего?

Донал как всегда бесшумно двигался чуть позади.

У подножия Западной башни я резко затормозила и обернулась к нему.

— О чем вы хотели поговорить?

Донал оказался неожиданно близко и смотрел как-то странно — внимательно, испытующе.

— Вы знаете, кто ваш отец, миледи?

Я опешила.

— Что за глупые вопросы? Вы же знаете, Виктор Саттон, путешественник.

Донал нахмурился и повторил с нажимом, буравя меня взглядом:

— Настоящий отец, миледи, а не тот, кого им считают.

Во рту стало кисло. Не зря барон хвалил умение Донала докапываться до истины!

Это все же могло быть совпадением, поэтому я попросила сухо:

— Выражайтесь яснее.

— Виктор Саттон — ваш отчим. Ваш родной отец — Максимилиан фон Гровер, профессор биологии Дойчляндского королевского университета, не так ли, миледи?

И смотрит так, словно хочет вскрыть мою черепную коробку и хорошенько там порыться. Если ему известно это имя, то остальное скрывать глупо.

Двадцать шесть лет назад профессор фон Гровер приезжал в нашу страну для каких-то исследований. У них с мамой случился бурный роман, фон Гровер напел ей песен о любви, позабыв упомянуть, что давно женат и растит двоих сыновей. Потом он, как водится, уехал обратно, а маме пришлось срочно подыскивать мужа. До недавних пор Максимилиан фон Гровер не объявлялся, нисколько не интересуясь судьбой обманутой девушки и прижитого от нее ребенка, так что своим настоящим отцом я считаю Виктора Саттона.

— Допустим, — сказала я сухо. — Вам-то что с того? Донесете Фицуильяму, что я —

незаконнорожденная, поэтому не достойна родить ему наследника? Думаете, я буду возражать?

Признаюсь, я храбрилась. Если барон подаст на развод, указав причиной мое происхождение, то скандал разразится оглушительный. И все из-за излишне проницательного Донала, будь он неладен!

Он зло усмехнулся, словно услышав посылаемые на его голову громы и молнии.

— Вы именно этого хотите? Избавиться от этого брака?

— Вас это удивляет? — подняла брови я. — Мы ведь уже, помнится, обсуждали этот вопрос. Меня приволокли к алтарю силой, а потом заставили поддерживать этот фарс.

Он качнул головой.

— Какой фарс, миледи? Милорд с вами неизменно вежлив. Ухаживает, водит на прогулки... И вы совсем не протестовали, когда он вас целовал.

Я провела рукой по лбу, вдруг почувствовав себя страшно усталой. Сколько можно ходить по кругу?

Признаю, поцелуй был неплох, хотя я мало что в этом понимала. Опыта-то у меня с гулькин нос — несколько поцелуев украдкой с однокурсником Джерри Лорелом. Тогда я не испытывала ничего, кроме смущения. С Фицуильямом было даже приятно, хотя у меня не кружилась голова и не подкашивались ноги, как шептались более опытные подружки. Видимо, мне это просто не дано.

— Дальше поцелуев мы не зашли, — напомнила я ровным тоном. — И не зайдем, потому что я действительно не горю желанием оставаться замужем за Фицуильямом.

Донал вдруг шагнул вперед и навис надо мной, стиснув руками мои плечи.

— Значит, вы поэтому разыграли покушения? — проговорил он хрипло, глядя в мое запрокинутое лицо.

Взгляд был настолько странным, что я облизнула пересохшие губы. А как он целуется? Было бы интересно получить еще один опыт, исключительно для статистики, разумеется. Благо, от поцелуев дети не рождаются даже в моем случае.

— Разыграла? — переспросила я машинально, пытаясь свернуть со скользкой дорожки фривольных мыслей.

Его руки обжигали сквозь тонкий хлопок платья, глаза яростно горели, губы сжались в нитку.

Он вдруг наклонился так близко, что я почувствовала его Дыхание.

— Я поймал Китти.

— Что?..

— Поймал и вытряс из нее правду. Никто ее на вас не натравливал. Несколько лет назад сюда приезжала экспедиция во главе с профессором фон Гровером, который умудрился обидеть Китти. Она не созналась, что именно он устроил...

Надо же, Китти еще и разговаривает? На редкость талантливое чудовище. Понятно, почему «папочка» не устоял — на таких феноменах делаются блестящие карьеры!

По-видимому, Китти выкрутилась, тогда профессор фон Гровер попытался добыть другой материал для исследований. Меня. В конце концов, внучка сатира и нимфы тоже представляет немалый научный интерес. Фон Гровер слишком честолюбив, чтобы упустить такую возможность. Попытка была неудачной, но с тех пор я вынуждена жить с оглядкой.

— Она его запомнила, — подхватила я, наконец сообразив, что к чему. Так вот откуда Донал узнал о моем родстве! — И почувяла во мне его кровь?

Так просто — и так глупо. Столько лет прятать в шкафу этот скелет, чтобы он вывалился наружу из-за какого-то озерного чудища!

— Именно. Значит, это не было покушением, миледи.

— Что? — моргнула я. — Пойдите, как не было? Ведь на следующий день мне подбросили записку, в которой четко говорилось о первом предупреждении.

— Покушения не было, — повторил Донал, и тон его мне не понравился.

— Хотите сказать, что меня просто пугали? Был ведь еще и пожар!

— Отличный повод уехать из замка. Китти натолкнула вас на мысль, а миссис Скотт подлила масла в огонь. Вам всего-то требовалось соорудить несколько записок, вырезав буквы из газет.

В голове стало пусто. Размечталась, идиотка несчастная! Нашла у кого искать сочувствия и защиты! Он меня же во всем и обвинил. Очень по-мужски.

— Правда? Пожар тоже устроила я?

Он пожал плечами.

— Это нетрудно. Кошки видят магию, так что наверняка учуяли мои сторожки. Вы достаточно разбираетесь в кошках, чтобы заметить их странную реакцию и построить на этом план. Вам ничего не грозило, в крайнем случае вы бы просто выскочили из спальни и сделали вид, что вовремя проснулись. Признаю, отлично придумано, миледи.

Только восхищения что-то не слышать. И во взгляде мужчины — разочарование, гнев и что-то еще, темное и непонятное.

Разумные аргументы в голову не приходили. Во мне говорила обида и злость.

— Тогда перестаньте называть меня миледи! Раз уж я оказалась способна на такое, то какая из меня леди? Отпустите же!

— Да, миледи.

Донал разжал руки и отступил на три шага. Упрямец!

— Я не собираюсь ничего вам доказывать! — отчеканила я, пытаюсь собраться с мыслями. — Думайте, что хотите. Проводите меня в мою спальню.

— Думаю, дорога вам известна, — бросил он, глядя мимо меня.

Нервы у меня сдали, и я молча пошла прочь. Успела сделать всего два шага, когда за спиной послышался глухой удар и туфли обдало пылью.

— Что за?.. — начала я недоуменно, и меня смело.

Донал притиснул меня к стене под уступом, спиной заслоняя от возможного удара и напряженно всматриваясь в темное окно наверху башни. У меня вдруг ослабели колени.

Надо быть совсем дурочкой, чтобы не понять: очередное покушение. Интересно, что на меня сбросили? Кирпич? Бутылку? Сундук? Сундук вряд ли, слишком массивный.

Я исхитрилась выглянуть из-за плеча Донала... и к горлу подступила тошнота. Здоровенный булыжник оставил солидную вмятину. Страшно представить, во что превратилась бы моя голова!

Случайностью это быть не могло, поскольку щели от выпавшего из кладки камня не видно. Значит, кто-то подобрал обломок, втащил на подоконник и швырнул вниз, целясь в меня.

Донал тихо выругался.

— ...ушел! — закончил он с досадой. На его скулах играли Желваки, лицо побелело.

— Почему вы за ним не погнались? — проблеяла я.

Голос-то как дрожит! Позорище.

— Я не мог вас оставить, — пояснил он, бросив на меня короткий взгляд. — Вдруг это был лишь отвлекающий маневр?

Злость и пережитый страх требовали выхода.

— Разве не вы только что распинались, что я сама все устроила?

— Простите, миледи. — Он склонил голову, отстраняясь. — Я был не прав.

— Почему же? Вдруг у меня был сообщник? — съязвила я. — Который это подстроил, чтобы отвести от меня подозрения?

Он сжал губы.

— Тогда передайте ему, чтобы больше так не делал. Слишком велик риск для вас, миледи.

Я смотрела на него, не находя слов. Что за упрямый осел?!

— Встаньте вон туда. — Я ткнула пальцем в проклятый булыжник. — И подождите... — Я осеклась, прикидывая, за сколько сумею подняться наверх. — Пожалуй, пятнадцати минут хватит. Только с места не сходите.

— Зачем? — осведомился он с недоумением.

— Сейчас поднимусь, — сказала я зло, — и сброшу еще один булыжник, на этот раз — прямо на вашу тупую голову. Авось мозгов прибавится!

И побежала прочь, кипя от обиды и негодования.

Не знаю, отчего меня так задели его подозрения. Если рассуждать беспристрастно, рациональное зерно в них было, но... К демонам беспристрастность! Я до смерти устала от семейства Скоттов с их планами, тайнами, предрассудками, ручными чудищами и прочим, хотя пока не настолько, чтобы все бросить и спешно вернуться к маме и сестрам. Скандал, что ли, закатить? Толку-то, на этом поле свекровь меня переиграет без труда.

Стараясь успокоиться, я забаррикадировалась в спальне, подперев дверь в коридор тяжеленным креслом, и забралась в постель в обнимку с кошками. После очередного покушения — и ссоры с Доналом! — меня потряхивало.

Бетти робко поскреблась в дверь, призывая на обед (как будто я могла не слышать гонг), но я не отозвалась. В который раз перечитывала свой план исследований и с грустью констатировала, что за истекшую неделю почти не сдвинулась с места. Разве что получила некоторое представление о генеалогии семейства Скоттов, только этого ничтожно мало для решения поставленной задачи. Зря я надеялась придумать выход с наскока и сбежать, пока не заклевали. Предположим, я не сумею снять проклятие научными методами. Что тогда?

Вариантов я видела три. Первый — бежать, поджав хвост. Благо повод для этого Донал преподнес мне на блюдечке. Второй — стать образцовой женой барона. Теперь-то я видела этот брак без прикрас. Мне положено ежегодно рожать и проводить свободное время в перепалках со свекровью и муштруя слуг, а муж будет днями напролет пропадать по делам. Встретаться мы станем лишь за столом и изредка — в спальне. И, наконец, третий — пасть жертвой неведомого убийцы, потом наблюдать с облачка, как семейство барона оплакивает... не меня, разумеется, а свои разрушенные надежды.

На чем же остановиться? Уезжать не хотелось — обидно, и на работе сожрут. С точки зрения стороннего наблюдателя я неоправданно высоко взлетела, так что насмешкам не будет конца, если продержусь в баронессах всего неделю. Второй вариант нравился мне еще меньше. Не создана я для такого, не по мне эта провинциально-семейная идиллия. О третьем и упоминать не стоило.

М-да, куда ни кинь, всюду клин. Перечисленные альтернативы были столь печальны, что желание работать прямо-таки взбурлило во мне, как забытый на спиртовке реактив. Придется все силы бросить на научные исследования, авось все же сумею решить задачу.

Итак, что мне мешает? Нужно отфильтровать все, что меня беспокоит, чтобы в чистом остатке получить время и силы для экспериментов.

Первое — это свекровь. К ней можно приноровиться, тем более что барон ее осаживает. Со вторым отвлекающим фактором — убийцей — совладать куда сложнее. Игнорировать покушения чревато, но обращаться за помощью в полицию бессмысленно, ведь Скотты будут с пеной у рта отрицать прискорбные для их репутации факты. Если уж мне Донал не верил... Не таскать же за собой какого-нибудь инспектора, чтобы тоже стал свидетелем очередного

покушения! Так можно и Доиграться.

Придется ловить убийцу самой. Правда, опыта в сыском деле у меня нет, только элементарная логика. Главное определить, что известно достоверно, и отталкиваться от этого.

Скажем, булыжник сбросить мог кто угодно. О том, что мы с Доналом направлялись к Западной башне, слышали Джорджина, Хелен, Майкл... и еще сколько-то слуг, снующих туда-сюда. К тому же нас банально могли увидеть из окна, сверху мы были как на ладони.

Поэтому к списку можно смело добавить и свекровь, хотя у нее по-прежнему отсутствовал даже завалящий мотив. Зато Фицуильяму творящиеся безобразия приписать не так-то просто — и в ночь пожара, и сегодня он дома отсутствовал. Хотя при желании это можно объявить частью хитроумного плана — мол, заранее подготовил алиби, а само покушение делегировал сообщнику.

Может, преступник собирался прикончить меня и свалить вину на мужа? Тогда это наверняка Адам — пока Фицуильям будет доказывать, что он не верблюд, другой наследник приберет баронство к рукам. План прост и не лишен шика.

Я так погрузилась в свои невеселые мысли, что не сразу расслышала стук в дверь, громкий и уверенный. Незваный гость оказался настойчив, и мои нервы не выдержали. Отпустив совсем замученных кошек (приступ хозяйской тоски обе выдержали с честью), я подошла к двери.

— Кто там?

— Миледи, это я. Откройте, пожалуйста.

Донала сюда каким ветром занесло?

Вот уж кого я видеть не хотела! После устроенного мне недавно не то допроса, не то мозгового штурма при одной мысли о начальнике стражи во рту становилось горько. Чурбан бесчувственный, он ведь мне уже почти нравился!..

Я уселась в кресло и поинтересовалась неприветливо, глядя на вылизывающуюся на постели черную кошку:

— Что вам нужно?

Думала, он станет уговаривать меня поужинать, но Донал сказал всего три слова. Три слова, которые я так долго ждала:

— Вам лабораторию привезли.

— Лабораторию? — встрепенулась я. — Неужели?

— Хотите посмотреть? — спросил этот демон-искуситель.

Я хотела, еще как хотела! За неделю я успела ужасно, непереносимо соскучиться по работе. Руки чесались, так хотелось снова взять в руки микроскоп, накинуть халат и...

И все же открыто радоваться не стоило.

— Не откажусь, — согласилась я, едва сдерживаясь, чтобы не подпрыгнуть от восторга.

Из-за двери донесся чуть слышный вздох.

— Тогда выходите скорее, — попросил Донал. — Нужно проконтролировать, иначе грузчики все пробирки перебьют...

Я промолчала, и он добавил чуть тише:

— И центрифуги уронят...

На это я лишь фыркнула — нашел чем пугать! Затем кое-как, пыхтя и отдуваясь, оттащила кресло от двери и выглянула в коридор.

Начальник стражи с невозмутимым видом подпирал стену плечом. Не похоже, чтобы он куда-то торопился.

Я взглянула на него с подозрением.

— Только не говорите, что пошутили!

Он дернул уголком губ и отрицательно качнул головой.

— Я бы не осмелился так шутить, миледи. Милорд приказал обустроить лабораторию в Западной башне.

Рожа каменная, словно начальника стражи вытесали из тех же глыб, из которых сложен замок. К таким, как Донал, нужно приделывать специальный датчик со шкалой, чтобы хоть как-то уловить эмоции. Было бы недурно: устройство «старый солдат», одна штука, инструкция по эксплуатации прилагается.

— Что же, тогда показывайте дорогу, — велела я сухо.

Главное, теперь у меня будет лаборатория!

Донал обманул.

Криворуких грузчиков в башне не было, так что никакая опасность оборудованию не грозила. Вдоль стен высились аккуратные пирамиды коробок, свертков и ящиков.

— Надо же, даже пыль вытерли, — пробормотала я, оглядывая свои будущие владения. Все расчищено, нигде ни соринки — слуги постарались на славу. — Где же грузчики?

Тенью следовавший за мной Донал отошел к окну и зачем-то выглянул наружу.

— Я их отпустил, миледи.

— Зачем? — удивилась я, на миг позабыв о решении держаться с ним холодно. — Кто теперь будет таскать и расставлять все это богатство?

Донал хмыкнул, скрестив руки на широкой груди. Он был без пиджака, в одной тонкой рубашке, под которой бугрились крепкие мышцы. Заходящее солнце обливало его массивную фигуру золотом, делая его похожим на бронзовую статую. Ему бы меч да корону — сошел бы за древнего короля.

— Я вас не устраиваю? Все равно слуги к этому, — он кивнул на мои сокровища, — притронуться побоятся.

— Хм...

Он был прав. Коробки и ящики пестрели таинственными для непосвященных знаками и надписями. Смотрелось это внушительно, а для суеверного местного люда — и вовсе страх божий.

Сама я не управлюсь, ведь придется еще раздобыть мебель, смонтировать хотя бы примитивную вытяжку, подвести электричество и еще кое-что по мелочи. Работы непочатый край, придется провести бок о бок с Доналом минимум дня три. Но не Фицуильяма же звать!

Видя мои колебания, Донал перестал улыбаться.

— Миледи? Вы на меня сердитесь?

— Нет, что вы, мистер Грин! — ответила я ядовито, пробираясь между рядами коробок. Каблуки громко цокали по полу, а я делала вид, что проверяю, нет ли лишайников и влаги на стенах. — Вы образцовый начальник охраны и прекрасно справляетесь со своими обязанностями.

Он нахмурился, прекрасно понимая, что это вовсе не комплимент.

— Миледи, я не хотел вас обидеть. У меня были причины для таких выводов. Я ведь уже признал, что был не прав.

Вот как, «признал»! Снизшел, можно сказать, а извиниться как следует язык не повернулся.

Вечные мужские отговорки: не хотел обидеть, не сердитесь, вы не так поняли. Бесит!

— Вы меня не обидели, — солгала я, чуть дыша от злости. — Напротив, подали прекрасную

идею. Возможно, мне еще придется ею воспользоваться.

Он молча поднял брови, и я пояснила любезно:

— Вот хожу и думаю, что бы придумать следующим. То ли саму себя ножом в бок ткнуть, то ли с башни спрыгнуть, подложив снизу пару перин. Или лучше яд? Можно взять у свекрови какую-нибудь микстуру из тех, которыми она пыталась меня напичкать. Сойдет за покушение, как думаете?

Рывка его я не заметила. Только вдруг обнаружила себя в крепких, как тиски, руках.

— Не смейте! — Донал несильно меня встряхнул. Его серые глаза сверкали сталью. — Слышите? Даже не думайте!

Мелькнула мысль, что зря я сегодня надела платье с короткими рукавами. Широкие ладони Донала — мозолистые, шершавые — на моих открытых плечах будоражили кровь.

— Почему? — Я вздернула подбородок, гадая, что его взбесило.

Так сильно за меня переживает? Или опасается нагоняя от барона?

В глазах bruneta мелькнуло какое-то дикое выражение, он медленно наклонился ко мне.

Сердце пустилось вскачь. Неужели поцелует?

— Иначе я расскажу газетчикам о ваших отцах, — проговорил он низким, опасным голосом, глядя мне прямо в глаза. — Ваша сестра Ирэн... Она на самом деле не Ирениэль, а Ириния, правда? Ее отец ведь чистокровный гном, принц из Дома алюминия?

От неожиданности я дернулась, выдавая себя с головой.

Считалось, что в Ирэн проявилось наследие предков по материнской линии. Мол, несколько поколений назад отметился в роду гном, бывает. Кровь этого народа — густая, сильная, нередко дает о себе знать даже через сотню лет, тем более — кровь правящего рода!

Ничего не скажешь, сестренке повезло с наследственностью еще меньше, чем мне. Я-то от родного «папеньки» получила лишь неумный интерес к науке да домашнее имя на дойчляндский манер — Грета — которое мне неожиданно полюбилось.

— Глупости, — отрезала я, хоть и понимала, что отрицать уже глупо. — И... Вы меня шантажируете, что ли?

В собственном голосе я с досадой расслышала какое-то детское удивление.

У Донала вырвался короткий смешок.

— Разве я могу, миледи? Я всего лишь забочусь о вас.

— Какая у вас интересная забота! — притворно восхитилась я. — То вы меня похищаете, чтобы осчастливить насильственным браком, то угрожаете... И, главное, все — в моих интересах!

На щеке у Донала дернулся мускул.

— Я солдат, миледи. Как умею, так и забочусь, уж извините. И еще я всегда выполняю свои обещания.

Намек был толстым, как осадное бревно.

Я не стала в ответ угрожать тоже порассказать о Скоттах. В конце концов, всерьез мне насолила только свекровь, а поплатились бы за мой длинный язык все остальные.

— Уговорили. Я не стану подстраивать никаких покушений, вы, со своей стороны, забудете обо мне и моих сестрах.

— Не пойдет, — тут же возразил он. Мотнул головой, словно отгоняя овода, и объяснил с кривой улыбкой: — Вряд ли я смогу забыть вас, миледи.

Он уже не держал меня — обнимал, крепко и бережно.

У меня вдруг помутилось в голове. Захотелось прижаться к нему, нырнуть в поцелуй, как в

омут, позволить себе забытья... Гормоны требовали своего. Вот только на мамином горьком опыте я слишком хорошо знала, чем это заканчивается.

— Перестаньте, мистер Грин! — потребовала я резко. — Не играйте словами. Вы прекрасно меня поняли.

— Хорошо. — Он разжал руки, прикрыл глаза, пряча их яростный блеск, и проговорил отрывисто: — Клянусь никому не рассказывать о вас и вашей семье. Взамен вы обещаете не подстраивать покушения на себя. Довольны?

— Да. Обещаю, — кивнула я, чувствуя странное... разочарование. Выдумала тоже! Стыдитесь, старший научный сотрудник, разве можно позволять управлять собой каким-то примитивным инстинктам?!

— Так вам нужна помощь с лабораторией, миледи? — поинтересовался Донал, не глядя на меня.

— Да, мистер Грин, — кисло ответила я, смиряясь с неизбежным. — Ваша помощь будет очень кстати.

Он кивнул и закатал рукава.

Первое время я ощущала странную досаду и неловкость, но Донал делал вид, что ничего не случилось, и в конце концов я уверилась, что все это мне померещилось. Поддалась злости и банальному физическому влечению, напридумывала себе невесть что.

Лаборатория быстро отвлекла меня от глупых мыслей. Оборудование — новехонькое, дорогое — превзошло все ожидания. Я чувствовала себя ребенком под елкой, которому досталось втрое больше подарков, чем он воображал в самых смелых мечтах. Металась от коробки к коробке, вскрывала, заглядывала. Даже затаенная улыбка в глазах Донала не уменьшала моего восторга.

Чего там только не было! Микроскоп, дающий потрясающе контрастные изображения, центрифуги, оборудование для электрофореза, стекла, фиалы, дозаторы — глаза разбегались. Как ни странно, выбрано все было не наобум, а с большим знанием дела.

Пока я радовалась, как ребенок, Донал приволок откуда-то отличный стол и даже сумел в паре с лакеем затащить его наверх. Стол очень удачно встал в нишу у окна, еще бы раздобыть удобный стул и хорошую лампу — для начала хотя бы керосиновую, шкаф для инструментов и...

Я провела ладонью по гладкой лакированной столешнице и оглянулась, прикидывая, за что взяться первым делом. Обязательно нужна приточная вентиляция. По башне, конечно, гуляют сквозняки, но полагаться на них ненаучно.

— Проводку сделаем завтра, — пообещал Донал, опираясь бедром о стол.

Я лишь кивнула. Солнце почти село, затевать такую сложную работу на ночь глядя было бы безумием.

Водрузив на стол ящик с дозаторами для проб, я принялась в нем копать. Да тут запас лет на пять, не меньше! Не поспешил Фицуильям, ничего не скажешь.

Резко подняв голову, я наткнулась на странный взгляд Донала.

— Вы совсем другая за работой, — сказал он тихо.

— Вы тоже считаете, что женщин работа уродует? — осведомилась я сухо. Сколько раз мне это твердили, не перечить.

— Смотря какая. Если тяжелая, до изнеможения, то уродует, — не стал спорить он. — У вас же прямо глаза горят! Вы свою работу любите, это сразу видно.

Я хотела спросить, любит ли он свою, но передумала. Слишком личный разговор, не стоило его поддерживать.

Дернув плечом, я вновь вернулась к разбору оборудования.

— Почему вы заказали дозаторы для проб фирмы «Джоррис и сын»? — поинтересовалась я,

вынимая целую упаковку. — Я обычно пользовалась «Аттервудом».

— У «Джоррису» шаг точнее, — ответил он без запинки и нагнулся, чтобы поднять очередной ящик. — «Аттервуд» дает сбой в половину микролитра.

— Какие интересные у вас познания... — пробормотала я, отводя взгляд от его мощной фигуры. — Что там у вас? О, центрифуга для осаждения проб! Почему именно эта модель?

Донал бросил на меня короткий взгляд и пристроил свой груз на подоконник.

— У нее центровка надежнее и оборотов в минуту больше. Вы экзаменуете меня, миледи?

— Совсе нет, — немного смутилась я. — Просто приятно поговорить с человеком, который знает толк в центрифугах.

Он церемонно склонил голову.

— Благодарю за высокую оценку, миледи.

И не выдержал-таки, усмехнулся.

Ночью я спала плохо. Крутилась, вертелась, так и сяк перебирала в уме разговор с Доналом. Логика твердила, что я не могла поступить иначе. Мне здесь и без того несладко, не хватало только усугубить все романом с начальником стражи.

К тому же я рисковала забеременеть, а выдать ребенка за сына Фицуильяма не получится. Потенциального наследника титула проверят обязательно. Магическая генетическая экспертиза — штука, конечно, дорогая, но не такая уж сложная, к тому же Донал упоминал о семейном артефакте для определения родства.

Как жаль, что я не могу позволить себе ничего не значащий легкий роман! Будь это мимолетное увлечение, можно было бы не думать ни о странностях Донала, ни о его выходках. Не вариант. Но как он на меня смотрел!..

Понять бы еще, что нужно от меня Доналу? Я не была наивной и отлично, хоть и теоретически, знала, что происходит между мужчиной и женщиной. Вот только Донал не был похож на человека, готового предать барона ради проходной интрижки.

Любовь? Или он склоняет меня к измене, чтобы Фицуильям мог получить развод? Нет, глупо. Во-первых, меня в этот брак втавили не без помощи Донала, а во-вторых, для героя-любownika он ведет себя слишком несмело. Мы часто остаемся наедине, однако он не пытался идти на приступ.

Одно понятно: покушался на меня не он, иначе не стал бы спасать. Разве что анонимные угрозы ему можно приписать...

Проворочалась я до рассвета. С закрытым окном мне было душно, с открытым сквозило. Под одеялом было невыносимо жарко, но я мерзла, стоило его откинуть. Кошки мешали, а без них было пусто...

Когда меня наконец сморил сон, где-то неподалеку глухо бумкнуло. Я подскочила на постели, таращась в балдахин очумелым спросонья взглядом. Что?! Из смежной спальни донеслась приглушенная ругань. Фицуильям!

Как была, в одной сорочке и босиком, я слетела с кровати и заколотила в соседнюю дверь. Какой-никакой, а все же муж. К тому же, случись с ним что, меня заподозрят первой.

— Фицуильям! — позвала я, торопливо дезактивируя магический замок. — С вами все в порядке?

И ухо к двери приложила, отчего чуть не полетела носом вперед, когда она возьми и распахнись.

— Маргарита? — Барон вовремя поймал меня и придержал за талию. — Я вас разбудил? Простите.

— Ничего, — машинально отозвалась я, столкнувшись взглядом с застывшим за спиной

хозяина Доналом. — Все равно скоро завтрак. Как дела на заводе?

Бьющий в окно солнечный свет неумолимо подтверждал, что все равно придется вставать. Вчера я в запале пропустила и обед, и ужин, так что теперь в желудке неприятно посасывало.

— Все в порядке, благодарю вас, — разжав руки, барон деликатно отвернулся. — Вам стоит привести себя в порядок, дорогая.

На шее Фицуильяма макарониной болтался галстук, рубашка была измята, а вид такой, будто он беспробудно пил до утра. Впрочем, перегаром не пахло, так что, скорее всего, он попросту был на ногах всю ночь.

— Конечно, — пробормотала я, сообразив, что щеголяю в одной тонкой батистовой сорочке, даже не прикрывающей плечи и колени. — Увидимся.

Сдав задом в свою спальню, я поскорее захлопнула дверь.

Чтобы привести себя в божеский вид, пришлось потратить уйму времени и сил. Бетти лишь руками всплеснула, узрев меня — всклокоченную, отекающую и красноглазую.

— Миледи, как же так?! — Она чуть не плакала. — Побледнели-то как, и щеки прямо ввалились. Совсем вы себя не бережете!

Я только хмыкнула. Хоть кто-то за меня искренне переживает.

— Принеси, пожалуйста, кофе и чего-нибудь пожевать, — попросила я, решив, что пить кофе на пустой желудок не стоит. Еще станет дурно, а свекровь возрадуется, решив, что дождалась вожделенного внука. Нет уж, радовать дорогих родственников в мои планы не входило.

Наоборот, пора расставить все точки над «и».

Вниз я спустилась минута в минуту. Заботами Бетти чувствовала я себя сносно, а выглядела еще лучше. Чуть-чуть румян, капелька туши на ресницы, легкий блеск на губы — и помятое лицо в зеркале преобразилось. Распушенные рыжие волосы струились по плечам крупными локонами, насыщенный синий цвет платья шел мне необыкновенно. После утреннего фиаско это было необходимо мне, как воздух. Женщина я или нет?!

Мой цветущий вид оценили разве что дамы. Фицуильям скользнул по мне равнодушным взглядом и отвесил дежурный комплимент, Донал и вовсе мрачно жевал, не поднимая глаз от тарелки. Зато Джорджина одарила меня улыбкой, а Хелен кивнула. Свекровь поджала губы. Нежный сиреневый оттенок помады ей не шел, придавая желтоватому лицу неприятную мертвенную бледность.

— Прекрасно выглядишь, дорогая, — процедила она с таким видом, будто вместо сока хлебнула уксуса.

В ответ я ограничилась сухим «спасибо».

— Как дела с лабораторией? — осмелилась подать голос Хелен, когда лакей оделил меня жареными колбасками.

Свекровь зыркнула на дочь так, что она подавилась булочкой и раскашлялась. Джорджина теревала бахрому скатерти и гоняла по тарелке кусочек ветчины.

— Прекрасно, — заверила я, еле сдерживаясь, чтобы не наброситься на еду. — Надеюсь, в скором времени будут подвижки. Кстати, дорогой, ты подготовил ответы?

Барон сначала удивленно поднял брови, затем вспомнил и передернулся.

— У меня не было времени.

— Очень жаль, — ответила я, взяв с общего блюда свежую булочку. — Это важно.

Барона это не обрадовало, он сумрачно кивнул и отодвинул свою порцию.

— Дорогая Маргарита, — вмешалась свекровь, кроша на тарелку печенье. — Что за глупости? Зачем делать какие-то... анализы? Вы с Фицуильямом такая чудесная пара! Уверена, у вас родятся прекрасные детки.

Мы с мужем оторопело переглянулись. Чудесная пара? Что это на нее нашло?

Хелен наблюдала за матерью с приоткрытым ртом, Джорджина меланхолично плела косички из бахромы, а Донал стиснул вилку так, что пальцы побелели.

— Разве вас не раздражает, что я простая мешанка? — полюбопытствовала я, гадая, какая муха укусила свекровь. Ядовитая, не иначе.

Ее кислая физиономия не очень-то вязалась с приторной любезностью.

— Ах, какие глупости! — Она махнула сухой рукой, похожей на птичью лапку. — У всех свои недостатки, дорогая. Из тебя выйдет вполне сносная баронесса... при должном усердии, конечно.

Я усмехнулась. Ну-ну. Вопрос только, хочу ли я в угоду свекрови становиться сносной? Прислушалась к себе... Нет, сейчас я хочу разве что десерт. Творожный пудинг с изюмом и ванилью.

Жестом подозвав лакея, я попросила:

— Пожалуйста, передайте кухарке мою просьбу приготовить на ужин творожный пудинг.

Почтительно склонившийся лакей побледнел, поняв, что снова угодил меж двух жерновов. Свекровь неприлично громко звякнула вилкой и напряженно улыбнулась.

— Маргарита, дорогая, боюсь, на кухне творога нет.

— Почему же? — поразила я.

Это что-то новенькое.

Она недовольно поджала губы.

— Молочник совсем распоясался, безобразно разбавляет молоко! И недавно я видела, как он залез в банку грязными руками. Разумеется, мне пришлось его рассчитать!

Надо думать, возмущенный таким поклепом молочник смертельно обиделся и растрезвонил на всю округу, что иметь дело с чокнутой миссис Скотт чревато. Так что другие поставщики к нам соваться опасаются, а ей того и надо.

Или она наскоро сочинила эту отговорку для домашних — поди проверь.

— Вот как? — пробормотала я, прикидывая, что теперь делать.

От одной мысли, что придется лезть в хозяйственные дела, у меня заныли зубы. Дома всем этим охотно занималась Ирэн, остальные домашние лишь подчинялись диктату средней сестры. Вмешиваться в отлаженный механизм замкового быта чревато и какой смысл? Я все равно не собиралась оставаться тут надолго.

Пока я колебалась, инициативу перехватил Фицуильям.

— Томас, — проскрежетал барон, — приведите сюда кухарку и дворецкого. Живо!

Лакей выскочил из столовой как ошпаренный, позабыв даже поклониться.

На милом личике Джорджины читалась тревога, зато Хелен отчего-то лучилась злорадством. Только Донал продолжал жевать, методично и бесстрастно потребляя калории.

— Фицуильям, дорогой... — начала свекровь вкрадчиво, как-то нервно разглаживая салфетку.

Не глядя на нее, он поднял руку.

— Потом, мама.

Она умолкла, кусая губы, но спустя минуту пошла на второй заход:

— Но, Фицуильям...

— Помолчи, — попросил он таким тоном, что Хелен дернулась и уронила ложечку, а Джорджина испуганно съежилась.

Свекровь же сделалась иззелена-бледной.

— Фицуильям, как ты можешь разговаривать с матерью в таком тоне! — начала она, вцепившись в свою чашку.

Разгореться семейному скандалу не дало появление слуг. Дородная кухарка и сухощавый дворецкий дружно ввалились в столовую.

— Милорд. — Дворецкий, сразу найдя взглядом хозяина, почтительно ему поклонился.

Кухарка стрельнула глазами в сторону свекрови и сделала неловкий книксен. С ее комплекцией кланяться было нелегко.

— Миссис Уиллоби, почему у нас нет молока?

Она замялась, комкая белоснежный передник, а свекровь попыталась вставить словечко.

— Помолчи, мама! — рявкнул на нее барон, да так, что не пригнулся разве что невозмутимый Донал. — Джонсон, а вы что скажете?

Дворецкий с кухаркой растерянно переглянулись.

— Милорд, хозяйка... ой, то есть миссис Скотт так приказала, — очень тихо ответила кухарка, вытирая ладони о фартук.

— Велено было передать молочнику, что его услуги отныне не потребуются, — подхватил дворецкий.

— Хозяйка, значит... — зловеще повторил барон, совсем потемнев лицом. — Правильно вы поправились. Ваша хозяйка — моя жена. Если она будет недовольна вашей работой, то пусть моя мать платит вам из своего кармана, хотя вряд ли у нее найдутся средства. Это понятно?

Кухарка испуганно взглянула на мою оцепеневшую свекровь.

— Д-да, милорд.

— Да, — подхватил дворецкий таким скорбным тоном, словно его известили об увольнении. Без рекомендаций.

Не встретив сопротивления, Фицуильям несколько успокоился.

— Хорошо, миссис Уиллоби, Джонсон, идите. Томас, вы тоже свободны.

Они обрадованно выскочили в коридор, чуть не столкнувшись в дверях, что для вышколенной прислуги было верхом неприличия. Навел барон на них жути, ничего не скажешь.

Впрочем, домашние тоже сидели такие тихие и пришибленные, что любо-дорого посмотреть.

— Мама, — начал барон с угрозой, — ты опять начинаешь? Я же просил тебя. Я, демоны тебя побери, столько раз просил не вмешиваться в мои дела! Но тебе всегда плевать на мои просьбы! Я позволил тебе разрушить мой брак и больше не допущу такой ошибки. Ты немедленно переезжаешь во вдовый домик!

Свекровь спала с лица.

Я тоже не обрадовалась. Тогда мне придется взвалить на себя домашнее хозяйство! Пусть лучше тут пользу приносит.

— Но, Фицуильям! — взвизгнула она. — Ты не можешь!

— Не могу? — повторил барон странным тоном. Он вдруг привстал, опираясь на сжатые кулаки.

— Дорогой, — поспешно вмешалась я, ежась под его гневным взглядом. Фицуильям был в такой ярости, что любой, кто неосторожно обратит на себя его внимание, рисковал получить на орехи. — Можно вас на минутку? Нам нужно поговорить!

Надрывное «нам нужно поговорить» мигом остудило его пыл.

— Конечно, дорогая. — Он встал, подал руку и повел меня к выходу, не удостоив домочадцев и

взглядом.

Я на ходу оглянулась. Свекровь выглядела так, будто вот-вот грохнется в обморок, и, захлебываясь, пила воду, стуча зубами по стеклу.

Враг капитулировал. Победа в великой молочной войне замка Мэлоуэн осталась за бароном...

Уже в коридоре барон вдруг спохватился.

— Подождите минуту, дорогая, — попросил он и вернулся в столовую. Заходить не стал, сухо скомандовал с порога: — Донал, позаботься, чтобы нас с Маргаритой никто не услышал. У нас приватный разговор, ясно?

Последовал ровный ответ Донала:

— Да, милорд.

В первый момент я удивилась — неужели слуги так часто греют уши или это он о домашних? — но как-то вяло. Главное, что Донал отгонит любопытствующих, думать об остальном не было сил.

Фицуильям привел меня в свой любимый уголок — зимний сад. Я села рядом с лимонным деревом, на котором вызревали еще совсем небольшие, но уже ароматные плоды, и сложила руки на коленях. Барон остался стоять.

— Маргарита, о чем вы хотели поговорить? — напомнил он нетерпеливо, пока я пыталась подобрать слова.

Не сильна я в выражении чувств, научные тезисы даются мне легче. Поэтому я спросила напрямик:

— Почему вы не рассказали о своей первой жене? Николь, верно? Вам не кажется, что я имела право знать?

Он дернулся. Сцепил зубы.

— Маргарита, я... — Барон осекся и потер лоб. — Вы правы, надо было с самого начала рассказать. Я посчитал, что это не слишком красиво — обсуждать с вами... предшественницу.

Я лишь глаза закатила. И этот туда же!

— Знание всегда лучше незнания, Фицуильям.

Он поморщился.

— Не соглашусь. Бывает, что и рад бы забыть, но...

— Вы ведь по-прежнему любите ее.

Это не было вопросом. И все же он, болезненно поморщившись, проронил:

— Да. Люблю.

Я подавила неуместный укол ревности. Фицуильям не мой. И, по совести говоря, никогда моим не был. Он неплохой, ответственный, его есть за что уважать... но этот мужчина не для меня — как и я не для него. Видно же, что ему больно даже произносить имя бывшей жены. Зато теперь понятно, почему он так и не смог заставить себя проявить ко мне хоть какой-то романтический интерес.

По-видимому, направление моих мыслей было очевидно. Или я слишком выразительно смотрела на... мужа? Пожалуй, больше не стоит так его называть. Наш брак на глазах превращался в пустую формальность, в окаменевший скелетик так и не рожденной семьи.

— Как же вышло, что вы развелись? — осведомилась я, задумчиво обводя пальцем контур ближайшего листа.

— Мама! — выдохнул барон с чувством.

Я понимающе кивнула. Мне ли не знать, на что она способна?

Он почти упал в кресло напротив и заговорил сбивчиво, зато от души:

— Сколько я себя помню, в доме всегда командовала мама. Стоило отцу поступить по-своему, она закатывала такие скандалы, что все в доме неделю ходили на цыпочках... Отец умер, когда мне было семнадцать.

— Мне жаль, — пробормотала я с неловкостью. Хвала богам, мне пока не доводилось терять близких, а отцов у меня вообще аж две штуки.

Он махнул рукой и пошарил за большим горшком с раскидистой пальмой. Вытащил запыленную бутылку и стакан, плеснул себе чуть-чуть.

— Это было давно. После смерти отца выяснилось, что он почти ничего нам не оставил. Долгов не наделал, но и только, доход у нас был мизерный. Маме пришлось нелегко, они с девочками жили очень скромно, чтобы я доучился в университете.

— И она не давала вам об этом забыть.

— Ни на минуту. — Он глотнул из стакана и прикрыл глаза.

Выглядел он таким опустошенным, что язык не поворачивался дальше его расспрашивать. К тому же все было ясно. Дорвавшись до титула и богатства, маменька отвела душу, сполна компенсируя себе нищие годы. Что же, ее вложения в сына оказались удачными и окупились сторицей.

— Мы с Николь поженились, когда я еще учился. Я помогал в ветеринарной клинике, зарабатывал немного, но нам хватало. Даже удавалось немного откладывать для мамы, только виделись мы нечасто. Потом... потом я стал бароном, и все вдруг переменялось.

— Вы переехали в замок все вместе? — поинтересовалась я осторожно.

Он передернул плечами, рассматривая янтарную жидкость в стакане на свет.

— Конечно. Я согласился только ради семьи. Николь, мама и сестры заслуживали хорошей жизни, которой иначе я не смог бы им дать. У Хелен с Джорджиной ведь даже приданого не было! Джорджине, конечно, было лишь пятнадцать, но годы летят быстро. Так что я принял наследство, и мы переехали в замок...

Фицуильям помолчал, рассеянно взбалтывая почти нетронутый напиток.

— Конечно, сначала было тяжело. Я понимал, что всерьез меня не воспринимают, поэтому должен был сам во всем разобраться. Меня к такому не готовили, так что... Я целыми днями пропадал в поместье, часто возвращался домой за полночь. Потом оказалось, что мама с сестрами тем временем третировали мою жену!

— Понимаю, — вставила я, чтобы хоть что-то сказать.

Он рассеянно кивнул.

— Еще бы. Мама на вас применила опробованную тактику. Привыкла к безнаказанности и думала, что ей опять все сойдет с рук. Николь, она... Потом она сказала мне, что не хотела расстраивать. Что молчала, сколько могла, а когда попыталась пожаловаться мне, я только отмахнулся. Не принял всерьез, мол, не до того. Мама постоянно шпыняла ее, попрекала тем, что Николь никак не родит. Николь плакала, тайком обращалась к целителям... без толку. Мама окончательно распоясалась, стала говорить, что Николь — неподходящая жена для барона. Идиот, я ничего, ничего не замечал! Мне казалось, что теперь-то все наконец будет хорошо!

Барон понял, что почти кричит, и умолк. Потер висок, невидяще глянул на стакан в руке и продолжил тем же звенящим от застарелой боли голосом:

— Мама раньше была совсем другой. Конечно, мы редко виделись, я приезжал только на каникулы, но...

— Титул и богатство ударили ей в голову. Так бывает.

Он поморщился.

— Наверное. Жаль, что я понял это слишком поздно. Один из врачей, к которому обращалась

Николь, оказался хорошим магом. Он сумел разглядеть след проклятия, а после встретился со мной и удостоверился. Николь была в ярости. Мама столько крови у нее выпила, что... Словом, она подала на развод, назвав причиной мое неизлечимое бесплодие.

— Мне жаль, — сказала я с неловкостью.

Так вот как выплыла наружу правда о проклятии! Поэтому Фицуильям не хотел мне об этом говорить — понимал, что тогда придется рассказывать все.

Барон кивнул и залпом выпил. Сжал в ладонях опустевший стакан.

— Эти полгода мы не виделись. Я врал сам себе, что пройдет время и... Когда мама учудила эту свадьбу, я подумал, почему бы и нет? Вдруг получится забыть Николь?

— Ну-ну, — скептически хмыкнула я. Видно же, что он ни о ком больше и думать не может! Видимо, я ослепла, если раньше не поняла, что к чему.

Фицуильям виновато передернул плечами. Похоже, он почти сразу пожалел, что спустил маме с рук авантюру с нашим браком.

— Да, не вышло. Недавно мы с ней встретились. Случайно, у общих знакомых, и она... Она так ядовито меня поздравила, что я потерял голову. Не выдержал, попытался с ней поговорить, объяснить. Нес от отчаяния какую-то чушь, но...

Он машинально потер уже поджившие царапины на щеке. Так вот кто постарался!

— Значит, не помирились? — вздохнула я, прикидывая, не попросить ли налить и мне. Беременеть я все равно не собиралась, так что не повредит.

Он покачал головой.

— Николь поклялась, что больше никогда не вернется в замок. Сказала, что любит меня, но ненавидит мой титул. Понимаете, я не могу позволить, чтобы он достался Адаму.

Два упрямых барана. Хотя Николь тоже можно понять. Свекровь наверняка сделала ее жизнь невыносимой, уж это она умеет.

Заодно я поняла еще кое-что.

— Вы пригрозили маме, что в случае нашего развода вернете в замок первую жену?

Он отвел глаза и чуть покраснел.

— Простите, я думал, маму это угомонит.

Угомонило. По-своему.

Если со мной у свекрови были все шансы остаться у руля — мне хозяйство было попросту неинтересно, — то первая баронесса наверняка даже слышать не захочет, чтобы свекровь жила с ними. Выселит во вдовый домик, небольшой коттедж на берегу, и пусть свекровь там хоть волком воет. Конечно, при таких обстоятельствах я меньшее из зол.

Мы помолчали.

— Маргарита, я... — начал он, разглядывая носки своих туфель. — Послушайте, я понимаю, как это все выглядит. Поэтому и не говорил. Но мы ведь можем быть друзьями?

— Несомненно, — покривила душой я. Не выйдет у нас дружбы, слишком мы разные. — Только замужем за другом я быть не хочу, уж простите. И тем более не хочу жить в замке.

Мне ведь даже пресловутого «дети-церковь-кухня» не оставили! На кухне окопалась свекровь, которую выкурить оттуда потруднее, чем тараканов. Священник после венчания в замок носа не жает, предоставив Скоттам самим разбираться с брачными узами. Ну а насчет детей... Фицуильям — здоровый сильный мужчина, вполне способный зачать ребенка (если не принимать в расчет проклятие). Однако желание преодолеть проклятие он выказывал лишь на словах. Надо думать, втайне лелеял надежду, утратив титул, вернуться к незабвенной Николь. К тому же баронство лично ему опостылело, Фицуильям сам признавался, что спит и видит себя в роли обычного ветеринара. Вот только почему он сразу об этом не сказал? Не хватило духу послать маму куда подальше?

Барон поднял голову.

— Значит, вы уезжаете? Я понимаю, что виноват, и не буду вас удерживать. Я скажу Харперу, чтобы развод оформили так, как будет лучше для вас.

Мое решение он воспринял с плохо скрываемым облегчением, хотя явно чувствовал себя виноватым.

Я вздохнула (ах, как же соблазнительна была мысль прямо сегодня сбежать из этого сумасшедшего дома!) и напомнила:

— Лабораторию уже привезли. Или вы передумали искать средство от проклятия?

Лицо Фицуильяма было серым от усталости. Он сгорбил плечи.

— Не передумал. Проклятие нужно снять, а уж потом разбираться, что делать дальше.

Я кивнула. Что делать, что делать... Выгнать маму и мириться с любимой. Но тут я ему не помощница.

— Договорились. Только не обессудьте, жить рядом с вами я не хочу.

Замки замками, а все-таки беспокойно мне было по соседству со Скоттами, особенно после пожара.

Он нахмурился.

— Тогда где вы собираетесь жить?

Я пожала плечами.

— Переберусь в Западную башню, там три этажа, места хватит. Тихо, спокойно, никто не помешает. Горничная может носить мне еду прямо туда, чтобы не отвлекаться от работы.

И плевать, о чем будут шептаться слуги.

— Там ведь даже электричества нет!

— Это можно исправить. Мне действительно будет там удобнее, Фицуильям.

— Дело ваше, — сдался он. — Я прикажу слугам выполнять любое ваше поручение.

— Спасибо, — вежливо сказала я, поднимаясь. — Рада, что мы наконец-то все прояснили.

Барон глубоко вздохнул и ответил искренне:

— Я тоже.

В коридоре я нос к носу столкнулась с Доналом, который сторожил дверь. Вокруг нетерпеливо расхаживала, ломая руки, взволнованная Джорджина. Неужели пыталась подслушать? Тогда почему не сбежала потихоньку, когда не вышло?

— Наконец-то! — Она бросилась ко мне.

В нежно-розовом платье сестра Фицуильяма казалась чудесным видением. Тонкая фигурка, рассыпавшиеся по плечам золотые волосы, широко распахнутые наивные глаза.

— Мы должны бежать! — заявила она, импульсивно схватив меня за руку.

— Куда? — не поддалась я.

С этими Скоттами надо держать ухо востро. Фицуильям говорил только о маме, но сдается мне, что травля Николь никак не могла обойтись без его милых сестриц.

Она прижала ладонь к взволнованно вздымающейся груди.

— Там мама! Она хочет уволить Бетти!

— Почему? — коротко бросила я.

Джорджина изящно пожала плечами. Рукава-фонарики очень ей шли, подчеркивая изящность лилейно-белых обнаженных рук.

— Я не совсем поняла. Вроде бы ее с кем-то застали.

Очень вовремя. Подозрительно вовремя. Аккурат когда свекрови захотелось сорвать на ком-то злость, а тут подвернулась такая отличная мишень!

— Идем, — кивнула я, сжав тонкую ладонь Джорджины.

Донал лишь бросил на меня сумрачный взгляд.

Мы быстро шли по коридорам замка. Джорджина солнечным зайчиком указывала дорогу, Донал тенью скользил следом.

Шум скандала слышен был издалека. Замок притих, слуги опасались попасть под руку разгневанной свекрови, которая бушевала в моей спальне. Ее визгливый голос разносился далеко, хотя что-то понять из потока оскорблений было трудно. Свекровь наседала на мою горничную, кажется добиваясь чистосердечного раскаяния.

Финальное: «Мерзавка!» — и хлесткая пощечина прозвучали как раз перед тем, как я открыла дверь и вошла.

Зареванная Бетти держалась за щеку и всхлипывала. Напротив нее стояла покрасневшая свекровь с занесенной для очередного удара рукой.

— Что здесь происходит? — отчеканила я, обведя взглядом некрасивую сцену.

— Мя-а-ау! — наябедничала Марка, выглядывая из-за кресла. Мол, эта нехорошая женщина нас напугала!

Боязливая Лиса только глазами сверкнула.

По лицу свекрови прошла судорога. Кажется, ей страшно хотелось накричать еще и на меня, да вот незадача — приходилось сдерживаться.

— Эта девица, — она бесцеремонно ткнула горничную пальцем в грудь, — посмела нас предать! Строила козни за нашей спиной!

Я поморщилась. Слишком пафосно и расплывчато.

Решив, что хватит торчать на пороге, я устроилась в кресле. На колени мне тут же вспрыгнула Марка, за ней, немного помедлив, последовала Лиса.

Джорджина исчезла, видимо сочтя свою миссию выполненной. Открыто идти наперекор матери у нее не хватало духу. Зато Донал замер за моим плечом молчаливым стражем, буравя свекровь холодным взглядом.

— Конкретнее? — попросила я сухо. — В чем вы обвиняете мою горничную?

Опомнившись, свекровь нервно поправила волосы и сбавила тон:

— Маргарита, дорогая, конечно, следовало дождаться тебя. Но я вышла из себя, попросту вспылила. Представляешь, она, — колкий взгляд на сжавшуюся Бетти, — сговорила с Адамом!

— Неправда! — всхлипнула Бетти.

Обычно говорливая и улыбчивая, сейчас она казалась тенью самой себя.

— Помолчи, — поморщилась свекровь, без разрешения усаживаясь в свободное кресло. — И не смей отпираться! Тебя видели.

— Кто? — осведомилась я.

Свекровь немного поколебалась, теребя кулон на длинной цепочке, потом махнула рукой.

— Ах, зачем скрывать? Эта негодяйка встречалась с Адамом в беседке у реки, Мэри хорошо их разглядела.

— Мэри? — нахмурилась я. — Горничная?

— Именно. Надеюсь, ты не считаешь, что этого свидетельства недостаточно?

Пока нельзя полностью отбросить возможность, что Бетти действительно спуталась с Адамом. Придется разбираться.

Горничная смотрела на меня умоляюще.

— Миледи, клянусь, я...

— Помолчи! — окрысилась на нее свекровь. — Ты понимала, на что шла!

— Постойте, — попросила я, потирая висок. — С чего бы Мэри доносить на Бетти? Они, кажется, дружили.

Кто знает? По меркам прислуги, Бетти высоко взлетела, став личной горничной баронессы, так что Мэри могла оболгать «подругу» из зависти. Или попросту хотела выслужиться перед миссис Скотт.

Свекровь гордо выпрямилась.

— Настоящая преданность еще встречается! Жаль, что реже, чем хотелось бы.

Я лишь хмыкнула, комментируя это заявление, и вспомнила подслушанный разговор горничных. Не показалось мне тогда, что вторая девушка так уж безоглядно предана моей свекрови. Напротив, она уговаривала Бетти на нее пожаловаться. Тут крылось что-то другое, но что?

— Выходит, Мэри застигла Бетти, так сказать, на месте преступления... Кстати, а на что, по-вашему, позарилась Бетти?

Свекровь махнула рукой.

— Откуда мне знать? Денег ей посулил, подарков.

— Или вскружил голову, — вставил вдруг Донал, о присутствии которого я успела позабыть. — Адам это умеет.

Свекровь встрепенулась, почувствовав неожиданную поддержку.

— Вот именно! Впрочем, какая разница? Тут важен сам факт!

Как раз факт пока вызывал сомнения. Зато свекрови все это доставляло огромное удовольствие. Поквитаться со строптивой горничной и одновременно натянуть нос мне — мол, ты-то, дорогая невестка, позволила обвести себя вокруг пальца, а вот я не дремлю! Стою, так сказать, на страже семьи... с топором.

Спрыгнув с моих коленей, Лиса подкралась к горничной и мазнула пушистой головой о ее щиколотку. Раз, другой.

Довершил дело злорадный взгляд, брошенный свекровью на заплаканную Бетти, которая уже явно ни на что не надеялась — тихо и горько всхлипывала, закрыв лицо руками.

— Поклеп, — решила я твердо. — Мэри зачем-то оговорила Бетти. Я не стану ее увольнять.

Лицо свекрови пошло пятнами, но она предприняла отважную попытку мне улыбнуться.

— Маргарита, дорогая, я понимаю, что ты потрясена. Но зачем тебе эта предательница?!

Я пожала плечами, почесывая доверчиво подставленный живот Марки.

— Мне ведь нужна горничная.

— Давай я пока пришлю к тебе свою Рэйчел, но долго я без нее обходиться не смогу. Тебе может помогать... например, Мэри. Я ее горячо рекомендую! Замечательная девушка, внимательная и расторопная.

Подмывало сказать, что девушке, которую так нахваливает дорогая свекровь, я даже ночной горшок не позволила бы выносить, но не хотелось очередного витка скандала.

— Вот и мотив, — заметила я как бы про себя.

Свекровь непонимающе моргнула, и я пояснила:

— Думаю, Мэри хотела занять место Бетти, поэтому сочинила эту историю о ее встрече с Адамом.

Свекровь, побледнев, медленно встала.

— Ты не доверяешь моим суждениям, Маргарита? Думаешь, я могу ошибаться в таких вещах? Я веду хозяйство не первый год и...

— Миссис Скотт, — перебила я. Мамой назвать язык не повернулся, — теперь я в этом доме хозяйка. Мне и решать.

Во всяком случае, пока. Донал хмыкнул, но промолчал.

Свекровь побледнела еще больше — хотя, казалось, куда сильнее? — и процедила:

— Ты требуешь, чтобы я отдала тебе ключи?

Я пожала плечами. Страшно не хотелось в это ввязываться, но бросить Бетти в беде я не могла.

— Пока — нет. Я уговорила Фицуильяма оставить все как есть. Поверьте, я не стремлюсь заниматься хозяйством и даже благодарна вам за помощь. Но если я не смогу выбирать ни горничную, ни десерт, ни время для уединения с мужем... то мне проще будет нанять экономку.

Она поджала губы.

— Что же, поступай, как знаешь!

И с гордым видом выплыла из комнаты.

Бетти проводила ее ошарашенным взглядом, безвольно опустив руки, потом вдруг бросилась передо мной на колени, бормоча бессвязно:

— Спасибо... миледи... спасибо! Я...

— Перестань, — попросила я мягко и перегнулась через Марку, чтобы похлопать горничную по плечу. — Иди умойся и выпей чаю. Возвращайся через час, нужно собрать вещи.

— 3-зачем? — Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами. — Ой, то есть простите, миледи!

— Я переезжаю в Западную башню, — объяснила я спокойно, кожей чувствуя, как за спиной напрягся Донал. — Теперь ступай.

— Д-да, миледи. — Бетти вытерла ладонью мокрые щеки. — Спасибо вам! Спасибо, что поверили мне!

Она почти вывалилась в коридор, а я обернулась, машинально наглаживая урчащую Марку.

— Осуждаете?

Каменная маска Донала не дрогнула, в ровном голосе не прозвучало и тени эмоций:

— Разве я могу, миледи?

— Донал! — рассердилась я. — Давайте без фокусов. И сядьте наконец!

Он пожал плечами и, обогнув мое кресло, без возражений опустился напротив.

— Миледи, зря вы доверяете слугам, — проговорил он ровно. — Горничной нетрудно за вами проследить. Или, например, подкинуть записку.

Я невольно поежилась, вспомнив про анонимки.

— Ради чего Бетти на такое идти? Выше личной горничной баронессы ей не подняться, а

сколько бы ни посулил ей Адам, на всю жизнь этих денег не хватит.

Донал усмехнулся, барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

— Вы рассуждаете очень логично, миледи. Только большинство женщин руководствуются чувствами, а не разумом.

Я подняла брови.

— Хотите сказать, что я — ненастоящая женщина?

Взгляд его неуловимо переменялся. Потемнел.

— Вы — необычная женщина, — поправил Донал негромко. — Поэтому не стоит судить по себе. Бетти — неплохая девушка, но... любовь зла.

С такой горечью он это сказал, что мне стало не по себе.

Я прочистила горло.

— Хорошо, допустим. Вам самому эта история с доносом разве не кажется странной? Помоему, в этом всем множество нестыковок.

— Например? — заинтересовался он, чуть подавшись вперед.

— Например, убейте не понимаю, зачем Адаму меня пугать! Проще... ну, скажем, подстроить все так, чтобы моя смерть выглядела нелепой случайностью.

— Как пожар или нападение чудовища? — подсказал он хмуро.

— Да, — согласилась я нехотя. — Все равно, зачем заранее угрожать? Чтобы я была настороже, а полиция в случае чего знала, что это никакой не несчастный случай?!

Он немного помолчал.

— Согласен, это выглядит нелогично. Как будто вас хочет предупредить кто-то другой, кому известно больше нашего.

— Вот и говорил бы напрямик, — пробурчала я с досадой. — Надоели сплошные недомолвки.

Губы Донала дрогнули в улыбке.

— Да, не порядок. Надо как положено: введение, теоретическая часть, практическая часть, заключение и выводы.

Я невольно улыбнулась в ответ.

— Неплохо бы.

Брюнет посерьезнел.

— Вы сами что об этом думаете, миледи?

— Я не сыщик, — вздохнула я, зарываясь пальцами в мягкую шерсть Марки. — Допустим, Адам сумел уговорить Бетти подсунуть мне эти записки, зачем бы ему это ни понадобилось. Но устраивать пожар и швыряться в меня булыжниками?!

Лиса черной бабочкой вспорхнула на спинку моего кресла и принялась топтаться, бессовестно точа когти об обивку.

— Пожалуй, вы правы, — признал Донал задумчиво. — Хотя это мог сделать сам Адам, если Бетти привела его в замок через тайный ход.

— И никто его за столько дней не заметил? — усомнилась я. — Кстати, вы ведь говорили, что в этой комнате никаких тайных ходов нет. Значит, Адам умудрился еще и ключи стащить? После чего преспокойно миловался с Бетти в беседке чуть ли не на виду у всех?

— Люди часто поступают неразумно, — напомнил Донал и скрестил руки на груди. — Вы ведь уже придумали свою версию, миледи?

Я хмыкнула. Все-то он понимает!

— Полагаю, если Адам действительно рыщет в замке, то не стараниями Бетти. С тем же успехом он мог очаровать одну из кузин. Однажды я слышала странный разговор, Хелен выговаривала Джорджине за роман с «неподходящим» мужчиной.

— То есть с Адамом? — Донал задумался. — Пожалуй, это объяснило бы, почему нападают на вас, а не на барона... Простите.

Я кивнула.

— Может, миссис Скотт даже тайно поощряет роман Адама с Джорджиной. Тогда, даже если Фицуильям проиграет, она все равно не останется внакладе — дочка станет баронессой, тоже неплохо. Однако она не стала бы закрывать глаза на убийство сына.

— Похоже на правду, — заключил Донал, разглядывая меня со странным выражением лица. — Быть может, вам стоит попробовать себя в сыске, миледи?

Я рассмеялась.

— Это только предположение. К тому же заниматься наукой мне нравится гораздо больше.

Он мигом посерьезнел.

— Миледи, вы сказали, что переезжаете в Западную башню. Значит, с милордом вы...

Выходит, Донал и сам не подслушивал, и другим не давал? Впрочем, что это я? Не могу представить его греющим уши у двери.

— Будем разводиться, — закончила я, когда он осекся. — Чуть позже. Пока я попробую добраться до корней проблемы с его бесплодием.

Уже почти наверняка известно, что это личное проклятие, а не наследственное, и заработал его Фицуильям, скорее всего, после получения титула.

Чем старше проклятие, тем большую силу оно набирает. «Свеженькое» проклятие, еще не успевшее окончательно врасти в ауру, будет послабее, так что шансы от него избавиться или хотя бы обойти неплохие.

— Значит, вы скоро уедете? — тихо проговорил Донал, глядя в пол.

— Вряд ли скоро, — пожалала плечами я с деланным безразличием. — Я ведь еще даже не начинала эксперименты. Вы бы хотели, чтобы я осталась?

И осеклась, поняв, как это прозвучало. Я ничего такого не имела в виду, но... пожалуй, самое время кое-что прояснить.

Донал вскинул на меня серые глаза и криво усмехнулся.

— Женой милорда? Нет.

У меня пересохло во рту, и даже долготерпеливая Марка протестующе мяукнула, когда я прижала ее слишком крепко, к! — Тогда кем? Вряд ли миссис Скотт позовет меня после в гости, — хмыкнула я, украдкой переведев дух.

Ну же!..

Он сжал губы, сверля меня взглядом, затем отвернулся и проговорил глухо:

— Вы позволите помочь вам, миледи?

— В чем? — моргнула я от резкой смены темы и неожиданно острого разочарования.

Донал пожал широкими плечами.

— Я неплохо управляюсь с лабораторным оборудованием. Вам ведь нужен кто-то на подхвате?

Что же, этого следовало ожидать. Барон наверняка хочет держать руку на пульсе, Донал вполне может и помогать, и шпионить.

— Я не могу вам доверять, — сказала я предельно откровенно. — Поэтому мы не сработаемся. Извините.

Донал нахмурился, резче обозначились складки у губ.

— Миледи, я...

Что же, расставим все точки над «и».

— Это ведь вы подкинули Скоттам идею использовать меня? — перебила я резко. Он чуть заметно вздрогнул, и я продолжила увереннее: — Вы интересуетесь наукой. Вас не смутило упоминание об искусственном оплодотворении, хотя большинство людей эта идея ужаснула бы. И вы читали мои статьи.

Кто же еще? В научные познания свекрови, не говоря уж о ее дочках, не верилось. Фицуильяма же занимала исключительно практика.

— Каюсь. Читал.

Хотелось схватить его за грудки и хорошенько встряхнуть.

— Значит, я угадала? Это был ваш план?

Серые глаза Донала походили на тусклое олово.

— Да. Передо мной поставили задачу. Я не мог отказаться.

— Ну разумеется, — разозлившись, я хлопнула ладонью по подлокотнику. — Не могли. Кстати, почему вы решили, что это сработает?

— Предположил. — Он ронял слова, едва разжимая узкие губы. — Отец вашей сестры Ирэн тоже проклят. Других детей у него не было и нет, зато ваша мать Люсиль Саттон забеременела сразу. К тому же ваши исследования явно строились на практическом опыте, это очевидно.

Я с досадой поморщилась и махнула рукой.

— Зря я об этом написала.

— Зря, — согласился он, поднимаясь. — Мне нужно идти, миледи. Жаль, что вы не пожелали принять мою помощь. Желаю вам удачи.

Он отвесил церемонный поклон и ушел, даже не обернувшись.

Я уткнулась носом в мягкий бок Марки и прикрыла глаза. Вот и поговорили.

Остаток дня прошел в хлопотах. В Западной башне давно никто не жил, так что работы хватило всем. Слуги суетились, обустривая мало-мальски сносный быт, кошки путались у них под ногами, я же забилась под самую крышу и упоенно распаковывала лабораторию.

По счастью, меня почти не дергали. Старательная Бетти успевала везде: шикнуть на лакеев, которые ругались, втаскивая мебель по крутой лестнице; упаковать и развесить на новом месте платья; притащить мне обед, а после и ужин... Бесценная девушка. Придется, видимо, забирать ее с собой. В конце концов, Ирэн давно зашивается с домашним хозяйством, а одну горничную мы уж как-нибудь потянем. Нельзя же оставить Бетти здесь, свекровь ее с потрохами сожрет, стоит мне лишь ступить за порог.

Донал растворился где-то в коридорах замка, как хлорид натрия в чистой воде, и носа не казал в старую башню.

Я с досадой мотнула головой, поняв, что ищу его глазами. Вовсе я не скучаю, глупости какие! Однако вытяжка так и осталась несмонтированной, без центрифуги не обойтись, и холодильный шкаф очень нужен, не бегать же десять раз на дню в подвал!

С теоретической частью исследования я закончила, самое время браться за практическую. Простейшие исследования можно провести и без электроприборов, а вот дальше... Лакеи в электричестве не соображали, так что придется либо ловить Донала (вот уж кто полон талантов), либо приглашать мастеров из города.

К вечеру я валилась с ног, зато башня обрела жилой вид. Выгнав кошек из лаборатории (нечего ронять пробирки!), я сварила себе на спиртовке кофе и уселась на широкий подоконник. Стены в башне толстые, больше метра, рассчитаны на осаду, так что устроилась я с комфортом, еще и подушку подложила.

Заходящее солнце освещало замок оранжево-золотыми лупами, придавая ему мирный и нарядный вид, зеленые холмы окрест радовали глаз. В пальцах плавился кусочек шоколада, кофе на языке приятно горчил, смывая усталость и сомнения.

Моя мечта — лаборатория, оснащенная по последнему слову техники, — наконец воплотилась, но отчего-то вовсе не хотелось прыгать до потолка.

Замок жил своей жизнью. Деловито бегали по двору слуги, откуда-то пахло тушеной капустой и жареным мясом, в отдалении недовольно фыркали мотором автомобиль. Я была чужой и ненужной в этой суете, как реактив, который вместо бурной реакции выпадает в слабо растворимый осадок. Можно, конечно, прогнать его через центрифугу, но зачем?

Кому я здесь нужна? Фицуильям по-прежнему любит свою Николь. Хелен видит во мне только источник сведений о своем кумире, Джорджина — свежие уши для романтических историй. О свекрови и говорить нечего, для нее я лишь инкубатор на ножках. Донал... Старый верный служака. И с чего я решила, что значу для него больше, чем средство спасения Скоттов? Он ведь даже не пытался оправдаться, отговорился приказом, мол, с него лично взятки гладки.

Что же, эксперимент с браком не удался. Видимо, не гожусь я для такого, займусь лучше наукой.

Часть третья

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Несмотря на усталость, я засиделась допоздна. Наконец отложила бумаги, с наслаждением потянулась и потеряла усталые глаза. Тусклого света керосиновой лампы худо-бедно хватало, чтобы разобрать написанное, но усилий на это уходило немало. Кровь из носу нужно нормальное освещение!

Зевнув, я убрала записи и встала из-за рабочего стола. Прихватив лампу, принялась осторожно спускаться по лестнице. Выщербленные ступеньки могли легко уйти из-под ног, а свались я вниз — костей не соберу. Нет уж, не хочу радовать своего незадачливого убийцу.

В башне было три этажа, соединенных узкой винтовой лестницей. Под самой крышей теперь располагалась лаборатория, ванную комнату и крошечную кухоньку обустроили внизу, а на втором этаже размещалась спальня. Усилиями Бетти там стало уютно: возле узкого окна, обрамленного золотисто-оранжевыми гардинами, поставили два кресла с мягкими желтыми пледами. На изящном журнальном столике высилась стопочка книг. На подоконнике выстроился ряд горшочков с фиалками. Застеленная светло-абрикосовым покрывалом кровать так и манила, а пушистый желтый ковер ласкал босые ноги. Спальня казалась залитой светом, хотя солнце сюда заглядывало редко.

Основной же элемент уюта — кошки — чувствовали себя тут как дома. Трехцветная Марка привольно развалилась на постели и только вяло шевельнула ухом. Черная Лиса изображала еще одну подушку в кресле и даже головы не подняла, когда я походя провела ладонью по ее пушистой спине.

Я из последних сил ополоснулась, переоделась в халат и уже собиралась залезть под одеяло, когда вспомнила, что не заперла дверь. Забыла обо всем на свете, с головой погрузившись в обустройство лаборатории.

Еще минут десять потребовалось, чтобы найти, куда Бетти задевала артефактный замок. Надо же было спрятать его в шкапулке с ножницами, пилочками, булавками и прочей ерундой!

Тихо ругаясь, я почти на ощупь спустилась вниз. Толкнула дверь — и она, тихо скрипнув, отворилась в темный коридор. Так и есть, даже на обычный засов не закрылась! Вот же...

Додумать я не успела, наткнувшись взглядом на высокую черную фигуру. Мужчина шагнул ко мне — и я попятилась, придушенно пискнув. Убийца?!

— Миледи? — спросил он знакомым хриловатым голосом. — Вам что-нибудь нужно?

Да чтоб его! Прислонившись к косяку, я с трудом перевела дух. Сердце колотилось так, будто я только что пробежала стометровку.

— Донал! — выдохнула я, с испугу забыв, что собиралась звать его «мистером Грином». — Нельзя так пугать! Что вы тут делаете?

Не извиняться же он пришел на ночь глядя. И за что, собственно? Он ведь уверен в своей правоте. Скоттов спас, меня богатым и знатным мужем обеспечил... благодетель.

Остановившись на почтительном расстоянии, Донал склонил темноволосую голову.

— Простите, миледи, я не хотел вас напугать, — сказал он ровно. — Милорд приказал охранять вас днем и ночью.

Он держался так ровно, так отстраненно, словно ничего не было. Словно мне примерещилось его завуалированное признание. Или он пытался меня — и заодно себя — в этом убедить?

Я зябко поежилась, когда по ногам потянуло сквозняком. Во мне смешались злость — опять приказ! — и облегчение. Донал уже не раз меня спасал, так что под его присмотром можно спать спокойно.

Только как, собственно, он намерен меня охранять?

— Вы что же, собираетесь дежурить у моей постели?

Эта мысль тревожила. Будоражила.

Донал покачал головой. В неверном свете лампы тени плясали по его лицу, то скидывая ему десяток лет, то старя на добрых два.

— Я останусь снаружи, с вашего позволения.

В холодном коридоре у подножия башни? Ночь напролет? Да он свихнулся! И Фицуильям слетел с катушек, если отдал такой приказ.

— Сутки? Двое? Неделю? Спать вы когда будете?

— Я могу долго обходиться без сна, — сообщил он безучастно. — Не беспокойтесь обо мне, миледи. Я недостоин ваших переживаний.

Злиться изволите, мистер Донал Грин? Ерничать? Что же, хотите безвылазно тут торчать — без еды, воды и возможности отлучиться в туалет — извольте.

Может, хоть подушку и одеяло вынести? Замерзнет ведь, упрямец. Впрочем, пусть его — я ему не заботливая маменька.

— Тогда доброй ночи, мистер Грин, — пожелала я сухо.

И уже из-за двери услышала:

— Доброй ночи... миледи.

Разбудил меня грохот. С испугу я чуть не навернулась с постели, зачем-то схватила подушку — сомнительное оружие, прямо скажем, — и наконец продрала глаза. В спальне было безлюдно и тихо, даже кошки попрятались... Хотя это-то как раз и неудивительно, иначе схлопотали бы тапкой. Вот же поганки, только-только рассвело!

С лестницы послышался шум, и в комнату ввалился растрепанный Донал. Быстро осмотрелся и чуть слышно перевел дух, обнаружив на полу у окна осколки горшка. Донал расслабил окаменевшие плечи, разжал кулаки. Интересно, кстати, оружие-то у него есть? Или он собирался кинуться на убийцу с голыми руками?

Донал скользнул взглядом по мне и, поспешно отвернувшись, попятился.

— Простите за беспокойство, миледи. Я пойду.

— Пойдите! — спешно окликнула я, прикрывая одеялом плечи и грудь. — Как вы тут оказались?

Помнится, единственную дверь я заперла на артефактный замок, совладать с которым не удалось бы даже прожженному взломщику.

Донал чуть заметно пожал плечами.

— Потайной ход, миледи.

— Пойдите, — встревожилась я, мигом проснувшись окончательно. — Хотите сказать, что вы караулите внизу, хотя знаете, что сюда можно войти другим путем?!

Вдруг убийца проберется в спальню и приложит меня по голове... да хоть тем же горшком?

Донал дернул щекой. В слабом, еле брезжащем утреннем свете он выглядел усталым и осунувшимся, но носом не шмыгал и на ходу не спотыкался. В самом деле крепкий орешек.

— Не переживайте, — ответил он, нетерпеливо переступив на месте, как застоявшийся конь. — Без меня его не открыть.

Донал был одет в черные свитер и брюки, на которых не видно ни пыли, ни побелки. Неужели лично прибирается в потайных коридорах, чтобы не испачкаться в случае чего? Что-то тут не сходилось...

Вот только правду из него клещами не вытянешь. Состроил каменную мину и смотрит мимо.

— Так я могу идти, миледи?

Я кивнула, украдкой зевнув, и вспомнила:

— Мистер Грин, когда вы сможете заняться проводкой?

— Я уже все сделал, — перебил он, усмехнувшись. — Принимайте работу, миледи. Осталось только провести электричество сюда, я побоялся вас разбудить.

Как была — босиком и в одеяле — я кинулась в лабораторию. И уважительно присвистнула, обнаружив тихо урчащий холодильник и нормальные электрические лампы. Щелкнула тумблером вытяжки, и она негромко басовито загудела.

— Вы волшебник! — сказала я с чувством. — Вы что же, всю ночь тут работали?

Остановившись у входа, Донал привычно оперся плечом о косяк и скрестил руки на груди.

— Вы больше на меня не злитесь?

Я хмыкнула, разглядывая его лицо. Он улыбался, но взгляд — серьезный и строгий — выдавал нешуточное напряжение, хоть электроприборы подключаай.

Значит, это он так извинился? Что же, деятельное раскаяние, говорят, смягчает наказание. Мне определенно нравился такой подход. Лучше сделать что-то полезное, чем трепать языком, присыпая свою вину банальными извинениями.

Я отвернулась, чтобы включить небольшую электроплиту. Еще вчера ее тут не было.

— Хотите кофе?

Пауза и спокойное:

— Не откажусь.

— Тогда устраивайтесь, — махнула рукой я. — Сейчас сварю. Стоять у плиты, кутаясь в одеяло, было неудобно, оно норовило съехать или угодить краем на раскаленную конфорку. Но светить перед Доналом обнаженными плечами было неловко, а одеваться — откровенно лень. Не хотелось нарушать волшебство момента. Сегодня Донал не смотрел букой, даже улыбался, а я... я по достоинству оценила его желание порадовать меня с утра пораньше.

Умудрился ведь даже не разбудить! Талант.

— Держите. — Я протянула нежданному гостю кружку с крепчайшим кофе и устроилась прямо на подоконнике. — Только у меня нет сливок.

Донал вдруг заговорщицки мне подмигнул и полез в карман.

— Зато у меня есть печенье.

Он развернул сверток, одуряюще пахнущий песочным тестом, ванилью и изюмом, и положил его рядом со мной. Сам же остался стоять напротив.

— Только не говорите, что вы сами это пекли, — попросила я, взяв одну штучку. — Я не выдержу такого избытка ваших талантов.

— Не переживайте, — усмехнулся он и хрустнул печеньем, запив его большим глотком кофе. — Готовить я не умею.

— Какое облегчение, — пробормотала я, покачивая босыми ступнями.

— Я принесу вам туфли, — нахмурившись, предложил Донал, отставляя чашку.

— Бросьте, — отмахнулась я, понемногу отпивая горячий Кофе. — Я совсем не замерзла.

Мы молча пили кофе. Донал разглядывал меня исподтишка, притворяясь, будто любит вид из окна. Я покосилась через плечо на хмурую равнину, затянутую туманом, и спросила:

— Вы, случаем, не в курсе планов Фицуильяма на сегодня?

Он слегка напрягся.

— Милорд уехал еще вчера, обещал вернуться завтра к ужину.

— Ясно... — досадливо поморщившись, я допила кофе.

— Если не секрет, зачем он вам понадобился? — осведомился Донал разом похолодевшим тоном.

— Да на опыты. — Я отставила чашку, надеясь, что не смахну ее ненароком, и взяла еще одно печенье.

Донал подавился кофе.

— Кхм?

— А? — наконец до меня дошло, как это прозвучало. — Кое-какие образцы у него нужно взять.

Донал понимающе кивнул, но допытываться не стал и в помощники больше не навязывался.

Опыты я планировала элементарные, так что справлюсь одна. Для начала — проверить под микроскопом подвижность сперматозоидов и выяснить, кто победит — проклятие или благословение. Для этого нужно взять мою яйцеклетку (благо я прихватила из домашней лаборатории достаточный запас) и сперму Фицуильяма, поместить в условия, близкие к реальным, и посмотреть, побегут ли на яйцеклетку заколдованные сперматозоиды.

Однако Фицуильям не оставил мне материал для исследований, так что пока возьмусь за анализы крови. Надо же с чего-то начинать.

— Удачи вам, — тепло пожелал Донал, отставляя опустевшую чашку. — Спасибо за кофе.

Хм. Мне кажется или он перестал назойливо тыкать мне под нос вечное свое «миледи»?

— Донал! — окликнула я, когда он уже начал спускаться.

— Да? — отозвался он с запинкой и нехотя обернулся.

— Почему вы так, — я попыталась подобрать слово, но нужное все никак не находилось, — переменялись? Мне казалось, вы всерьез на меня разобиделись.

По лицу Донала пробежала тень.

— Вы ведь скоро уедете. Я понял, как мало у нас времени, не хотелось бы тратить его на глупые обиды. Простите, мне нужно идти.

Он исчез прежде, чем я подобрала достойный ответ.

— Мяу? — вопросительно мурлыкнула подкрававшаяся Марка и вспрыгнула на подоконник.

— Полное мяу, — согласилась я и тряхнула головой.

Ну, за работу!

Анализы крови я перепроверила трижды, но результаты не изменились. Оч-чень любопытно! У семейства Скоттов в шкафах столько скелетов, что удивительно, как туда помещается что-то еще. Интересно, Донал в курсе?

Стоило мне об этом подумать, как с лестницы вежливо постучали.

— Миледи, — позвал Донал громко. — Можно войти?

— Да, заходите. — Я оторвалась от микроскопа и потеряла затекшую шею.

В лабораторию впорхнула Бетти, опасливо поглядывая по сторонам. В руках она несла поднос, груженный разнообразной снедью. Куда мне столько?

Надо же, я так увлеклась, что не слышала дребезжания посуды и шагов Бетти. Начальник стражи передвигался бесшумно, а вот горничная цокала каблучками по каменному полу и громко, запыхавшись, дышала.

— С вашего позволения, миледи, я позавтракаю с вами, — официальным тоном объяснил Донал, мотнув подбородком в сторону изобилия на подносе. — Чтобы не отлучаться надолго.

— Конечно. — Я кивнула и посторонилась. — Бетти, накрывай тут.

— А... — Горничная хлопнула ресницами и прижала поднос к себе. — Вы не отравитесь, миледи?

И с испугом покосилась на заставленный пробирками и колбами стол.

— Не переживай, — хмыкнула я. — Ядов тут нет.

Хотя как сказать. Моя драгоценная свекровь — та еще змеища, мало ли, что там в составе ее крови?

Бетти мне явно не очень-то поверила, поскольку завтрак сервировала, то и дело вздрагивая. Со стороны моя лаборатория наверняка выглядела страшновато. Во-о-он на том старинном гобелене у рыцаря такой вид, будто ему что-то оттяпали без наркоза, и теперь бедняга разевал рот в беззвучном крике. Ни дать ни взять, жертва безумного ученого. Вместо пресс-папье я использовала побитый жизнью моргенштерн, а кукушка в часах из-за множества ремонтов стала выглядеть каким-то странным мутантом. Она вскочила аккурат в тот момент, когда Бетти закончила расставлять тарелки, и своим хриплым «ку-ку» перепугала бедняжку до трясучки.

— П-простите, миледи, — еле выговорила Бетти, собирая с пола оброненные салфетки. — Я...

Я отмахнулась, не слушая извинений.

— Ничего. Можешь идти.

— Да, миледи. — Она торопливо сделала книксен и умчалась, только каблучки по лестнице застучали.

— Присаживайтесь, — на правах хозяйки позвала я гостя. — Надеюсь, вас еда на лабораторном столе не испугает?

Донал хмыкнул и отодвинул мне стул.

— Кровь и трупы на мой аппетит не влияют.

Прозвучало так буднично, без малейшего ерничанья, что мне стало не по себе.

— Трупов обеспечить не могу, уж простите, — пошутила я натужно.

— Обойдусь, — ответил он серьезно. Лишь блеск в глазах выдавал иронию.

— Тогда приятного аппетита, — пожелала я и принялась за яичницу с ветчиной.

Донал, как всегда, методично и плотно заправлялся. Я тоже обнаружила, что успела здорово проголодаться, и умяла свою порцию в два счета. Так что некоторое время мы молча жевали.

— Как продвигаются ваши исследования? — осведомился он, утолив первый голод.

— Прекрасно, — усмехнулась я. — Кстати, вы предлагали помощь. Не передумали?

Он поднял на меня взгляд и сказал спокойно:

— Все что угодно.

Прозвучало очень серьезно, и я отвела глаза. Так странно. Он вроде бы не говорил ничего особенного, но в каждой фразе мне чудился намек. Или не чудился?

— Я всего лишь хочу кое-что узнать о Скоттах. Расскажите?

— Тайны рода я разглашать не могу, — предупредил он, откинувшись на спинку стула. — Об остальном спрашивайте.

— Не знаю, тайна это или нет, но вы как-то упоминали об артефакте крови. Это правда или семейная байка?

В ясных серых глазах Донала мелькнула тень. Теперь он смотрел на меня настороженно, даже положил обратно на блюдо уже взятый пирожок.

— Правда. Их даже два. Какой вас интересует?

— Вы еще спрашиваете! Оба, конечно. Первый определяет родство со Скоттами, а второй?..

— У вас глаза горят, как у кошки, — хмыкнув, заметил Донал и потянулся за добавкой яичницы. — Второй артефакт служит для закрепления родовых черт. Вы ведь обратили внимание, что все Скотты — светлоглазые блондины?

— Конечно, — согласилась я, напряженно размышляя, и принялась машинально катать в пальцах шарик из хлебного мякиша. — Я-то удивлялась, как может рецессивный признак проявляться с таким постоянством... Но ведь такой артефакт — огромная редкость!

— Вещь старинная и очень ценная, — согласился Донал неохотно, перестав жевать. — Теперь таких не делают. Аннабель, мать первого барона Мэлоуэна, была сильной магичкой, она и создала родовые артефакты.

Я кивнула, затем спохватилась.

— Пойдите. Вы ведь говорили, что у Скоттов не рождаются маги!

— С тех пор — нет, — ответил Донал отчего-то хмуро. — Аннабель тогда выгорела, и больше дар в семью не возвращался. Через столько поколений уже и не вернется, разве что очередной барон женится на магичке.

Надо же, как она хотела закрепить в потомках эти рецессивные признаки! Даже магией своей пожертвовала, а это немалая цена.

Я принялась рассуждать вслух:

— Нестойкая мутация? Или эта Аннабель замахнулась на что-то не по силам, и магические каналы в ауре перегорели?

Донал дернул щекой и, вдруг утратив аппетит, отложила вилку.

— Я в этом не разбираюсь, миледи. Боюсь, не смогу удовлетворить ваше любопытство.

Опять это «миледи»! Что на этот раз?

Спрашивать я не стала, не хватало снова поссориться. Видно же, что эта тема задевает его за живое.

— Можно увидеть эти артефакты? — Я даже дыхание затаила, ожидая ответа.

Интересно же! Умение магически влиять на геном давно утеряно. Мы худо-бедно освоили селекцию, но действуем по большей части наобум. Древние роды магов давно истреблены или перебрались в другие миры, так что многие знания предков нам недоступны. Познакомиться бы с этой Аннабель, а лучше — провести несколько тестов... Хм, куда-то меня занесло.

— Роза Скоттов, артефакт, закрепляющий родовые признаки, хранится в сейфе у милорда, — проинформировал Донал отчего-то сухо. — По традиции все невесты в роду Скоттов надевают его в первую брачную ночь. Гроб могу показать, если хотите.

— Чей гроб? — оторопела я, рефлекторно сжав в кулаке хлебный шарик.

Никак не могу избавиться от дурной привычки в задумчивости крутить в руках что попало.

Он пожал плечами.

— Легендарного прародителя, конечно. — Он посмотрел на мое лицо и уточнил зачем-то: — В крышку саркофага вделан амулет, определяющий кровь Скоттов.

— Удобно, — пробормотала я, отряхнув руки от крошек. — Самозванца там и похоронят.

Донал усмехнулся, сделал глоток воды.

— Именно так. Причем лично предки Скоттов его туда и загонят, — и ответил на мой недоуменный взгляд: — В замке много призраков. Вы не знали?

— Слышала, — созналась я, припомнив, как Фицуильям о них рассказывал. Джорджина тоже, помнится, что-то такое упоминала. — Барон обещал при случае нас познакомить, не знаю, в

шутку или всерьез.

— Какие уж тут шутки. — Донал развел руками. — Их там десятка два, хотя обычно они не рвутся общаться с живыми. Для вас, думаю, сделают исключение.

— Почему? — всерьез заинтересовалась я. — Я ведь даже к роду отношусь чисто формально.

— Вы можете снять проклятие, — объяснил он быстро.

Почему-то мне показалось, что это ложь. Ну и ладно, не хочет говорить — пусть его.

Я предпочла сменить тему, точнее, вернуться к главной. Сам того не зная, Донал предоставил мне отличный повод кое о чем полюбопытствовать.

— В каких случаях прибегают к этому артефакту? Всех детей проверяют или выборочно?

Он прищурился.

— Хотите узнать, проверяли ли Фицуильяма? Нет, не проверяли.

Зря я надеялась, что все окажется просто.

— Как так?

Донал поднялся и отошел к окну.

— Запас магии не бесконечен. Проверяют только мальчиков, потенциальных носителей титула. Фицуильям же настолько дальний родственник, что его не числили среди наследников. Насмешка судьбы.

Вкупе с результатами сделанных мною анализов крови картина получалась нерадостной. Похоже, вылетит Фицуильям из замка со свистом, стоит только Адаму кое о чем догадаться.

— Можно получить образцы тканей прежних баронов? — выпалила я, не успев подумать.

Брови Донала поползли вверх.

— Зачем?

Слово не воробей. Пришлось, вздохнув, пояснить свою мысль:

— Что, если Адам Скотт потребует проверки?

— Какой смысл? Адама проверили еще в младенчестве. Его мать... не отличалась высокой нравственностью, так что ее муж хотел быть уверен в отцовстве.

Я с досадой поморщилась. Он не понял или сделал вид?

— Не Адама — Фицуильяма.

— Фицуильям — Скотт, — заявил Донал с такой глубокой убежденностью, что я заколебалась. В конце концов, результаты анализов крови семейки Скоттов можно трактовать двояко.

— Уверены, что артефакт это подтвердит? Послушайте, Адаму ведь не с руки судиться из-за невозможности Фицуильяма иметь наследников. Это долго, дорого и с непредсказуемым результатом. Полагаю, у Адама есть туз в рукаве, а может, и не один.

Донал нахмурился и принялся расхаживать из угла в угол.

— Вообще-то я об этом думал, — признался он нехотя. — Адам может упираться на то, что Фицуильям якобы избегает проверки. Поэтому я посоветовал милорду пройти ее, заручившись свидетельством нескольких уважаемых людей. Между нами, он как раз за свидетелями и уехал.

— Разумно, — признала я. — Но что, если он... провалится?

Тогда не будет смысла представлять суду результаты обычной, немагической генетической экспертизы — даже если предположить, что они будут в пользу Фицуильяма. «Свидетельству» родового артефакта все равно поверят больше. Эксперта ведь можно обмануть, запугать, подкупить, в конце концов!

— Невозможно! — отрезал Донал. — Не могу посвятить вас в детали, вам придется поверить мне на слово.

— Можно ли артефакт испортить? — спросила я севшим от волнения голосом.

Донал замер на ходу. Медленно обернулся.

— Не знаю, — сознался он. — Думаете?..

— Да! — решительно кивнула я. — Отличная возможность для Адама.

— Вынести артефакт из замка нельзя. Значит, ему придется как-то пробраться внутрь. Если у него есть сообщник, особого труда это не составит.

— Причем действовать ему нужно сегодня. Завтра уже будет поздно.

Донал медленно покачал головой.

— Адам может об этом не знать. Милорд не трубил о своих планах.

— Значит, нужно охранять артефакт.

— Наоборот! — Донал вдруг рассмеялся. — Можно поймать Адама на горячем... Хотя нет. Я не могу оставить вас без охраны. Вдруг убийца воспользуется случаем?

По спине пробежали мурашки. Действительно, почему у Адама не могут быть планы «А» и «Б»? Можно ведь оба применить, для верности — и артефакт испортить, и от потенциальной матери наследника избавиться.

Я быстро оценила перспективы. Нанести упреждающий удар, после которого любые аргументы Адама будут смотреться вялыми попытками оправдаться? Определенно стоит.

— Могу пойти с вами, — предложила я. — И под охраной буду, и свидетелем выступить смогу.

— Уверены?

Под испытующим взглядом Донала я лишь пожала плечами.

— Вполне. В конце концов, мне нужно собрать образцы для докторской.

— Уважительная причина, — одобрил Донал, чуть заметно улыбаясь. — Тогда до вечера. Обедать я буду в столовой, заодно сболтну о планах милорда. Уверен, Адаму о них шепнут. До встречи. И спасибо вам.

Стоило мне на мгновение отвернуться, как он исчез, будто растворившись в толще каменных стен.

Донал вернулся к ужину. Только Бетти накрыла на стол, как начальник стражи тут как тут: стоит у окна в излюбленной позе, смотрит пристально, хмурит темные брови.

Горничная покосилась на него из-под длинных ресниц, но пикнуть не посмела. Подумаешь, жена барона завтракает и ужинает с начальником его охраны. И не такое случается, главное, чтобы муж рогами за потолок не цеплялся.

За размышлениями я успела сжевать половину своей порции, даже не почувствовав вкуса.

— Не передумали? — осведомился Донал, заметив, что я вынырнула из своих дум.

— Нет, — заверила я и уточнила с любопытством: — Что бы вы делали, если бы я струсила?

— Остался с вами, — ответил он тут же, словно это само собой разумеется. — Я не могу допустить, чтобы вы пострадали.

Я почувствовала себя польщенной, однако поверила не до конца. Донал был слишком предан Скоттам, чтобы без раздумий пренебречь их интересами. В конце концов, прямая опасность мне не грозила, можно ведь запереться в башне и пересидеть тихонько, как мышь под венником.

Он правильно понял мои сомнения. Улыбнулся криво.

— Адама в случае чего шуганули бы призраки.

Я замерла, не донеся до рта вилку.

— Призраки охраняют хозяев замка?

— Конечно, — кивнул Донал и взглянул на часы. — Поговорим позже, времени мало.

— Как скажете, — согласилась я, хотя изнывала от любопытства.

— И еще... Наденьте что-нибудь потеплее, в склепе холодно.

Почему-то я думала, что в святая святых придется пробираться тайными ходами, плутать по замку и прятаться от любопытных глаз. На деле все оказалось куда проще. Из коридора, ведущего к Западной башне, мы свернули в неприметную дверцу и попали в анфиладу пустующих комнат.

В этом крыле царили тлен и запустение. Мебель была погребена под пыльными сугробами чехлов, ковры и шторы свернуты и свалены по углам, кое-где от светильников остались лишь крюки.

— Почему тут все заброшено? — спросила я, чуть не запнувшись о свернутый в рулон ковер.

Донал шел на два шага впереди, освещая нам путь керосиновой лампой.

— Дорого, — пояснил он коротко, перешагнув через обломки стула.

Я понимающе кивнула. Чтобы содержать в порядке такую домину, как замок Мэлоуэн, требовалась целая орава слуг. Еще ремонт, замена пришедшей в негодность обстановки, отопление, электричество или, на худой конец, свечи... Скоттов осталось так мало, что востребована в лучшем случае десятая часть хозяйских покоев. Неудивительно, что барон предпочел пока закрыть лишние комнаты.

— Надеюсь, вы не боитесь мышей? — эдак ненавязчиво поинтересовался Донал.

— Не беспокойтесь, — хмыкнув, я обошла кучку свежего мышинового помета. — Визжать и падать в обморок, как полагается приличной баронессе, я не стану. Или вы думаете, я только на фасоли опыты ставила?

Обернувшись на ходу, он сверкнул улыбкой.

— Вы не перестаете меня поражать. Прошу.

И с поклоном распахнул передо мной обклеенную шелковыми обоями дверь, почти неотличимую среди таких же нежно-желтых стальных панелей. Все-таки красивый замок, очень жаль, что он приходит в упадок.

За дверью оказалась лестница вниз. Конец ее терялся во мраке, который не мог разогнать слабый свет керосиновой лампы. Каменные ступени были влажными и скользкими, поэтому спускаться приходилось медленно и осторожно. Перил не было, а касаться склизких от сырости и времени стен я брезговала... за что чуть не поплатилась.

Уже в самом конце, когда оставалось всего пять или шесть ступенек, я немного расслабилась, уверовав в окончание мучительно пути, и неосмотрительно шагнула, почти не глядя. Нога скользнула, и я, вскрикнув, завалилась спиной назад. В голове успело промелькнуть обреченное: «Убьюсь!» — когда раздался звон и пламя, зашипев, погасло. Меня у самых ступенек подхватили сильные руки и вздернули вверх.

— Грета, вы не ушиблись? — выдохнул Донал мне на ухо.

В темноте и с перепугу чувства обострились так, что я отчетливо слышала, как гулко колотится его сердце.

Стоило навернуться с лестницы, чтобы этот упрямец наконец назвал меня по имени!

— Я в порядке, — заверила я почему-то севшим голосом. — Только мы, кажется, остались без

света.

— Подсветить? — заботливо предложил незнакомый голос, и вокруг вспыхнуло призрачное сине-серебристое мерцание. В нем худо-бедно можно было различить ступеньки, влажно блестящие камни стен... и полупрозрачную фигуру, которая разглядывала нас с живым любопытством.

Призрак!

— Рэм, какого... — начал Донал резко. Вздыхнул и закончил тоном ниже: — Сгинь, ты пугаешь леди!

Я только фыркнула. Эка невидаль — призрак! Нельзя вырасти в одном доме с моей сестрицей Джули и не повидать их в избытке.

— Разве? — флегматично осведомился призрак и поклонился, бряцнув такими же призрачными доспехами: — Рэмуальд Скотт, пятый барон Мэлоуэн, к вашим услугам, леди.

— Грета Саттон, — представилась я в ответ, сознательно назвавшись девичьей фамилией.

— Разве вы не жена юного Фицуильяма? — удивился призрачный рыцарь, склонив к плечу непокрытую темноволосую голову. Шлем и меч он держал в руках. Еще один меч — точнее, его украшенная самоцветами рукоять — торчал из полупрозрачной груди.

Я хмыкнула. «Юного», надо же! Интересно, что на это сказал бы сам Фицуильям? Хотя, может, он предпочел бы помалкивать перед лицом грозного предка.

— Формально — да, — признала я. — Но мы собираемся развестись.

Призрак покачал головой и спросил сокрушенно:

— Куда катится мир? Хотя где один теряет, там другой находит.

— Тебе не кажется, Рэм, что сейчас не время для философских споров? — сухо поинтересовался Донал, не выпуская меня из объятий.

Тот хмыкнул.

— Как скажешь, старина. Вас проводить?

— Дай лучше шлем, — попросил Донал и протянул руку.

— Да бога ради, — согласился призрак.

Шмякнул свою ношу в подставленную ладонь и рыбкой нырнул в стену.

Призрачный шлем остался у Донала, даже загорелся ярче.

— Как? — выдохнула я, пытаюсь обернуться и посмотреть ему в лицо.

Хотя чего я так удивляюсь? Странностей и так набралось предостаточно, эта хорошо ложится в общую канву.

Донал обернуться не позволил. Прижал меня к себе крепче, уткнулся подбородком в макушку.

— Это долгий разговор. Я расскажу, но немного позже. Давно надо было, — глухо пообещал он.

— Как хотите, — дернула плечом я и спросила с досадой: — Интересно, есть в замке хоть кто-то без пары-тройки скелетов в шкафу?!

— Начиная с вас? — хмыкнул Донал, отстраняясь с явной неохотой. — Пойдемте, Адам может появиться в любой момент.

Очередная дверь противно заскрипела, отворяясь от пинка Донала. За ней открылся большой зал.

Я вертела головой по сторонам, разглядывая это странное место. Вдоль стен стояли постаменты с каменными гробами (я насчитала шестнадцать), а семнадцатый возвышался в центре, вписанный в выложенную розовыми камнями пентаграмму. Серые камни стен

потемнели от времени и пятен лишайников, зато булыжники под ногами оказались неожиданно чистыми и сухими. Этот феномен я отметила проходя, во все глаза разглядывая центральный саркофаг, оплетенный розовым кустом. Муляж? Искусная подделка? Да нет же! Весь склеп пропах одуряющим запахом розы, а вон качнулась цветочная головка от сквозняка. Как же она умудряется здесь расти?!

Усыпанный бутонами куст словно купался в льющемся сверху свете, впившись корнями прямо в гранитный пол.

Я задрала голову, но каменный свод казался цельным.

— Хитрая система зеркал, — объяснил Донал странным тоном. Он стоял между мной и центральным саркофагом, будто заслоняя меня от невидимой угрозы. — И немного магии.

На розу он смотрел, как на смердящий труп на обеденном столе.

— Зачем? — выдохнула я и обвела рукой склеп, не находя слов.

Донал обернулся. Уже ненужный призрачный шлем он держал под мышкой.

— Аннабель — мстительная тварь. Вцепилась намертво.

Я помотала головой.

— Не понимаю.

— Идите сюда, — позвал он и, когда я подошла ближе, бережно взял меня за руку и повел к саркофагу. — Взгляните.

Сначала мне показалось, что это обломанная ветка розового куста, который при нашем приближении стал беспокойно шевелить листьями, словно под неощутимым — призрачным? — ветром. Почему-то от этого меня пробрал озноб.

Присмотревшись, я поняла, что бутон на саркофаге сделан из драгоценных камней и металла.

— Искусная работа, — похвалила я, чуть дыша. Хотелось коснуться шипов, провести пальцем по бархатистым на вид лепесткам, но я не осмелилась. — Это и есть артефакт?

— Он самый. — Донал, кажется, хотел сплюнуть и удержался в последний момент. — Вы правы, работа... искусная.

— Вы говорите загадками, — заметила я, оглядываясь по сторонам. — Кстати, где тут можно укрыться, чтобы Адам не заметил нас с ходу? Еще мне нужно взять образцы.

— Вы, как всегда, практичны, — хмыкнул Донал, почему-то несколько успокоившись. — О приближении Адама нас предупредят, так что нет нужды прятаться заранее. Да тут, собственно, и негде. Разве что в саркофаг лечь.

Не то чтобы я боялась покойников, но обниматься с ними не тянуло. К тому же антисанитария...

Донал как-то невесело усмехнулся и постучал костяшками по крышке каменного гроба.

— Не беспокойтесь, он пуст. Какие образцы вам нужны?

Этот вопрос я обдумала заранее, поэтому ответила без запинки:

— Предыдущего барона, а также ближайшего прямого предка Фицуильяма.

Донал покачал головой.

— С последним туго. Фицуильям — потомок младшей ветви, от старшей она отделилась четыре поколения назад. Здесь лежат только бароны, Скоттов из младших ветвей хоронили на кладбище возле деревенской церкви.

— Я догадалась. — Я мотнула головой на ровные ряды гробов. — Маловато для рода за триста лет.

Лицо Донала отчего-то закаменело, а смотрел он на прекрасный розовый куст.

— Скотты живут долго. Их мало что может пронять, даже мор всегда обходит замок стороной. Но...

— Но? — поторопила я, когда он умолк. Слышалось мне что-то нехорошее в этом тяжелом каменном молчании.

— Давайте сначала разберемся с образцами, — предложил Донал, глубоко вздохнув. — Шестнадцатый барон Мэлоуэн лежит тут.

Он по-свойски хлопнул ладонью по ближайшему слева саркофагу.

— Откройте, пожалуйста, крышку, — попросила я, внутренне готовясь к неприглядному зрелищу.

Донал, пожав плечами, легко сдвинул каменную глыбу, и я заглянула в последнее пристанище шестнадцатого барона. Удивительно, тело усохло, но не распалось и не было попорчено червями. Руки покойника были сложены на груди, а в пальцах он держал розовый бутон — по виду совершенно свежий.

М-да. О соскобах с кости тут говорить не приходится, для этого придется что-нибудь бедолаге отчеккрыжить. Впрочем, меня и волосок вполне устроит.

Я только протянула руку за трофеем, вторую не глядя сунув в сумку — за пузырьком с притертой крышкой, как ворчливый голос попенял:

— Где ваше воспитание, молодая леди? Нас даже не представили, а вы уже такие вольности себе позволяете!

Резко обернувшись, я обнаружила еще одного призрака, укоризненно качающего головой. Покойный барон был очень худ, стар и неимоверно желчен.

Призрак метнулся вперед и завис над лежащим в гробу телом.

— Простите, вы?.. — начала я, уже догадываясь, кто это может быть.

— Ричард Скотт, шестнадцатый барон Мэлоуэн, — представил его Донал, запросто облокотившись о саркофаг.

— Брось, Ричард, — засмеялся мой недавний знакомец Рэм, выныривая из стены. — Когда тебе еще такая красавица внимание окажет, а?

И залихватски мне подмигнул.

Лицо шестнадцатого барона стало еще кислее.

— Я верен своей Доротее, Рэм. Хотя тебе это, наверное, трудно уразуметь.

Если он надеялся смутить этим предка, то просчитался. Тот склонил голову к плечу и поддразнил:

— Как насчет «пока смерть не разлучит нас»? Ты уже третий год покойник, Ричард, пора бы привыкнуть, что со своей Доротеей больше не встретишься.

— Почему? — не выдержала я. — Она не приходит к вам на могилу?

Ричард насупился еще сильнее, а Рэм неожиданно тяжело вздохнул.

— Она лет тридцать как умерла и давно упокоилась. Нам это не грозит.

— Почему? — заинтересовалась я, чуя за всем этим очередную семейную тайну.

— Да все мы, бароны, призраками становимся, — махнул рукой Рэм и, подплыв к саркофагу, завис напротив меня.

— У всего своя цена, — проронил непонятную фразу Донал, который до сих пор не вмешивался в призрачные разборки. — Ричард, позволь леди взять волосок с твоей головы. Клянусь, это ради твоего потомка.

— Седьмая вода на киселе, а не потомок, — пробурчал тот уже без особого гнева.

Предыдущий барон Мэлоуэн выглядел... опечаленным. Словно больше всего его огорчала разлука с покойной женой. Дети Ричарда Скотта ушли вслед за матерью, оставив безутешного мужа и отца их оплакивать.

— Прошу вас, — сказала я серьезно, поймав взгляд выцветших глаз старика. — Это нужно, чтобы снять проклятие с Фицуильяма.

Он колебался. Мгновение, другое... потом отступил в сторону.

— Бери, ладно уж. Для такого не жалко.

— Спасибо, сэр.

Я быстренько, пока он не передумал, вырвала седой волос и упрятала его в баночку.

Рэм подцепил потомка (хотя Ричард выглядел втрое его старше) под локоть.

— Ладно, давай пока посторожим. Не будем мешать.

Напоследок отвесив нам с Доналом общий поклон, призрачный рыцарь уволок куда-то печального старика.

— Жаль его, — тихо сказала я, проводив взглядом странную парочку. — Кстати, а почему саркофагов семнадцать? Покойных баронов должно быть только шестнадцать, ведь семнадцатый — Фицуильям.

— Не беспокойтесь, — дернул щекой Донал и легко, как пушинку, вернул назад тяжеленную крышку. — Это не его гроб.

— Тогда чей? — и неожиданно рассердилась: — Да расскажите же толком!

Все эти загадки и намеки у меня уже в печенках сидели. Кое-какие соображения у меня были, но хотелось наконец получить четкие и однозначные ответы.

Донал тяжело вздохнул и вытащил откуда-то заранее припасенную пушистую шкуру. Бросил ее на камни.

— Садитесь. Это долгая история.

Поколебавшись, я опустилась на мягкий мех и подобрала под себя ноги. Единственное мое мало-мальски теплое платье из плотного темно-синего бархата, с длинными рукавами и подолом до середины икры, было вечерним — приталенным, с глубоким вырезом на груди.

Нет, начальник охраны вовсе не косился мне в декольте, и все же я чувствовала себя несколько странно. Сам он садиться не стал, оперся спиной о высокий постамент и скрестил руки.

— Это гроб прародителя Скоттов, — произнес Донал ровно и глухо. — Первым бароном стал его сын. Что вам известно об истории рода?

— Немного, — признала я, покопавшись в памяти. — Первую баронессу звали Аннабель. Ее изнасиловал кто-то из захватчиков, и она родила сына.

На побледневшей щеке Донала четко выделялась белесая ниточка старого шрама. Смотрел он мимо меня, а за спиной его жутковато шевелился под невидимым ветром пышный розовый куст.

— Изнасиловал... Что же, начнем с того, что баронессой Аннабель не была. До нее замком владел ее отец, который был простым, не титулованным рыцарем. Баронский титул для сына она получила за помощь Иоанну Второму, тогдашнему королю. За два года до того скотты завоевали эти земли и удерживали их, пока Аннабель не возглавила тайное восстание. Предводитель скоттов был... убит, а Мэлоуэн вместе с другими замками вернулся под руку короля. Женщина владеть землями не могла, так что титул достался ее новорожденному сыну. Это вкратце история первого барона Мэлоуэна.

Он рассказывал сухо, как по книжке.

— Значит, она отомстила за отца и братьев? — спросила я, задумчиво разглядывая Донала.

— Наверное, — не стал спорить он. Только кулак стиснул добела. — Но саму Аннабель никто

не обижал. Предводитель скоттов на ней женился, честь по чести.

Я хмыкнула, глядя мягкий длинный мех.

— Можно подумать, у нее был выбор.

— Был! — отрезал Донал. — Она могла уехать. Предводитель влюбился в нее без памяти и не стал бы неволить.

С этим я могла бы поспорить — и не такое творят в горячке страсти, — но сочла, что Доналу виднее.

— Так кто же убил ее мужа?

— Она сама. Вот на этом самом месте. — Донал невидяще смотрел перед собой. — Опоила, связала и ударила ножом в спину...

— Тсс! — вдруг зашипел незнакомый призрак, эффектно выныривая прямо из пола. — Он идет! Он уже близко!

И всполошенной молью заметался по склепу.

— Пит, исчезни! — велел Донал отрывисто.

Теперь, когда речь зашла о делах простых и понятных, он выглядел спокойным и уверенным, хотя Адам умудрился-таки застать нас врасплох.

Призрак кивнул и послушно затаился в каменной толще стен. Лишь чуть заметное серебристое мерцание выдавало, что он все еще тут.

— Миледи, — сказал Донал официально, протягивая мне руку. — Вам тоже лучше укрыться.

— Где? — несколько растерялась я, обводя взглядом ряд каменных гробов. Можно затаиться за одним из них, хотя укрытие так себе.

Донал молча отодвинул крышку того самого, центрального саркофага. Он что, всерьез? Сдается мне, он заранее это обдумал, только не хотел пугать меня раньше времени.

— Полезайте, — приказал он, к чему-то прислушиваясь.

Чем я только думала, когда согласилась на эту авантюру?!

Саркофаг действительно оказался пуст. Внутри него лежала только подушечка, на которой покоилась драгоценная тиара в виде венка из уже опостылевших мне роз.

— Скорее! — Донал легко закинул меня внутрь и задвинул крышку.

Сам-то он как?!

Я тихо зашипела и поерзала, стараясь улечься поудобнее. Внутри шевельнулся беспричинный страх — как выбираться, если что?! — но я усмирила его усилием воли.

Все-таки переоценила я свои нервы, сейчас они, кажется, натянулись и звенели от напряжения. Вдобавок никак не удавалось уместиться так, чтобы не трогать тиару. В конце концов я плюнула и, молясь, чтобы та не оказалась еще одним артефактом, напялила ее на голову. Затаила дыхание... Гром не грянул, паленым не запахло. Если эта штука и была магической, то до поры до времени предпочла никак себя не проявлять.

Снаружи раздались крадущиеся шаги, вынудив меня замереть и притаиться. Звуки доносились удивительно отчетливо, хотя их должна была приглушать каменная плита. И еще — темнота внутри вовсе не была непроглядной, откуда-то проникали тонкие лучи света. В гробу были зачем-то проделаны дырочки, не иначе как для доступа воздуха. Неужели тут часто живые бывают? Ну и ну.

Что же, смерть от удушья мне не грозила, можно спокойно наслаждаться спектаклем. Лежать, правда, холодновато, так что надеюсь, что представление не затянется.

— О-о-о, — заговорил Адам, и в его голосе послышались насмешка и тщательно скрываемая растерянность. — Какие люди! Выходит, это все-таки была ловушка?

Голос его походил на разбавленный мед. Вроде бы сладко, но чувствуется фальшь.

— Да, — согласился Донал обманчиво мягко. — И ты в нее попался.

Адам несколько принужденно рассмеялся.

— Чуть. Я ведь о ней догадался, так что это не в счет.

— Прекрасно, — одобрил Донал равнодушно. — И что ты будешь делать теперь? Ты же не думаешь, что я позволю тебе испортить артефакт? Кстати, как ты собирался это сделать?

Адам молчал, по-видимому подбирая аргументы.

— Слушай, давай договоримся? — предложил он наконец. — Ты не станешь мне мешать, а я взамен тебя отпущу, когда стану бароном. Мне надо всего-то пять минут, намазать эту штуку кое-чем — и все. По рукам?

Донал не отвечал так долго, что я занервничала.

— Почему ты решил, что мне это интересно? — выговорил он словно через силу.

Адам хохотнул.

— Да брось! Я же все понимаю. Фиц держит тебя на коротком поводке, но он слабак.

— С чего ты взял? — равнодушно поинтересовался Донал.

— С того, что он посадил тебя, как собачку, сторожить эту цацку, — Адам, рисуясь, похлопал по крышке гроба, а я испытала не самые приятные ощущения, — потому что сам струсил. Побоялся даже заранее провериться, знал, что старая шлюха его нагуля...

Он страшно захрипел. Ах, как жаль, что в гробу не додумались сделать смотровое окошко!

— Сопляк, — сказал Донал совершенно спокойно. — Отдавать *мне* приказы может только законный барон. Так что прикуси свой грязный язык.

Язык прикусила и я. Так вот почему он был так уверен в происхождении Фицуильяма!

— Ну ладно, ладно, — просипел Адам. — Отпусти!

Судя по звуку, он кулем упал на каменный пол.

— Псих! — Он сплюнул.

— Добавить?

— Н-нет. — В голосе Адама проскользнули нотки страха, но он тут же взял себя в руки. — Слушай, ну чего ты хорохоришься? Правда, что ли, хочешь служить этому слизняку? Он же до старости будет держаться за мамочкину юбку!

Тут я была в чем-то с Адамом согласна. Все беды Фицуильяма именно от того, что он вовремя не дал маме укорот. Хотя он хороший человек, добрый, любит животных, а что слишком покладистый, так есть недостатки и похуже. И сдается мне, что теперь-то Фицуильям сделает кое-какие выводы.

— Как ты сюда попал? — осведомился Донал ровно. — Кто тебя впустил?

— Тебе какое дело? — огрызнулся Адам, поняв, что договориться не удастся. — С какой стати я должен тебе что-то рассказывать?

Резонный вопрос. Вот только Донал вовсе не собирался уламывать Адама.

— Ты на моей территории, — напомнил Он, хмыкнув. — Если хочешь уйти отсюда живым...

Повисла пауза.

— Да ладно. — Голос Адама дрогнул лишь на мгновение. — Хватит угрожать, не на того напал. Я же Скотт, я имею право сюда прийти. Ничего плохого я не сделал, так что уברי руки, ты, *слуга!*

Глухой звук удара. Всклип.

— Сейчас я тебя обыщу, — пообещал Донал похолодевшим тоном. — Отберу то, с помощью чего ты собирался сломать артефакт, и предъявлю полиции.

Адам грязно выругался.

— Руки убери! — прохрипел он, кажется, сплюнув. — Тебе все равно никто не поверит!

Еще один глухой удар. Жалобный стон.

С перепугу — Донал же его прибьет! — я рывком отодвинула крышку и села.

Донал держал Адама за грудки, из носа того бежала кровавая юшка. Мужчины обернулись на звук, и... у Адама вырвался сиплый не то стон, не то клеток. В его вытаращенных глазах читался животный ужас.

— Зато мне поверят, — пообещала я громко.

— И нам! — хором отозвались бесплотные духи, выныривая из стен.

Склеп осветился мертвенным серебристо-голубым светом, откуда-то потянуло холодом и запахом глена, а саркофаг обступили призраки. Казалось, что их тут тьма-тьмущая, хотя по всему выходило, что не больше полутора десятков.

— Аннабель, — выдохнул Адам и завопил во всю силу легких: — А-а-а!

Затем рывком вывернулся из рук Донала, упал на четвереньки и так, прямо на карачках, рванул к выходу, умудрившись с перепугу развить приличную скорость.

Донал вслед ему не кинулся. Застыл на месте, не отводя от меня странного пристального взгляда.

— Убежит же! — напомнила я, с трудом сдерживаясь, чтобы не пуститься в погоню. Столько усилий — и насмарку?

Он мотнул головой и бросил, не оборачиваясь:

— Ату его!

Мгновение — и призрачная стража, вопя и улюлюкая, ринулась за беглым потомком.

Донал с силой растер лицо руками и попросил глухо:

— Снимите тиару. Ее изобразили в ней на парадном портрете, и платье такого же цвета.

— Ее — это Аннабель? — уточнила я хладнокровно. — Так вот отчего Адам перепугался! Он тоже видел портрет?

Кто угодно струсит, увидев ожившую прапрабабку!

— Наверняка, — нехотя ответил Донал.

— Надеюсь, я сама на нее не похожа? — озадачилась я, пристраивая украшение обратно на подушку.

Донал покачал головой и криво, зато искренне улыбнулся.

— Ничуть.

Он протянул руку, помогая мне выбраться из каменного гроба, а потом, обхватив за талию, опустил на каменный пол.

Взгляд Донала — темный и странный — будил какие-то непонятные чувства.

— Вы недорассказали историю рода, — напомнила я, чтобы спугнуть, прогнать эту щекочущую нервы близость.

Слишком хотелось наделать глупостей. Шагнуть вперед, прижаться... и узнать, каковы на вкус его твердые узкие губы.

Сначала мне показалось, что Донал меня не слышит. Потом он кивнул и отступил на шаг. Я невольно поежилась. Без тепла, исходящего от крепкого мужского тела, разом стало как-то зябко и пусто.

— Присаживайтесь, — предложил он привычным ровным тоном. — Все равно нужно дождаться призраков.

Донал опустился на голый пол, привалившись спиной к ближайшему саркофагу. Простудиться он явно не боялся.

Я же села на шкуру рядом с ним и укрылась ее свободным краем.

— Рассказывайте. Что наделала Аннабель, раз лишилась дара?

— То и наделала. — Донал пожал плечами и удобно вытянул ноги, перегородив узкий проход. — Аннабель понесла сразу после венчания. Стала тихой, скрытной, подолгу гуляла в одиночестве. Беременность протекала тяжело, поэтому мужа по настоянию лекаря от нее отселили. Так что никто не мешал Аннабель тщательно все подготовить... — Он прикрыл глаза и запрокинул голову, прижавшись затылком к каменной плите. — Она родила в канун Самайна. Наплела мужу что-то про семейные традиции, упросила спуститься с ней... сюда. Он ничего не подозревал. Слишком был счастлив. Аннабель угостила мужа вином, а очнулся он уже в пентаграмме.

Тон его оставался сухим и безучастным, словно Донал читал летопись, а не рассказывал волнующую историю любви и предательства.

Я кашлянула.

— Сурово.

Донал мотнул головой.

— У нее все получилось. Он сопротивлялся, но Аннабель перекачала силу мужа в ребенка и закрепила своей магией.

Я дернулась и неверяще уставилась на него.

— Хотите сказать...

Он коротко, зло ощерился.

— Да. Аннабель использовала ребенка как... ключ. Тогда же она создала и родовые артефакты. Правда, за них тоже пришлось кое-чем заплатить.

Интересно, она была сумасшедшей? Или беспринципной стервой?

— Что с ними стало потом?

Донал пожал плечами.

— Мальчик вырос и стал первым бароном Мэлоуэном.

— А его отец? — спросила я очень тихо.

И не выдержала. Протянула руку и накрыла ладонью его горячие пальцы.

Донал опустил взгляд и сказал бесцветно:

— Он не умер. Аннабель сумела удержать его на грани жизни и смерти, сделала хранителем замка и рода. С тех пор никто больше не взял Мэлоуэн, а Скотты всегда процветали.

— Почему Скотты? — спросила я, едва шевеля губами.

Донал лишь поднял брови. Лицо его казалось застывшим. Окаменевшим.

— Его ведь звали Донал Грин, так? — уточнила я, глядя в его потемневшие глаза. — Это были вы.

Вот почему он так странно себя вел! Эта версия объясняла все, от умения мгновенно перемещаться к барону до поведения со мной.

И все-таки обидно, такой роскошный генетический материал — и пропадает без толку!

— Вы догадались, — констатировал он спокойно. Только пальцы мелко подрагивали под моей ладонью.

Я хмыкнула.

— Тут бы и последняя дурочка догадалась! К тому же подозрения у меня были давно. Так все-таки, почему Скотты?

Донал смотрел перед собой. Что он видел в этот момент? Осажденный замок? Венчание с любимой? Ее лицо, когда она вонзила нож?

— Она даже имя мое предала забвению, — выговорил Донал тихо и тускло. — Дала сыну фамилию Скотт и розу на гербе перечеркнула в знак, что основатель рода был незаконнорожденным.

— Но...

Я прикусила язык. Донал, как и прочие захватчики, был из племени скоттов. Взять название племени в качестве фамилии означало объявить сына безотцовщиной, одним из множества «детей войны».

— Мне жаль, — сказала я неловко.

Он качнул головой.

— Не стоит. Это было давно. В совсем другой жизни.

Это напускное равнодушие уже не могло меня обмануть. Ему все еще было больно. Даже сейчас, триста лет спустя, Донал помнил — и ненавидел.

— Фицуильям знает? — вырвалось у меня.

Донал дернул плечом.

— Он верит семейному преданию. Отредактированной версии, которую рассказали и вам. Об изнасиловании и мести.

— Неужели вы никому не пытались об этом рассказать?

Донал горько улыбнулся:

— Скоттам невыгодно ворошить старые тайны, а рассказать кому-то еще мне не позволит заклятие.

— А...

— А вы теперь тоже Скотт.

— Ненадолго, — напомнила я, зябко поведя плечами, и машинально покрутила на пальце обручальное кольцо.

Он никак это не прокомментировал.

Зато во мне проснулся ученый. Я подалась к Доналу и бесцеремонно потыкала пальцем в его плечо.

— Кажется настоящим. То есть, я хотела сказать, живым.

И смутилась, сообразив, что в запале нахально щупаю постороннего мужчину... То есть хранителя замка, конечно. Позор мне! Совсем гормоны распалились, уже к призракам пристаю.

Он накрыл шершавой теплой ладонью мою руку.

— Я жив. Точнее, бессмертен. Аннабель была демонически умна и талантлива. Она сумела сделать меня почти человеком. Я ем, сплю, хотя при желании могу неделями обходиться без еды и питья. У меня растут волосы и ногти, и все остальное функционирует совсем как у людей. Только к этому прилагаются кое-какие необычные таланты и... привязка к роду. Я

обязан подчиняться барону и выполнять любые его приказы.

В серых глазах — ничего, кроме усталости и горечи. Как жаль, что Аннабель давно умерла! Я охотно сплясала бы на ее могиле.

Донал вдруг отстранился и скрестил руки на груди.

— Так как вы догадались, что я не обычный начальник стражи?

Ловко он увел разговор от скользкой темы.

Я пожала плечами и перечислила:

— Во-первых, у вас очень странные отношения с семьей. Во-вторых, все эти непонятные появления даже при закрытых дверях и на большом расстоянии. В-третьих, Фицуильям не настолько наивен, чтобы доверить охрану замка одному-единственному человеку, пусть даже лучшему бойцу. В-четвертых, вы с Рэмуальдом, пятым бароном, слишком похожи, чтобы это можно было списать на случайность. В-пятых, на вас странно реагируют кошки. То шипят, то ластятся...

— Они чувствуют мою силу, — кивнул Донал рассеянно и усмехнулся. — Родители Рэма не использовали амулет, так вышло. Что же, исчерпывающе. Вы молодец, миледи.

— Донал... — нахмурилась я, и он поднял ладонь.

— Простите. Знаю, что вам неприятен этот титул. И за это, — перехватив мою руку, он легко погладил золотой ободок на пальце, украшенный стилизованной розой, — тоже меня простите.

— Кто именно вам может приказывать? — спросила я медленно, желая проверить еще кое-какие предположения. — Все Скотты или?..

Донал пожал плечами.

— Законный барон Мэлоуэн. Когда его нет в замке — тот, кому он отдаст баронскую цепь, знак своей власти.

Я открыла рот... и закрыла, вспомнив сухопарую фигуру свекрови, стоящей перед священником. Я тогда еще удивилась ее старомодному украшению, старинной золотой цепи с массивными звеньями.

Так вот как свекровь «уломала» Донала меня похитить! Воспользовалась отсутствием Фицуильяма и его, прямо скажем, опрометчивым доверием.

— Вот же!.. — выдохнула я.

Меня прервали торжествующие крики и хохот. Призраки гурьбой вывалились из стены, Рэм торжественно возложил к ногам Донала что-то, завернутое в тонкий, украшенный вышивкой и кружевами носовой платок. Мотив вышивки до боли знаком, все та же злосчастная роза.

— Ваш приказ выполнен, сэра! — произнес он важно и отвесил поклон.

И тут же залихватски мне подмигнул.

Кажется, Донала правильнее называть начальником призрачной стражи.

Он осторожно отогнул краешек платка, и я подалась вперед. На тонкой ткани лежали темный фиал со слегка опалесцирующим содержимым и обгрызенная кость, перевязанная бечевкой с перышками, бусинками и бог весть чем еще.

— Шаманство. — Донал брезгливо вытряхнул кость и, поднявшись на ноги, раздавил ее каблуком.

Влажно хлопнуло, что-то душераздирающе взвыло... Брр, пакость какая!

К фиалу он отнесся куда бережнее. Взял через платок, посмотрел на свет и скривил губы.

— Какой талантливый мальчик, — процедил он сквозь зубы. — Руки бы ему оборвать.

— Выполнить? — предложил Рэм с готовностью.

Донал лишь отмахнулся.

— Что это такое? — не выдержала я.

— Черная магия, — объяснил Донал коротко, зато исчерпывающе, и повернулся к призракам. — Вы видели, кто его впустил в замок?

— Нет, — сознался Рэм, почесывая в затылке. — Бежал он отсюда точно в одиночку. Когда пришел, мы не заметили. Из-за этой штуки, да?

Он кивнул на странную кость, от которой осталось лишь черное пятно, похожее на жирную сажу.

Донал рассеянно кивнул.

— Миледи, — позвал он, при духах обращаясь ко мне предельно почтительно, — вы знаете, чей это платок?

И протянул его мне, осторожно отложив фиал в сторону.

Я присмотрелась, поднесла к носу. Пахло ландышами легко и нежно.

— Понятия не имею, — созналась я честно. — Наверное, Хелен или Джорджины. Миссис Скотт предпочитает тяжелые сладкие запахи, например, розовое масло.

Донал нехотя согласился:

— Похоже на то. Точно не кого-то из слуг — платок и духи не из дешевых, да слуги и не посмели бы вышивать розы.

— Почему? — брякнула я, но после выразительного взгляда Донала сообразила: — Ах да, герб Скоттов.

Я покосилась на розовый куст, неестественно бурно цветущий и благоухающий на весь склеп. От этого душного приторного запаха начинала болеть голова.

— Ладно, разберемся, — пообещал Донал хмуро. — Что с Адамом?

— Штаны мокрые, а так цел, — фыркнул Рэм и взлетел к потолку. — Шли бы вы спать.

— Дельная мысль, — похвалил Донал и повернулся ко мне. — Миледи?

— Да, конечно, — опираясь на его руку, я поднялась на ноги и отряхнула платье. — Была рада знакомству, уважаемые бароны.

— Взаимно, — важно кивнул Рэм, а остальные призраки поклонились молча.

Обратный путь я почти не запомнила. Темно, хоть глаз выколи, но Донал уверенно лавировал между старой мебелью и рухлядью, каким-то чутьем находя дорогу.

У входа в Западную башню он остановился.

— Доброй ночи, — пожелал он, не глядя на меня.

— Доброй, — отозвалась я рассеянно.

Глаза слипались, впечатлений для одного дня оказалось слишком много.

Я обернулась так резко, что Донал чуть заметно вздрогнул, и спросила негромко:

— Где могила Аннабель? Тут, в замке?

Донал дернул щекой и отступил на три шага, прячась в тени.

— Вы не догадались? Тело Аннабель сожгли, а из пепла вырос розовый куст. Она говорила, что это окончательно закрепит ее проклятие.

Я не нашлась с ответом. Молча вошла в башню, заперла Дверь и обессиленно прислонилась к ней спиной. Перед глазами стоял розовый куст, оплетший пустой саркофаг. Я уже ненавижу эти проклятые розы!

— Миледи, доброе утро! — прошебетала Бетти, вырывая меня из сладкой дремы. — Завтракать бу... Ой!

Дребезг и кошачье мяуканье подействовали не хуже ведра воды на голову.

— Лиса! — простонала я, обзрев осколки на полу. Темно-коричневая лужица кофе, прилипшие — конечно же маслом вниз — к полу бутерброды и усыпанная осколками яичница.

Мой завтрак бесславно погиб.

Нашкодившая Лиса затаилась за креслом, посверкивая оттуда зеленью глаз, а спавшая со мной Марка гибко спрыгнула на пол, понюхала бутерброд и, подцепив лапкой колбасу, принялась есть.

— Миледи, я сейчас все уберу! — пообещала Бетти, чуть не плача.

— Не спеши, — махнула рукой я. — Кофе я сварю в лаборатории, а перекусить можно и позже.

Выбравшись из постели, я поплелась умываться. Когда вернулась, меня встретил Донал.

— Доброе утро. — Он протянул кружку, украшенную черной кошачьей мордой. — Угощайтесь.

— Доброе утро. Спасибо.

Я взяла чашку, пряча глаза. После ночных откровений смотреть на Донала было неловко. Словно почувствовав это, он отвернулся и устроился в кресле у окна. Осмелевшая Лиса запрыгнула ему на колени и начала топтаться, выпуская и втягивая когти.

Начальник охраны, даже не поморщившись, рассеянно почесал ее за ушами и погладил вдоль хребта. Кошка с низким довольным «мя-а-ау!» брякнулась на спину, подставив ему беззащитный пушистый живот.

— Мя-а-а! — обиженно напомнила о себе с пола Марка.

Я подхватила ее под пузо и пересадила к себе.

— Новости есть? — делано небрежно поинтересовалась я, прихлебывая кофе.

Кошки несколько разрядили обстановку, так что честно заслужили свою порцию ласки.

Донал покачал головой, сверля меня напряженным взглядом.

— Адам из замка сбежал, и я позабочусь, чтобы он больше не вернулся.

— Что теперь? — напрямик спросила я, допив кофе.

— Надо найти пособницу Адама. — Голос Донала похолодел, и я понимала почему. Он крайне болезненно относился к предателям. — Иначе она может продолжать вредить Скоттам.

Я покосилась на его руку, стиснувшую подлокотник кресла, и не удержалась:

— Почему вы не...

Я запнулась, и он подхватил, криво улыбаясь:

— Не питаю к Скоттам недобрых чувств? Не желаю им зла?

Отведя взгляд, я кивнула, а Донал объяснил спокойно:

— Они не виноваты в том, что натворила Аннабель.

— Они не пытались это исправить, — заметила я тихо, но твердо.

Донал упрямо мотнул головой.

— Аннабель не оставила инструкций, как снять заклятие. И давайте не будем об этом.

— Почему? — рассердилась я.

Терпеть не могу, когда проблему пытаются замолчать. Можно подумать, она исчезнет, если спрятать голову в песок. Ну что за детский сад?!

Лицо Донала застыло.

— Они и мои потомки тоже. В конце концов, какое вам до этого дело?

Я уже открыла рот, чтобы разразиться гневной речью... но срезалась на горьком:

— Вы ведь скоро уедете.

Уеду, а Донал останется — блюсти покой замка и охранять своих сколько-то праправнуков.

— Я бы так не смогла, — призналась я честно, прижав задремавшую Марку к груди.

Она сонно приоткрыла глаз и снова закрыла.

Донал пожал плечами.

— У меня нет выбора. Так что насчет сообщницы Адама? Как думаете: это Хелен или Джорджина?

Я моргнула от столь резкой смены темы, но послушно задумалась. Ничего нового, впрочем, не надумала.

— Джорджина. Это вполне в ее духе — влюбиться в неподходящего мужчину и надеть глупостей. Кстати, у нее есть похожие духи.

Донал задумался, рассеянно поглаживая кошку.

— Допустим, — признал он нехотя. — Но Хелен вполне могла позаимствовать платок сестры, как и духи.

— Так мы ни к чему не придем. — Я ссадила кошку на пол и решительно встала. — Нужно проверить теорию, раз уж она возникла. Или доказать, или убедиться в ее несостоятельности.

— Как? — Донал насмешливо изогнул правую бровь.

М-да, хороший вопрос. Разве что спросить в лоб: «Джорджина, у тебя был роман с Адамом?»

Кстати, это идея!

— Взять нахрапом? — предложила я с проклюнувшимся азартом. — Она ведь наверняка чувствует себя виноватой. Если сказать, мол, я все знаю, то не выдержит и проболтается!

Он хрустнул пальцами и задумчиво признал:

— Может сработать. Не зря же говорят, что на воре и шапка горит. Только что вы будете делать, если это не она?

— Буду спрашивать у всех подряд, — хмыкнула я.

Пусть меня посчитают сбрендившей, что с того? Все равно я скоро уеду.

Донал посмотрел... странно.

— Я с вами. На глаза показываться не буду, вмешуюсь, только если что-то пойдет не так. Согласны?

— По-моему, это перестраховка, — заметила я и махнула рукой. — Но если вам так будет спокойнее...

— Будет, — сказал он твердо.

На том и порешили.

Как я ни старалась, уловить хотя бы тень присутствия Донала не могла. Он скользил следом, невидимый и неосязаемый, и от этого было жутко. Интересно, каково это — жить... нет, скорее, существовать тут из века в век? Привязанным к замку и — будем честны — рабом

своих же потомков? Смотреть, как они рождаются, живут и умирают? Брр!

Я остановилась у двери и тряхнула головой, стараясь переключить мысли на стоящую передо мной задачу. И так, дано: романтическая девица, которая предала брата ради возлюбленного. Что она предпримет и как себя поведет теперь, когда кавалера выставили из замка?

Впрочем, для точного прогноза мало данных. Придется поступать в лучших научных традициях: действовать наобум, а потом притворяться, что так и задумано.

Глубоко вздохнув, я распахнула дверь в спальню Джорджины... и натолкнулась на удивленный взгляд Хелен, сидящей у постели сестры. Сама Джорджина разметалась по постели. Дышала она тяжело, с присвистом, влажные от пота волосы прилипли ко лбу и шее, нос покраснел и опух, на скулах рдели пятна лихорадочного румянца.

— Что? — встрепенувшись, одними губами спросила Хелен.

Я выразительно поманила ее к выходу.

Хелен поднялась и, бросив тревожный взгляд на сестру, вышла за мной следом.

— Что случилось? — выпалила она с ходу, опираясь спиной о дверь, словно ноги ее не держали.

— Долго рассказывать, — ответила я неопределенно. — Что с Джорджиной? Надеюсь, не краснуха?

— Кажется, грипп. — Хелен устало отвела волосы со лба. — Жар и сильный кашель.

Выглядела она немногим лучше спящей сестры: под глазами синяки, платье несвежее, взгляд мутный.

— Ты завтракала? — поинтересовалась я, на ходу пересматривая планы. Болезнь Джорджины спутала мне все карты. Нечего и думать сейчас потревожить больную, даже если она всего лишь искусно притворяется.

Помедлив, Хелен призналась:

— Нет. И не ужинала... кажется.

— Почему? — удивилась я.

— Да так. — Она нахмурилась и принялась наматывать на палец светлый локон.

Допытываться я не стала, успеется. Все равно тут по душам не поговоришь.

О чем-то тихо переговариваясь, по коридору шли две служанки, неся ведра и все, что необходимо для уборки, в отдалении послышался властный голос свекрови.

Хелен вздрогнула и втянула голову в плечи. Потом схватила меня за руку и, бросив:

— Идем скорее! — поволокла в столовую.

Лакея мы по молчаливому уговору отослали, предпочтя обслуживать себя сами. Хелен только передала матери просьбу присмотреть пока за Джорджиной.

— Так что случилось? — заговорила Хелен, основательно подзаправившись.

Глаза у нее совсем осоловели, как у наевшегося до отвала котенка.

— Я кое-что узнала... — проговорила я многозначительно. — О тебе.

В детстве мама часто делала вид, будто уже знает о наших проказах. В итоге мы сами выдавали себя с головой.

Хелен отчего-то не смутилась, не стала отнекиваться или каяться.

— О, как хорошо! — воскликнула она, просяив. — Я не знала, как тебя попросить. Ты ведь мне поможешь?

Проверенная мамина тактика не подвела, только разговор явно свернул куда-то не туда.

— Смотря в чем, — ответила я осторожно, обескураженная столь странной реакцией.

Она вдруг тревожно огляделась по сторонам и, цапнув меня за рукав, притянула к себе.

— Я собираюсь бежать из дома! — выпалила она на одном дыхании.

— Куда? — поразилась я, убедившись, что она не шутит.

Глаза Хелен ярко блестели, непонятно только, от азарта или непролитых слез.

— Подальше! — выдохнула она. Потом устало потерла глаза и созналась: — Если честно, я толком пока не знаю. Там разберусь.

— С чего такая спешка?

Определенно я делала успехи, обходясь в разговоре одними вопросами.

Хелен сцепила тонкие пальцы в замок, прикусила губу.

— Я думаю, ты меня поймешь, — сказала она тихо и отчаянно. — Ты же не хотела замуж за Фицуильяма, но тебя не слушали. Я тоже замуж не хочу!

— Совсем? — усомнилась я, окончательно перестав понимать, о чем речь и при чем, собственно, тут я?

Хелен мотнула головой.

— Не знаю. Но точно не за этого противного Роджера!

Она поежилась и зябко обхватила себя руками.

— Чем так плох Роджер? — Я сделала глоток чая, обнаружила, что он безнадежно остыл, и отставила чашку.

Хелен возмущенно выдохнула, и я пояснила миролюбиво:

— Я ведь его не знаю.

— Роджер Пэкстон вдовец с тремя детьми, — сказала Хелен сдавленно. — И ему уже тридцать семь!

— Ого. — Я прониклась ее отчаянием.

Хелен всего девятнадцать, понятно, почему жених ее не обрадовал.

— Мама требует, чтобы я срочно за него вышла. Ни за что!

— Но зачем?! — поразилась я.

Ладно бы Джорджину, там понятно, зачем ее пристраивать хоть за кого-нибудь, но ведь Хелен это не касается!

— Мама говорит, что Фицуильям скоро лишится баронства. — Хелен смотрела в стол, нервно комкая платье. — Тогда он не сможет выделить приданое, и меня вообще никто не возьмет. Роджер — граф, у него есть влиятельные родственники, так что... Выгодная партия.

Она прикусила губу.

— Глупости! — отрезала я и сжала кулаки, сдерживая злость.

Ладно, моим мнением свекровь не интересовалась — интересы семьи превыше судьбы незнакомой девицы, но поступить так с родной дочерью?!

— Я хочу уехать отсюда. — Хелен старательно, не поднимая глаз, разглаживала салфетку на коленях. — Хочу увидеть мир. Ты не могла бы... ну, дать мне рекомендацию?

— Я?!

— Твой отец... — напомнила Хелен, совсем поникнув. Потом прикусила губу и расправила плечи. — Я сама справлюсь, конечно. Но надо же с чего-то начинать?

Я задумалась.

Как отреагирует папа, если я пришло к нему старательную, хоть и бестолковую девицу? Впрочем, кое-какие задатки у Хелен есть. Та же Джорджина небось рыдала бы днями напролет, а если бы и надумала бежать, то наверняка не ушла бы дальше ближайшего поселка.

— Хорошо, — сказала я медленно. — Только мне нужно задать тебе несколько вопросов.

— Каких? — Она вскинула на меня взгляд, в котором настороженность смешалась с такой чистой, искрящейся радостью, что мне стало неловко. — То есть спрашивай, конечно!

— Где ты была сегодня ночью?

Она заметно растерялась.

— У Джорджины. Ей стало плохо еще вчера за ужином, поднялась температура, и мы с мамой всю ночь дежурили у ее постели. А что?

— Да так, ничего, — отозвалась я, пряча досаду.

Моя версия рассыпалась как карточный домик. Не может быть, что все трое сговорились! Какой смысл свекрови делать сына незаконнорожденным? Это ведь о-го-го какое пятно на ее собственной репутации! Замужество дочери с вероятным следующим бароном того не стоит.

— Уверена, что Джорджина не притворялась? — допытывалась я уже для очистки совести.

Однажды Ирэн не хотела идти в школу и нагрела градусник на батарее, но ее быстро вывели на чистую воду. Сомневаюсь, чтобы свекровь тоже купилась бы на такой детский фокус.

Хелен медленно покачала головой.

— Я не доктор, конечно, но у нее точно был жар, — ответила она рассудительно. — Я щупала ее лоб и обтирала уксусом. Врачу уже позвонили, если хочешь, можешь сама с ним поговорить.

— Тогда последний вопрос, — вздохнула я. — С кем роман у Джорджины?

Хелен должна это точно знать, если распекала сестру за неосторожность.

Девушка заколебалась. Мордашка у нее стала совсем несчастная, и все же Хелен сказала твердо:

— Это не моя тайна. Нет, извини, я не могу.

— Хорошо. — Я глубоко вздохнула. — Скажи только, это Адам?

Ее голубые глаза удивленно расширились.

— Нет-нет! — энергично запротестовала она, порозовев от волнения. — Чем хочешь поклянусь, это не он!

С досады я залпом выпила холодный чай и поморщилась. Всегда обидно, когда выпестованная идея оказывается несостоятельной.

Хелен наблюдала за мной с тревогой.

— Я тебе верю, — ответила я на ее немой вопрос. — Ладно, когда ты хочешь уехать?

— Чем скорее, тем лучше, — ответила она с готовностью, но, подумав, поправилась рассудительно: — Или через несколько дней, когда мама немного успокоится и перестанет так пристально за мной следить. Можно я пока принесу тебе кое-какие сбережения и документы?

— Конечно. — Я решительно кивнула. — Только нужно сделать это незаметно. Сумеешь?

— Постараюсь, — серьезно ответила Хелен и вдруг схватила меня за руку. — Спасибо! Спасибо тебе!

Порывисто поцеловала меня в щеку и убежала.

Я побрела к себе в башню. Коридоры замка ложились под ноги вытертыми от времени каменными плитами, от которых тянуло холодом. И ведь кому-то нравилось тут жить! Среди стылых камней, ледяных сквозняков, среди призраков славного прошлого. Гордиться старинным родом, замалчивая его кровавые и грязные тайны. Не замечая, как этот проклятый род перемальвает потомков в труху и заставляет тащить бремя долга, как это делает Фицуильям. Биться в силках правил, как Хелен. Сочинять романтические истории, напрочь игнорируя реальность, как Джорджина. Поплевывать сверху на всех вокруг, как их почтенная маменька.

Из Фицуильяма вышел бы неплохой ветеринар и отличный коннозаводчик. Хелен могла бы путешествовать, раскопать какой-нибудь затерянный город, застрелить тигра, в конце концов! Пусть бы Джорджина вышла замуж, подрастеряла романтизм, приобретя взамен двоих-троих ребятешек и библиотечку любовных романов, свою тайную отдушину. И свекровь была бы куда счастливее, если бы ей не пришлось «соответствовать». Хотя на нее, по идее, магия рода как раз не влияет — Скотт она не по крови, а лишь по браку. Предрассудки временами бывают посильнее магии.

— У нее не получится.

Голос Донала прозвучал выстрелом в спину.

— Что? — Я резко обернулась. Он же все слышал! Надеюсь, не побежит тут же докладывать барону?

Донал хмурился, подпирая плечом стену.

— Сбежать не получится, — объяснил он ровным тоном. — Заклятие не даст.

— Так. — Я глубоко вздохнула, чтобы не взорваться. — О чем еще вы забыли рассказать?

— Поговорим в башне? — предложил Донал примирительно.

— Только если вы обещаете сохранить тайну Хелен.

— Хорошо, — легко согласился он и жестом пропустил меня вперед...

В лаборатории меня ожидали горячий чайник, заботливо накрытый грелкой, тминный кекс и горка пирожных под крышечкой. Хорошо все-таки, когда есть слуги!

Я совсем недавно плотно поела, поэтому лишь отщипывала понемногу кусочек кекса и цедила чай.

— Угощайтесь, — предложила я, сообразив, что по моей милости Донал сегодня остался без завтрака.

Хотя вряд ли ему столь уж необходима еда. Любопытно, а иными телесными потребностями как у него обстоят дела? Чувствует ли он голод, жар или холод? Это чисто научный интерес!

— Что вы там говорили о заклятии? — не утерпела я, когда Донал принялся за четвертое пирожное.

Вот уж не знала, что суровый начальник стражи — и к тому же почти призрак — такой сладкоежка.

Донал поднял на меня взгляд и с сожалением отставил тарелку, а потом повел носом, принюхиваясь к ароматному кексу. Обоняния, осязания и прочих внешних чувств он определенно не лишился.

— Разве вы не поняли? Аннабель желала потомкам процветания. В ее понимании это означало богатство, плодородие земель, титул для мужчин...

— И удачное замужество для женщин, — закончила я хмуро, отставляя почти нетронутую чашку. Аппетит пропал окончательно. — Выгодное для рода, как в случае Хелен. Другие варианты, я так понимаю, не предусмотрены?

Донал молча покачал головой.

М-да. Интересно, что сказала бы Аннабель, узнав, что фактически прокляла своих потомков? Что ее «благословение» крушит их жизни, обтесывает под прапрабабкины представления о

благополучии и процветании?

Наверное, триста лет назад это действительно было все, чего можно желать. Теперь же заклятие Аннабель превратилось в чугунные гири на ногах Скоттов. Жаль, но тут я ничем помочь не могу.

Поэтому дальше я заговорила совсем о другом:

— Выходит, Хелен и Джорджина ни при чем? Как же тогда роза на платке?

Донал благородно воздержался от фразы: «Я же вам говорил!»

— Предпосылки верные, — проговорил он, в задумчивости дожевывая очередное пирожное. — Я нашел духи с таким запахом на столике Джорджины, так что вы были правы.

Я отошла к окну и присела на широкий подоконник.

— Тогда кто?

— Кто-то из прислуги? — предположил Донал, одним глотком допивая чай.

— Точно! — Я щелкнула пальцами. Как же я сразу не догадалась?! — Кто может зайти в спальню Джорджины, не вызвав подозрений?

— Любая из горничных, — пожал плечами он. — Сестрам прислуживает Мэри, но Бетти или Рэйчел тоже могли бы.

— Вот и отлично, — усмехнулась я. — С кого начнем?

— Я... — начал Донал и осекся, настороженно к чему-то прислушиваясь. — Кажется, этот вопрос решили за вас. Сюда идет Бетти.

Теперь и я слышала звонкий цокот каблучков.

Донал быстро огляделся.

— Сюда. — Я гостеприимно распахнула створку шкафа. Главное, чтобы ко мне не нагрянул Фицуильям. Что он подумает, обнаружив Донала в шкафу? То есть понятно, что...

Брюнет мотнул головой и рыбкой нырнул прямо в каменную кладку, оставив меня сидеть с раскрытым ртом.

— Миледи, к вам можно? — прошептала Бетти с лестницы.

— Заходи, — разрешила я, пытаюсь уместить в голове неожиданные таланты Донала.

Если задуматься, ничего странного в них нет, он ведь дух-хранитель, не хухры-мухры. Однако вел себя Донал так, что эти интригующие подробности напрочь вылетали из головы. Живой человек, теплый и настоящий, со вполне человеческими эмоциями и...

— Миледи? — осторожно позвала Бетти, кажется, уже не первый раз. — Можно забрать посуду?

— Да-да, — махнула рукой я.

Горничная ловко нагрузила поднос и уже шагнула к выходу, когда я спохватилась.

— Кстати, я тут кое-что о тебе узнала...

Поднос в крепких руках Бетти дрогнул, гора посуды опасно накренилась.

— О чем это вы, миледи?

Даже на мой неисклюшенный взгляд ее актерство было очень уж безыскусным.

— О твоих тайных свиданиях, — проговорила я многозначительно.

Бетти залилась краской — густо, от высокого лба до воротничка форменного платья.

— Ну... Миледи, вы не ругайтесь! — затараторила она, не смея поднять глаза. — Мы с Джоном осенью поженимся, честно-честно! Мы ведь уже почти муж и жена, что в этом такого?..

Я моргнула.

— С каким Джоном?

— Да с Джоном Хаксли, моим женихом! Только мы никому не говорим, а то меня уволят...
Пожалуйста, миледи!

Бетти чуть не плакала.

— Ладно, иди. Я никому не скажу.

— Спасибо, миледи!

Она неловко — мешал поднос — сделала книксен.

— Где Мэри? — спросила я, мысленно вычеркивая еще одно имя из списка подозреваемых.

На миловидное, хоть и простоватое личико горничной набежала тень. Не простила она «подружке» оговор про Адама.

— Выходной у нее, — сказала Бетти неприязненно. — К обеду только вернется.

Ладно, пусть так.

— А Рэйчел, горничная миссис Скотт?

Бетти захлопала глазами, по-видимому не понимая, зачем мне сдались другие горничные.

— Гладит хозяйские платья, — сказала она, немного подумав. — Позвать ее?

— Будь так добра, — обрадовалась я.

По правде говоря, я собиралась сама отправляться на поиски. Никак не привыкну, что можно приказать.

Бетти убежала, а я, чтобы не терять времени, потянулась к микроскопу. Надо ведь отбросить всякие сомнения в том, что Фицуильям — законный барон Мэлоуэн! Так сказать, на Донала надейся, а сама не плошай. Благо материал для генетического анализа у меня теперь был. Я бережно вынула из пузырька седой волосок покойного барона и приступила к исследованиям... Да так увлеклась, что тихий стук заставил меня дернуться.

— Миледи? Мне прийти попозже? — осведомилась гостя сухим голосом.

Я нехотя отлипла от окуляра микроскопа и обернулась.

Рэйчел, личную горничную моей драгоценной свекрови, я раньше видела лишь мельком. Сухопарая женщина с прилизанными тускло-русыми волосами, стянутыми в пучок, вечно недовольно поджатými губами и маленькими глазками за стеклами очков чем-то напоминала сухую рыбу. С ходу было тяжело понять, сколько ей лет, — ей могло быть от тридцати до пятидесяти.

Не похожа она на девицу, которая заводит любовника. Хотя если на такую кто-то позарится, то она ради возлюбленного горы свернет!

— Нет, проходите и садитесь. — Я потеряла глаза и махнула в сторону единственного свободного стула.

Рэйчел еще сильнее поджала губы и опустила на указанное место.

— Слушаю вас, миледи, — напомнила она, глядя на меня своими выпуклыми рыбьими глазами, и благовоспитанно сложила руки на коленях.

С такой по душам не поговоришь и начинать издали тоже смысла нет. Выслушает с таким же скептическим видом и преспокойно уйдет.

— Я все о вас знаю! — брякнула я, сверля ее внимательным взглядом.

И лишь потому заметила, как дрогнули на мгновение пальцы на острых коленках. Зато выражение лица не изменилось ничуть. Завидное самообладание.

— Не понимаю, о чем вы, миледи, — процедила она.

— Не отпирайтесь. — Я размяла затекшие от неудобной позы плечи. — Вы же не хотите, чтобы вас уволили без рекомендаций?

Тут же поняла: промазала. Блекло-голубые глаза за стеклами очков блеснули, а Рэйчел заявила уверенно:

— Моя госпожа этого не допустит! — Она поднялась, все такая же чопорная до тошноты, и сложила руки на животе. — Простите, миледи, мне нужно идти.

И преспокойно направилась к выходу. Это уже откровенная наглость!

— Тогда я расскажу обо всем барону! — бросила я ей в спину.

Она чуть заметно повела лопатками под скучным форменным платьем, но даже не обернулась, выражая тем самым свое презрение.

Рыльце у нее явно было в пушку. Только опасалась она не барона и его почтенной матушки, угрозы им нажаловаться ее нисколько не пугали. Кого тогда? Полицию? Вряд ли стражи порядка станут заниматься кражей духов и платка, хотя в этом я разбиралась слабо.

Ладно, попытка не пытка.

— Полиция-то точно заинтересуется! — заявила я громко.

— Что? — Она обернулась, по-рыбьи тараща глаза. — О чем вы?!

Ее удивление было слегка — самую малость — наигранным. Я почувствовала удовлетворение, от азарта взбурлила кровь. Вот теперь удар попал в цель!

Рэйчел сделала один осторожный шаг ко мне, другой.

— О ваших делишках, — отчаянно блефовала я, чувствуя, как часто, тревожно колотится сердце. — Вы ведь не хотите в тюрьму?

Горничная прищурилась.

— Глупости какие! — презрительно заявила она. — Я не делала ничего плохого!

— Разве? — подняла брови я. — Красть теперь можно?

Ее лицо вдруг исказилось недоброй гримасой, и она прыгнула ко мне. В занесенном для удара кулаке блеснуло узкое лезвие ножа. Откуда?!

Вскрикнув, я отшатнулась... а горничная захрипела, забилась в руках Донала. Нож со звоном ударился о каменный пол.

— Тихо! — Он хорошенько встряхнул пленницу, отчего та лязгнула зубами, и с ее носа сползли очки.

Лицо без толстеньких стекол и грубой темно-коричневой оправы преобразилось.

— Погодите-ка! — Я потянулась к Рэйчел.

Она рванулась, раззявила рот, пытаясь цапнуть меня за руку, но Донал усилил хватку, и она придушенно захрипела.

Я воспользовалась этим, чтобы дернуть ее за волосы. И хмыкнула, когда шевелюра, утыканная шпильками, осталась у меня в руках. Под париком обнаружили коротко стриженные светлые волосы. Освобожденные от плена толстых очков глаза сверкали голубизной, невзрачное лицо порозовело и совсем преобразилось.

— Она хорошенькая, — сказала я Доналу, обходя его с пленницей по кругу. — Специально себя уродует. Кстати, и грудь бинтами стягивает. Неужели все эти ухищрения — ради службы у миссис Скотт?

— Насчет ухищрений спорить не буду, — усмехнулся он, легко пресекая трепыхания горничной. — Вот об остальном... Думаю, она наводчица. Устраивается в хороший дом, выясняет, чем можно поживиться, делает дубликаты ключей. Потом увольняется, а через

некоторое время дом обносят воры. В округе было уже несколько таких случаев.

Я лишь головой покачала. Вот тебе и ткнула пальцем в небо!

Донал легко, как котенка, встряхнул Рэйчел (или как там ее зовут?), и из ее узких губ полилась отборная брань. Я поморщилась — не люблю ругань — и повысила голос:

— Как думаете, это она Адама впустила?

Пленница громко возмутилась:

— Какого еще Адама? Да что ты мне шьешь, ты!..

Донал что-то сделал, и Рэйчел вдруг замолчала на полуслове (явно непечатном) и обмякла.

— Я сдам ее полиции, — пообещал Донал и поволок сомлевшую горничную к лестнице.

В самом деле, вряд ли он умеет таскать через стены людей, иначе нам не пришлось бы прошлой ночью возвращаться кружным путем. Я поспешно села, ноги меня не держали. Ночь выдалась бурной, утро ей не уступало, а тут еще это нападение.

У самой лестницы Донал остановился и обернулся.

— Запритесь и никого не впускайте, хорошо? — попросил он. — Я скоро вернусь.

— Хорошо. — Я придвинула к себе чудом не пострадавший во время потасовки микроскоп.

Видимо, много у «Рэйчел» грехов, раз она без колебаний решила прикончить «свидетельницу». И слишком уж привычно она вытащила нож из рукава, это наводило на размышления.

Свекровь будет мне крепко должна!

— Маргарита, открой! — Громкий стук и негодующий голос свекрови пробились через дверь и два этажа.

Я вынырнула из шкафа, в котором копалась в поисках крайне нужной и, как назло, куда-то запропастившейся ручки.

Что это понадобилось от меня милейшей миссис Скотт? Хотя, кажется, я знаю.

— Открой немедленно! — не успокаивалась баронская мать. — Маргарита, ты слышишь?

Свекровь билась, как муха о стекло, и очень по-мушиному жужжала-негодовала, так что хотелось заткнуть уши пальцами. Открывать я не стала — к чему мне очередной скандал?

О, вот и ручка! Я еле-еле, кончиками пальцев, дотянулась до нее и выковыряла из щели. Потом быстро, пока не забыла, принялась записывать мысль, да так увлеклась, что не сразу сообразила: внизу уже разговаривают двое.

«Бум», — сказала дверь, когда в нее саданули кулаком, и негодуяще загудела.

— Миледи, откройте, пожалуйста.

Заслышав низкий голос Донала, я вздохнула, потерла лоб и поплелась вниз. Мог бы и через стену войти, не отвлекать занятого научного сотрудника.

Но высказать это я не успела: свекровь накинулась на меня ястребом.

— Маргарита! — экспрессивно вскричала она, тыча в меня тонким пальцем, унизанным кольцами. — Что это за чушь?!

— Где? — удивилась я, послушно оглядев пустой коридор.

Донал чуть заметно кивнул и отступил в сторону, предоставляя мне честь осадить свекровь.

— Ты понимаешь, о чем я! — вознегодовала она, наседая на меня. — Что за глупости ты выдумала о моей Рэйчел?! Да верней ее никого нет!

Поэтому я не хотела открывать. Свекровь мне все равно не поверит, только истерику закатит.

— Думайте, что хотите, — отбрила я и уже собиралась захлопнуть дверь, когда Донал все-таки вмешался.

— Рэйчел призналась, — веско проговорил он, и свекровь взвилась, как осажженный в галопе скакун.

— Что-о-о? — протянула она с угрозой и обернулась к нему, уперев руки в бока.

Донал бросил на меня хмурый взгляд, мол, придется ему отдуваться за двоих, и повторил:

— Рэйчел призналась. Она наводчица банды, которая недавно ограбила Донованов, Макгерти и прочих.

— Глупости! — заявила свекровь, но уже тоном ниже. Доналу удалось поколебать ее уверенность в непогрешимости горничной. — Уверена, ее заставили.

— Грабить? — усомнился Донал, приподняв бровь.

Судя по насмешливым огонькам в глазах, происходящее начало доставлять ему удовольствие.

— Что? — хлопнула глазами свекровь.

Донал пояснил любезно:

— Заставили грабить?

На ее желтоватых щеках заалели гневные пятна, она открыла рот... и закрыла, не найдя, к чему придраться. Разговаривал с ней Донал безукоризненно почтительно, а если что-то «недопонял», так что с него возьмешь?

— Заставили признаться! — проскрежетала она, вздернув подбородок. — Знаю я этих полицейских.

И поморщилась, словно учуяла неприятный запах.

— Едва ли, — тем же почтительным тоном возразил Донал. Дескать, уважаю, преклоняюсь, но вынужден вас поправить. — Допрашивали ее при мне.

Свекровь сглотнула и с ответом не нашлась. Заявить, что это все подстроил сам Донал, она не рискнула, хранитель замка — это вам не послушная (хотя бы в теории) невестка, дразнить его чревато. Разве что барону пожаловаться, только опять же — на что?

— Уверена, это недоразумение, — заявила она, поджав губы, а затем повернулась ко мне. — Маргарита, это все так не вовремя! К чаю у нас будут Адамсы и графиня Соро, а я лишилась Рэйчел! Придется положиться на Мэри, но она совсем не умеет правильно укладывать волосы!

Так вот в чем причина возмущения.

Свекровь уставилась на меня выжидающе, как кобра перед броском.

Я заметила:

— На вашем месте я не стала бы доверять Мэри. Она тоже воровка, хоть и по мелочи.

— Что?! — Свекровь вытаращила глаза и прижала руку к горлу. — Не верю!

Ее морщинистую некрасивую шею до середины прикрывал воротник, на груди переходящий в кружевное жабо с камеей.

— Дело ваше, — пожалала плечами я и зябко потерла руки с вставшими дыбком волосками. Препирательства на сквозняке меня утомили. — Только потом не жалуйтесь, что пропадают духи, платки и прочие безделушки.

Пока свекровь искала и не находила ответ, Донал в упор уставился на меня.

— Миледи, вы уверены?

— Кто еще? — спокойно ответила я. — Будем действовать методом исключения. Рэйчел на такую мелочовку не позарилась бы, Бетти ни при чем. И зачем-то ведь Мэри наврала про ее свидание с Адамом?

— Думаете, отводила подозрения от себя? — понял он и задумчиво нахмурил темные брови. Потер подбородок и признал нехотя: — Возможно...

— Что возможно?! — взвизгнула позабытая свекровь. — Я немедленно приведу сюда Мэри, и выясним все при ней!

— Немедленно не получится, — заметила я, поежившись от очередного порыва ветра. — У Мэри выходной, она вернется только после полудня.

Но остановить свекровь было не проще, чем разогнавшийся паровоз.

— Значит сразу, как вернется!

Она коротко дернула подбородком и зашагала прочь, прямая как палка.

Донал проводил миссис Скотт взглядом и поинтересовался негромко:

— Как вы думаете доказывать, что это дело рук Мэри?

— Вообще-то я собиралась применить уже проверенную тактику, — хмыкнула я. — Мол, я все про вас знаю и все такое.

Донал задумчиво покачал головой.

— Уверен, она будет все отрицать. Наглости ей не занимать.

— Есть идеи? — спросила я прямо. Своих у меня, признаюсь, было негусто.

Он вдруг кривовато улыбнулся.

— Мэри боится призраков.

— Вы хотите?.. — переспросила я недоверчиво. Вот уж не знала, что Донал склонен к таким спектаклям.

Он кивнул.

— Подыграете?

— С удовольствием, — заверила я.

— Тогда я пошел.

Он коротко кивнул и шагнул напрямиком в стену.

Я поежилась — от этих его штучек оторопь берет! — и захлопнула дверь.

Я как раз успела выпить чаю и наконец согреться, когда внизу снова требовательно постучали.

Отложив журнал, я крикнула:

— Входите! Не заперто.

На лестнице раздался сердитый перестук каблуков. Свекровь влетела в лабораторию, волоча на буксире взволнованную Мэри. Из пучка на затылке горничной выбилось несколько прядей, щеки алели, синее форменное платье слегка перекопилось. Она часто-часто моргала, не то сдерживая слезы, не то силясь их выдавить.

Что это с ней? Неужели свекровь задала взбучку? Не похоже.

При виде моей лаборатории свекровь сморщила нос, однако читать нотацию о месте женщины не стала. Ну вот, а я так старалась, создавая антураж! Жалко, черепов и прочих страстей в моем хозяйстве не водилось, зато пробирки с кровью, обгаренные чем-то подозрительным перчатки и низкое гудение центрифуги с успехом их заменяли. Для обывателя это наверняка выглядело непонятным, а оттого еще более пугающим. Вдобавок я задернула шторы, погрузив комнату в загадочный полумрак и подсветив стратегически важные места.

— Вот! — Свекровь бесцеремонно подтолкнула Мэри вперед. — Маргарита, так что ты там говорила о кражах?

Как и предсказывал Донал, нахальную девицу это нисколько не испугало.

— Миссис Скотт, но это же неправда! — заявила она горячо. — Поверьте мне!

— Свидания с Адамом — тоже? — поинтересовалась я мягко-мягко.

Взгляд глубоко посаженных глаз Мэри метнулся туда-сюда, но она уверенно стояла на своем:

— Конечно! Не было ничего такого!

— Постой, — вмешалась свекровь, на породистом лице которой читалось некоторое замешательство. — Какие еще свидания? При чем тут Адам?

Она застыла посреди комнаты, явно стараясь ни к чему не прикасаться.

— Мэри тайком с ним встречалась, — объяснила я, небрежно присев на подоконник и сверля горничную взглядом. — Адам задумал испортить артефакт, определяющий кровь Скоттов.

Свекровь ахнула и прижала руку ко рту. Ей не требовалось объяснять, какие последствия имела бы эта затея, увенчайся она успехом.

— Надеюсь?..

— Мы его прогнали, — созналась я, предоставив ей самой догадываться, кто эти загадочные «мы».

Свекровь облегченно перевела дух и уперла похолодевший взгляд в Мэри.

— Это правда? Отвечай, мерзавка!

М-да, свекровь верна себе, только на сей раз ей попалась не простодушная Бетти, а хитрая и двуличная Мэри.

— Миссис Скотт! — вскричала она, умоляюще сложив руки. — Не было ничего такого, клянусь вам! Миледи, это вы так шутите, да?

На ее глазах блестели очень натуральные слезы. Свекровь даже заколебалась, переводя взгляд с Мэри на меня и обратно.

Я от души рассмеялась и негромко поаплодировала.

— Bravo, Мэри! Прекрасно сыграно. Однако вас с Адамом видели. Видели, как вы впустили его в замок прошлой ночью. Так что не отпирайтесь.

Она всхлипнула, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

— Это неправда, неправда!

— Кто эти свидетели? — нахмурилась свекровь. — Они заслуживают доверия?

— Да! — приободрилась Мэри, утирая слезы. — Я тоже хочу знать!

Надо признать, она была хорошенькой, а сейчас — взволнованная, порозовевшая, с гневно блестящими глазами и растрепанными рыжевато-каштановыми волосами — могла заставить учащенно биться не одно мужское сердце. Если оно, конечно, еще билось. К счастью, у призраков сердец нет.

Электрическая лампа замигала и погасла, а темную комнату залило призрачное серебристо-голубое сияние. Потом раздался жуткий потусторонний смех и прямо из стены выплыли два полупрозрачных силуэта: один молодой, в старинной броне и со шлемом под мышкой, другой — старик, одетый по моде двадцатилетней давности.

Свекровь вскрикнула и попятилась. Мэри, напротив, не могла сдвинуться с места. В лице ее не было ни кровинки, глаза некрасиво вытаращились, рот приоткрылся, но из него не вылетало ни звука.

— Позвольте представиться. — Рыцарь галантно поклонился, что в латах было, вероятно,

непростой задачей. — Рэмуальд Скотт, пятый барон Мэлоуэн.

— Ричард Скотт, шестнадцатый барон, — ворчливо отрекомендовался старик, едва склонив голову.

— Мы — свидетели, — заявил Рэм торжественно, — что эта девица водила шашни с Адамом Скоттом.

— Рэм, — поморщился старик, — что за выражения, скажи на милость?

— Обычные выражения, — задиристо ответил Рэм и жутковато усмехнулся. — И вообще, не придирайся. Смотри, какая мелкая грязная душонка! Мне за нее точно разом скостят десяток грехов, а может, даже два.

Мэри наконец отмерла и завизжала на одной ноте, да так, что Рэм поморщился.

— Ну и голосок! — Призрак нахлобучил на голову шлем, оставив открытым забрало, и рявкнул: — Тихо!

Горничная поперхнулась криком. Уставилась на призрака в ужасе.

— Лучше сознавайся, — посоветовал старый барон, сурово хмурясь. — Сознаешься — тобой займутся всего лишь земные власти, а если нет...

— Тогда тобой займемся мы! — пообещал Рэм кровожадно, сверкнув потусторонним светом глаз в темном провале забрала.

Угроза повисла в воздухе, будто грозовая туча. Даже меня пробрало, что уж говорить о перепуганной до полусмерти Мэри!

— Я... Я... Я не хотела! — пролепетала она трясущимися губами. Ее колотила крупная дрожь. — Я думала, так будет лучше!

Я лишь головой покачала. Надо же, так хорошо держалась, а на какой-то ерунде вдруг растеклась, как масло на солнце.

Все-таки Донал молодец, сходу учуял ее слабое место.

— Сама придумала? — хмыкнул Рэм. — Или Адам надоумил?

— Адам! Он с самого начала так хотел. Говорил, что это шанс, и... — Она опустила глаза. — Обещал жениться.

Старый призрак крикнул, а свекровь совершенно не по-аристократически вытаращила глаза. Она ведь даже меня и Николь считала негодными на роль баронессы Мэлоуэн, а тут какая-то горничная!

— Зачем он хотел убить баронессу? — допытывался Рэм, нависая над трясущейся Мэри.

Та замотала головой.

— Это не он! Клянусь вам, не он! Я бы знала, он ведь не мог сам пробраться в замок! Не было тогда его тут, хотите, побожусь? Он собирался выставить его милость незаконнорожденным, вот и все!

Смертельно бледная свекровь хватала воздух ртом.

— Выпейте. — Я подсунула ей заранее приготовленный стакан с водой.

Она судорожно кивнула и принялась, захлебываясь, пить.

Старый барон вперил недобрый взгляд в трясущуюся Мэри и проронил глухо:

— Вон с глаз моих! Увижу тебя еще раз — пеняй на себя!

Мэри сглотнула.

— Да, сэр! Я могу идти?

Такая послушная, любо-дорого посмотреть. Умеют все-таки призраки нагнать жути.

— Иди! — вдруг подала голос свекровь, бледная и гневная, как дух мести. — И знай, что тебя больше ни в один приличный дом не возьмут!

Эту угрозу Мэри восприняла равнодушно — по сравнению с геенной огненной она как-то не котировалась. Хотя и та, сдаётся мне, вдали от замка позабудется быстро.

— Баронессой хотела стать? — Спокойный голос Донала заставил вздрогнуть всех (кроме призраков, конечно).

Мы дружно уставились на каменную стену, из которой начал плавно и эффектно проявляться начальник стражи. Я старалась не рассмеяться, свекровь нервно глотала воду, а Мэри тарашилась на Донала с суеверным ужасом. Может, какие-то байки о нем среди прислуги и ходили, но горничная явно в них не верила... до сего момента.

— Отвечай, — пихнул ее локтем в бок непоседа Рэм.

— Д-да, — выдавила она, вжавшись спиной в стену напротив.

— Тогда я должен наказать тебя как хранитель замка Мэлоуэн! — сурово заявил Донал, и Мэри икнула.

— Нет, сэр, прошу вас! Не надо!

— Надо, Мэри. — Донал одним гибким движением оказался рядом и ткнул ее пальцем в лоб. Кожа тут же покраснела и вспухла волдырем, а Мэри тихонько завывала.

— Что?.. — пробормотала свекровь, но Донал не обратил на нее внимания.

— Я наложил заклятие, — сообщил он, глядя в полные ужаса глаза бывшей горничной. — Ты позарилась на чужую судьбу и за это лишишься своей. Ты выйдешь замуж за мота и картежника и всю оставшуюся жизнь будешь прозябать в нищете. Теперь уходи.

— Не-э-эт! — всхлипнула она и попыталась поцеловать ему руку. — Сэр, прошу вас! Умоляю!

Он не поморщился, даже не оттолкнул ее брезгливо. Отвернулся равнодушно, оставив девушку корчиться и причитать.

— Эй, тебе пора, — легонько тронул ее за плечо Рэм.

Она лишь помотала головой и сжалась сильнее.

— Ладно, — вздохнул старый барон. — Придется нам с тобой поработать, Рэмуальд.

Призраки переглянулись и попытались подхватить горничную под руки. Это придало ей невиданной прыти. Вскочив на ноги, она рванула к лестнице и почти скатилась по ней, не разбирая дороги. Минуту спустя о ней напоминали лишь затихающий стук каблучков и запах смертельного страха.

— Не знала, что вы такое можете.

— Я не могу, — хмыкнул Донал, бросив на меня короткий взгляд, и обменялся рукопожатиями с призраками.

— Но...

— Главное, что она поверила, — обернувшись, подмигнул мне Рэм. — Остальное сама сделает. Ну, бывайте!

И, отсалютовав мечом, утащил старого призрака прочь, тот едва успел скомканно попрощаться.

— Впечатляет, — одобрила я и полезла в ящик стола за шоколадом. — Хотите кофе?

Ради такого случая я готова была угостить даже свекровь, тем более что после явления призраков она несколько присмирела (надолго ли?). Однако она моего порыва не оценила.

Бросила взгляд на часы, зачем-то пощупала свои изрядно растрепанные волосы и спросила горестно:

— Кто теперь меня причешет?!

Проблема века, ничего не скажешь.

Следующие несколько дней я безвылазно провела в лаборатории. Отвлекали меня от исследований только кошки, со скуки устроившие в спальне тарарам, да Донал.

Сначала он несколько раз ко мне заглядывал — проверить, все ли в порядке у охраняемого объекта. Потом я сама его позвала, чтобы расспросить о особенностях рода Скоттов (кого еще спрашивать?), затем попросила помочь с опытом... Как-то само собой вышло, что Донал стал ассистировать мне постоянно.

Я не возражала: инструменты он знал превосходно и в генетике недурно разбирался.

— Послушайте, Донал... — проговорила я задумчиво, когда он с лету выдал мне список рецессивных признаков. — Вы явно давно интересовались и магией, и наукой. Зачем это вам?

Он улыбнулся скупой, невеселой улыбкой.

— Много свободного времени.

Я прикусила язык, поняв. Это поначалу кажется, что бесконечная жизнь — дар божий. Потом, когда пролетает год за годом, а ты сидишь в замке, как пес на цепи... С тоски удавиться впору!

Больше я не заикалась о том, чтобы прогнать Донала на пост в коридоре. К тому же работалось нам вместе на удивление хорошо. Как ни странно, его присутствие мне не мешало, с Доналом было... уютно, что ли? Это неправильно, когда тебе комфортно молчать с посторонним человеком. Понимающее молчание — признак душевной близости. Но я запретила себе об этом думать. Какая, к хромосомному набору, душевная близость с духом замка?! Пусть даже руки у него теплые и взгляд такой... Тьфу!

Нас никто не беспокоил, словно все обитатели замка вдруг напрочь позабыли о Западной башне и ее новых обитателях. Бетти приносила еду и вести из «большого мира». Она рассказала, что моя свекровь всюду занимается подготовкой приема, муж прошел наконец проверку на амулете крови, успокоился и теперь день-деньской пропадает на конном заводе, а Джорджине все еще нездоровится. Улучив минутку, в башню прокралась Хелен, вручила мне сумку и, воровато оглядываясь, поспешно сбежала.

Впрочем, от недостатка общения я не страдала — с головой погрузилась в исследования, благо все необходимое для них у меня наконец-то было. Барон пытался увильнуть от сдачи образцов, но я пожаловалась Доналу, а отделаться от него Фицуильяму оказалось не под силу. Зато мне, к немалому облегчению, не пришлось объяснять «мужу» тонкости получения семенной жидкости. Процедура несложная, однако стоило об этом заговорить, он чуть не проваливался сквозь пол от неловкости.

Пока мои эксперименты успехом не увенчались, но оптимизма я не теряла. Решение рано или поздно найдется.

Вопреки моим оптимистичным прогнозам, работа шла ни шатко ни валко, а к выходным совсем застопорилась. Я нарезала круги по лаборатории, пыталась добиться результата и так и эдак, в конце концов опустила до банального перебора всех доступных вариантов. Проклятие сдаваться не желало.

— Да чтоб вас всех! — шепотом выругалась я, глядя на яйцеклетку и сперматозоид, которые никак не сливались в вожделенную зиготу.

— Не выходит? — негромко, с сочувствием поинтересовался Донал за спиной.

Я со вздохом потерла лоб, а потом и уставшие от бдения за микроскопом глаза.

Отрицательно качнула головой и спросила, не оборачиваясь:

— Что будет, если у меня не получится?

Короткая пауза. Потом на мои ссутуленные плечи легли горячие ладони.

— У вас все получится, Грета.

Так тепло он это сказал, так уверенно, что у меня вдруг совсем по-девчоночьи защипало глаза.

Куда подевался старший научный сотрудник? Взрослая и уверенная женщина, ау! Хотелось зажмуриться, чтобы по секундам цедить момент нечаянной близости.

— И все-таки? — не сдавалась я зачем-то.

Запрокинула голову, глядя на него снизу вверх.

— Ничего страшного не случится. — У Донала дрогнули пальцы, и он нежно, еле ощутимо погладил мои плечи. Потом развернул меня к себе лицом. — После той ночи Адам исчез и вряд ли снова объявится. Если он не явится в суд, дело закроют. Так что Фицуильяму больше ничего не грозит.

— Роду ведь нужен мальчик.

В голове крутилась мысль — бредовая, но такая соблазнительная! Артефакт определяет кровь первого барона. Кровь Донала. На ощупь он ничем не отличается от обычного живого мужчины. Что, если?.. Нет. Я так не смогу — и он не сможет.

На всякий случай стоило сделать парочку анализов. В конце концов, если хранитель замка скорее дух, чем человек, это тоже неплохо — можно не опасаться беременности.

Словно подслушав мои крамольные мысли, Донал резко отдернул руки. Отошел к окну и, раздвинув шторы, невидящим взглядом уставился на зеленые холмы.

— Может, пора наконец оборвать этот проклятый род? — сказал он мрачно.

— Как же тогда вы?.. — растерялась я.

Что станет с хранителем, если порученный его заботам род вымрет? Рассудок тут же выдал наиболее вероятный вариант, и как же он мне не понравился!

Донал передернул широкими плечами.

— Я устал, — признался он глухо. — Триста лет — долгий срок.

Я молчала, не зная, что на это ответить. Заверить, что жизнь прекрасна? Что мир вокруг стоит того, чтобы жить? Донал намертво привязан к замку, вынужден довольствоваться поместьем, книгами и редкими вылазками наружу по приказу барона. Да за три столетия такой «жизни» немудрено и озвереть!

И все же...

— Донал! — окликнула я.

Когда он обернулся, я порывисто шагнула к нему и прижала ладонь к его груди. Он затаил дыхание, но его сердце билось предательски часто.

— Вы дышите, — сказала я, глядя ему в глаза. — Мыслите. Чувствуете. Стоит ли себя хоронить?

— Грета. — Он осторожно положил горячую руку поверх моей. — Вы скоро уедете и...

Он вдруг умолк и напрягся. Прислушался к чему-то и, бросив на меня короткий взгляд, нырнул в каменную толщу.

Из коридора внизу послышались голоса: преисполненный важности баритон дворецкого, низкий хрипловатый голос Донала и незнакомый бас.

Затем в дверь коротко постучали.

— Миледи, — позвал Донал вежливо. — Можно войти?

— Да! — крикнула я в ответ, торопливо приглаживая волосы и окидывая лабораторию критическим взглядом. Немного беспорядка, но сойдет. Не в спальне же незнакомца принимать.

— Миледи, — вновь повторил Донал, остановившись у входа. — К вам инспектор Макинтош. Примете?

Особо встревоженным он не выглядел, однако брови хмурил.

— Конечно, — кивнула я, гадая, что бы это все значило.

С какой стати ко мне заявила полиция? Неужели как-то проведали о покушениях? Нет, глупость — полиция не станет вмешиваться в дела знати, когда об этом не просят. Ладно бы убийство, а тут всего лишь череда странных происшествий, возможно, случайных, и несколько писем с угрозами — вполне вероятно, чья-то глупая шутка.

Донал коротко кивнул, одарил меня непонятым взглядом и спустился вниз, а после по лестнице поднялись уже двое. Легкие шаги начальника стражи, тяжелая поступь незнакомца.

Инспектор оказался грузным мужчиной средних лет, с красным лицом и неожиданно острым взглядом из-под кустистых бровей. Недовольно поджатые губы и глубокие складки у рта придавали ему брюзгливый вид. Он окинул лабораторию быстрым взглядом и нахмурился еще сильнее.

Донал вежливо посторонился, пропуская гостя вперед, но не ушел — замер в сторонке, недвижимый, как античная статуя. Для полного сходства ему оставалось только сменить костюм на фиговый листок. Кхм.

— Миледи. — Полицейский снял несколько засаленную шляпу и вежливо склонил почти седую голову. — Я инспектор Макинтош из полиции округа.

— Маргарита Скотт, баронесса Мэлоуэн, — в свою очередь официально представилась я. — Чем могу быть вам полезна, инспектор?

Полицейский недовольно покосился на подпиравшего стенку Донала и пробурчал:

— Я должен задать вам несколько вопросов.

— О чем же? — удивилась я почти искренне и спохватилась: — Присаживайтесь, инспектор.

Полицейский тяжело опустился в кресло со шляпой в руках.

— Миледи, вы знакомы с Адамом Скоттом?

Донал тревожно шевельнулся, но смолчал. Мне такой поворот тоже не понравился.

— Разумеется, — пожала плечами я.

Он потер квадратный подбородок.

— Когда вы встречались с мистером Скоттом в последний раз?

Я для вида задумалась.

— Кажется, мы вообще виделись всего однажды, за чаем. Я много слышана о родне мужа, но мало с ней знакома.

И век бы ее не знать.

Похоже, от инспектора подоплека ответа не ускользнула. Он почесал левый глаз и чуть подался вперед.

— Миледи, буду говорить откровенно. Мистер Адам Скотт исчез несколько дней назад, и мы получили сведения, что вы к этому как-то причастны.

Он так и впился взглядом в мое лицо.

Зря я отбрыкивалась от школьного театрального кружка. Тогда мне это казалось глупостью — я с детства мечтала о научной карьере, а не о подмостках, — а вот поди же ты. Пришлось импровизировать.

— Причастна? — повторила я, подняв брови. — Простите, каким образом?

— Это нам неизвестно, — сознался полицейский чуть мягче. — Но Адам Скотт перед исчезновением собирался нанести визит в замок. Здесь он встретился с вами, леди, и... исчез.

— Что за глупости! — заявила я с вполне оправданным гневом. — Кто вам такое сказал?

Неужели Адам кому-то сболтнул, что собирался в ночной поход? Или, что вероятнее,

уволенная с позором Мэри подгадила напоследок.

— Анонимное письмо, — сознался инспектор после паузы.

— И вы сразу поверили? — удивилась я. — Может, Адам Скотт вообще не пропадал, а уехал по делам?

Инспектор медленно покачал головой.

— Следующим утром его ждали к чаю в доме невесты, мисс Локуэлл, однако мистер Скотт там не появился и в гостиницу не вернулся. Так он здесь был?

— Инспектор. — Я глубоко вздохнула, стараясь держать себя в руках. — Откуда же мне знать? Если он навещал мою свекровь или мужа, об этом лучше спросить у них. Я живу здесь уединенно и уверяю вас, мистер Скотт визитов не наносил! Ни тогда, ни вообще.

— Слуги говорят, что в тот день мистер Адам Скотт с визитом не являлся, — разомкнул губы Донал.

Полицейский бросил на него недовольный взгляд и вновь немигающе уставился на меня.

— Поговаривают, кхе-кхе, что в старинных замках часто бывают потайные ходы...

Я переварила прозрачный намек и медленно встала.

— Хотите сказать, что у меня с Адамом было любовное свидание?

Под моим взглядом, исполненным праведного негодования, полицейский заерзал на протестующе скрипнувшем стуле.

— Я ничего не хочу сказать, — пошел на попятный он. — Пропал человек, и я обязан его искать.

— Миледи живет в замке всего три недели, — вмешался Донал негромко, обращаясь не к моральной стороне вопроса, а к практической. — Откуда ей могут быть известны тайные ходы?

Инспектор затруднился с ответом.

Версия, что тайный ход для встреч с Адамом подсказал мне муж, не выдерживала никакой критики.

Выждав, чтобы до полицейского дошла вся шаткость его положения — обвинять баронессу на основании какой-то анонимки! — Донал продолжил:

— В тот вечер и ночь миледи не покидала своих покоев. Я лично охранял вход. По приказу милорда, разумеется.

Инспектор пожевал губами, однако не стал спрашивать, к чему такие предосторожности. Судя по выражению его багровой физиономии, объяснение полицейский придумал только одно — ревнивый муж заточил жену в башню и посадил у входа сторожевого дракона.

— Кстати, инспектор, — не удержалась я. — Мы недавно уволили двух горничных. Вы не думали, что эта, — я запнулась, подбирая слово, — писулька — дело рук одной из них?

Пусть лучше он Мэри хорошенько потрясет. Знать она толком ничего не знает, снова открыть ходы не сумеет — за это Донал ручался — остальное же будет выглядеть ее мелкой мезью.

Хмурое чело инспектора почти разгладилось, и он взглянул на меня с проклюнувшейся улыбкой.

— Точно, — щелкнул пальцами он. — Одна девушка оказалась наводчицей банды, а вторую за что?..

— Тоже воровала, по мелочи, — объяснила я коротко. — Духи, платки и все такое.

Как я и думала, такая ерунда инспектора не заинтересовала.

— Куда катится мир, — посетовал он рассеянно.

Затем поднялся и отвесил уже куда более уважительный поклон. Анонимка получила

логическое объяснение, а раз семья и слуги хором заявляют, что в глаза Адама не видели, то он наверняка пропал еще по дороге к замку.

— Простите за беспокойство, леди. — Он прижал шляпу к груди. — Надеюсь, вы понимаете, служба...

— Да-да, конечно, — поколебавшись, я все же подала ему руку. — Была рада знакомству, инспектор.

— И я очень рад.

Полицейский откланялся. Донал последовал за ним, но задержался на пороге.

— Мне кажется, вам нужно отдохнуть, отвлечься, чтобы с новыми силами приняться за работу.

— Может быть, — согласилась я неопределенно, гадая, что он задумал.

Донал не заставил меня долго теряться в догадках.

— Завтра в деревне праздник. Будет ярмарка, фейерверки... Хотите пойти?

— День рождения короля! — сообразила я, с трудом вспомнив, какое сегодня число. Вот что значит с головой уйти в работу.

Донал хмыкнул и кивнул.

— Так что скажете? Пойдете?

Свидание? Мы слишком близко подошли к черте, за которую не стоит переступать. Пойти с Доналом хотелось — и еще как! — вот только от мысли об очередном скандале со свекровью начинали болеть зубы. И все же отказаться я не смогла. Гори оно все синим пламенем!

Часть четвертая

ВЫВОДЫ

— Джорджина, перестань, — выговаривала Хелен на ухо сестре. — Ты ведешь себя неприлично!

Младшая пропустила этот аргумент мимо хорошеньких ушек.

— Подумаешь! Я всего лишь хотела, чтобы нас повез Майкл, а не этот страшный человек.

«Страшный человек» даже ухом не повел, преспокойно рулил себе дальше.

— Но у Майкла выходной, — терпеливо возразила Хелен, привыкшая к капризам сестры.

— Подумаешь! — фыркнула Джорджина. — Вот и погулял бы на ярмарке в свой выходной!

Я закатила глаза и отвернулась к окну. Поля, зеленые холмы, овцы. Мрачная громада замка осталась позади, теперь автомобиль катил к ближайшей деревушке.

Хелен с Джорджиной устроились рядом со мной, напротив восседала свекровь, а подле нее — Фицуильям, причем у бедняги был такой вид, словно на сиденье ему подложили кнопку. За руль пришлось сесть Доналу, и я радовалась этому не больше Джорджины. С утра Скотты вдруг решили посетить ярмарку полным составом, так что вместо обещанного Доналом свидания нас ждала чинная семейная прогулка. И даже не знаю, что я больше испытывала по этому поводу — облегчение или разочарование...

Сестры переругивались шепотом, чтобы не слышала строгая маменька. Той было не до них: она что-то шипела на ухо барону, который в ответ лишь страдальчески морщился. Сегодня девушки были необыкновенно хороши: милая, романтичная Джорджина с туманным взором широко распахнутых голубых глаз, лукавой улыбкой и ямочками на круглых щечках, одетая в розовое воздушное платье, и прохладно-отстраненная Хелен в сдержанном темно-голубом шелке, мягко облегающем ее стройную фигуру.

Наконец автомобиль остановился. Барон помог выйти матери и сестрам, а мне на помощь пришел Донал.

— Давайте сбежим, — тихонько предложила я, опираясь на его твердую руку.

Он мимолетно улыбнулся и чуть крепче сжал мои пальцы.

— Непременно, — ответил он, почти не шевеля губами. — Чуть позже.

— О чем вы там секретничаете? — поинтересовалась вездесущая свекровь, чуя своим тонким аристократическим носом какой-то подвох.

— О пустяках, — безмятежно улыбнулась я. — Обсуждаем, что стоит посмотреть в первую очередь.

— Можно подумать, Донал в этом понимает! — фыркнула свекровь и подцепила дочерей под руки. — Мы начнем с благотворительного базара. Правда, девочки?

Действительно, что он понимает? Донал в замке прожил три столетия, а свекровь пару лет как перебралась в эти края, но уверена, что лучше разбирается в местных развлечениях.

— Да, мама! Конечно, мама! — нестройно поддержали Хелен с Джорджиной, одинаково страдальчески морщась.

Перспектива их, очевидно, не прельщала, однако спорить из-за таких пустяков они не стали. В самом деле, можно ведь потом затеряться в толчее, заметить в толпе знакомого, отойти за пуншем или воспользоваться любой другой уловкой, чтобы сбежать из-под строгого надзора матери.

— Мы с Маргаритой прогуляемся вдвоем, — решил Фицуильям и подставил локоть.

Свекровь благосклонно кивнула и степенно удалилась, уводя с собой дочек.

Мне ничего не оставалось, кроме как поправить новенькую соломенную шляпку (Бетти вчера срочно открепляла с нее ненавистные розочки и украшала маргаритками) и согласиться на

компанию «мужа». Донал увязался за нами.

— Прошу прощения, что похитил вас, — обратился ко мне барон, едва свекровь скрылась с глаз. — У меня здесь кое-какие Дела, не хотелось весь день...

— Выслушивать нотации матери? — подсказала я, когда он запнулся.

Барон нехотя кивнул и оглянулся на Донала, неотступно следующего за господином в двух шагах позади. Начальник стражи выглядел, по обыкновению, невозмутимым.

— Я должен кое с кем поговорить. — Барон осторожно снял со своего локтя мою ладонь. — Дорогая, надеюсь, вам не будет скучно. Я скоро вернусь. Донал, присмотри за Маргаритой.

Он вручил брюнету мою руку и, широко улыбаясь, направился к группке негромко беседующих мужчин. Судя по одинаковой красно-зеленой расцветке килтов, они были то ли родственниками, то ли земляками. Тут вообще многие мужчины были в такой одежде, кое-кто даже разукрасил лицо синей краской. Скотты и их культура нынче в моде, и власти мудро эту моду поддерживают — присматривая, разумеется, чтобы игры в национальное самосознание не выходили дальше таких вот праздничных гульбищ.

Фицуильям (как, впрочем, и Донал) щеголял сегодня в малом килте, эдакой складчатой юбке в клетку, традиционном мужском наряде на местных праздниках.

— Это было благословение? — поинтересовалась я вполголоса.

Зря осторожничала, вокруг кипела и бурлила ярмарка, а неподалеку оркестр наяривал марш. Бой барабанов и заунывное пение волынки, какофония голосов — в таком гаме сложно хоть что-то разобрать. Народу было неожиданно много, набраться столько людей в одной-единственной деревушке никак не могло. Теплый летний день манил прогуляться, поглазеть на клоунов и акробатов, полюбоваться выставкой цветов, попробовать свои силы в стрельбе из лука или ходьбе на ходулях.

Основное действо — костюмированная «битва» с врагами короны — должно было начаться в полдень, до него оставалось больше часа.

Вместо ответа Донал легонько сжал мои пальцы.

— Хотите чаю?

— Не откажусь, — ответила я, озираясь по сторонам. Столько людей.

На нас тоже глазели с любопытством. И на меня — еще бы, свалилась непонятно откуда и с ходу отхватила такого мужа! — и на Донала. Как же он был хорош! Белая рубашка обрисовывала широкие плечи и крепкие руки, килт в сине-зелено-серую клетку ладно облегал узкие бедра, на ногах — шерстяные гетры и грубые ботинки. Наряд дополнял кинжал в простых ножнах, а нарисованные на лице синие извилистые линии придавали Доналу диковатый и суровый вид. Сущая погибель для женского сердца!

Барон тоже был по-своему красив — светловолосый, голубоглазый, пропорционально сложенный, с правильными чертами лица — но уступал своему начальнику стражи по всем статьям. Фицуильям походил на Донала в десятикратном разведении.

— Ярмарку всегда проводят вблизи замка, — объяснил Донал, увлекая меня к полосатому бело-зеленому тенту, под которым прятался лоток с чаем и всякой снедью. — Сюда съезжаются со всей округи. Кстати, вы отлично выглядите, Грета.

Я моргнула от резкой смены темы, затем рассмеялась. Приталенное травянисто-зеленое платье хоть и было совсем простым, но очень мне шло.

— Могу ответить вам тем же. Вам очень к лицу образ вождя скоттов.

Донал хмыкнул и сознался вполголоса:

— По правде говоря, я совсем отвык.

Поколебавшись, я все-таки спросила:

— Вас не раздражает это все? — Я обвела рукой бурлящую вокруг толпу.

Как это видится тому, кто лично сражался в Саунсесской битве? Праздновать поражение, после которого скотты так и не смогли оправиться? Смотреть, как потомки гордятся, что верно служат династии, поставившей твою страну на колени?

Я покосилась на спокойное лицо Донала, и он ободряюще мне улыбнулся.

— У меня было время это принять. Сейчас я жалею только об одном.

— О чем же?

Я ожидала чего угодно, от печали по утраченной независимости до ностальгии по рагу из потрошков, которое нынче совсем разучились готовить, только не тихих слов:

— Что мы тут не вдвоем.

У меня даже дыхание перехватило.

— Да, народу многовато, — признала я со смешком, стараясь не покраснеть слишком уж явно. — Не зря я взяла сумочку с магической защитой. В такой толпе наверняка уйма карманников.

— И не только, — нахмурился Донал, крепче сжав мою руку. — Пожалуйста, не отходите от меня ни на шаг. Зря я вообще привел вас сюда, тут может быть опасно.

Хоть и приятно, что он обо мне беспокоится, я возразила:

— Не могу же я годами сидеть в башне! Честно говоря, мне уже поднадоела жизнь затворницы.

В Западной башне мне ничто не угрожало, незамеченной туда не пробралась бы даже мышь (кошки бдели). Преступник на время затаился — ни угроз, ни новых покушений, — но не может же это затишье длиться вечно!

— Понимаю, — ответил Донал после паузы и повторил упрямо: — Это все равно опасно.

— Раз так, может, устроим преступнику ловушку? Я погуляю одна и посмотрю, кто клюнет. По-моему, отличная возможность.

Надо вывести его на чистую воду, иначе мне никогда не будет покоя.

— Даже не думайте! — Теперь в голосе Донала слышалась неподдельная тревога. — Это рискованно.

— Хотите сказать, вы не сможете незаметно присматривать за мной издали? — осведомилась я коварно.

— Смогу, — признал он нехотя, остановился и взял меня за плечи, не обращая внимания на любопытные взгляды. — Но ведь бывают и неожиданности! Оно того не стоит.

— Никакого риска. Ваш пистолет при мне, — я многозначительно похлопала по сумочке, — и вы подстрахуете. К тому же вокруг — толпа! Что скажете?

— Давайте поищем другие пути, — ответил он сдержанно. — Рано или поздно преступник попадется.

Хорошо бы! Только вот немало преступлений остаются нераскрытыми.

— Вы же догадываетесь, кто это?

У меня самой догадки были, а вот с доказательствами — негусто, одна голая дедукция.

Ответить Донал не успел.

— Молодой человек! — окликнул кто-то со спины. — Да-да, я к вам обращаюсь!

Нас нагонял полный господин в «большом килте» и с нелепой прической хохолком. Вид у господина был задиристый, как у молодого петушка, хотя его пегие волосы уже начали седеть. Зато бледно-голубые глаза за стеклами золотых очков сверкали юношеским задором.

— Уф! — выдохнул он, с трудом переводя дух, и помахал перед лицом пухлой ладонью.

Я могла поклясться, что вижу его впервые, но было в нем что-то подозрительно знакомое. Дальний родственник Скоттов, какой-нибудь семиюродный дядюшка? Хотя курносый нос и круглая физиономия даже отдаленно не походили на черты потомственных аристократов.

— Вы что-то хотели, сэр? — поинтересовался Донал холодно, эдак невзначай задвигая меня к себе за спину.

— Да! — опомнился незнакомец и выпятил грудь. — Я — профессор Энрике Дэррени из Уортфинского королевского университета.

— Пфф! — не сдержалась я.

Понятно теперь, почему лицо профессора показалось мне знакомым. На нем лежала печать некоторого безумия, присущего всем увлеченным людям.

Профессор моей невежливости не заметил. Он окинул Донала оч-чень внимательным взглядом и всплеснул руками.

— Это нелепо! Безобразие!

Он обошел Донала вокруг, бессвязно причитая и страдальчески морщась. Вот привязался!

— Что именно? — вмешалась я, скрестив руки на груди.

— Вот это! — Профессор бесцеремонно ткнул в Донала пальцем, а потом нахально цапнул его за килт. Пошупал материю и наклонился, чтобы рассмотреть ее получше, чуть не уткнувшись носом в сумку-спорран, которой горцы прикрывали самые уязвимые места впереди. — Снимите это! Немедленно! Слышите?!

Я хмыкнула, в красках представив эту сцену. Пожалуй, она затмила бы и клоунов, и актеров, вместе взятых. Интересно, Донал носит килт по всем правилам, без исподнего?

— Слышу, — заверил Донал и ловко отцепил от себя загребущую руку ученого. — Боюсь, дамы будут против.

Ну, не так уж и против...

— Вы не можете так уйти! — наседали профессор на несчастную жертву науки. Такую бы кипучую энергию — да в мирное русло.

Донал насмешливо скривил губы и, обойдя профессора, вновь двинулся к чайной палатке. Мы были уже совсем близко, но профессор тоже не отставал. Отдышавшись, он продолжил громко:

— Такой узор на килте может носить только вождь Мак-Гринов! — поучал «знаток», все повышая и повышая голос. — И на спорране не должно быть роз! Только чертополох, запомните! Это глумление над древней культурой наших предков!

С этими словами он энергично дернул Донала за «юбку» сзади. «Юбка» удержалась, Донал нет. Начальник стражи сгреб в кулак воротник рубахи ученого вместе с клетчатой тканью килта, вздернул его за шкуру и поднял повыше. В своем «большом килте», а попросту — здоровенном куске клетчатой ткани, задрапированном вокруг торса и бедер, почтенный профессор выглядел нелепо, а сейчас еще и жалко.

— Что вы делаете?.. — заверещал ученый, болтая ногами. — Отпустите меня, вы!

Донал легонько его встряхнул и попросил:

— Помолчите.

Вежливо попросил, но профессор, заглянув в его ледяные глаза, осекся на полуслове.

Яростно закивал, приговаривая испуганно:

— Да-да, конечно-конечно!

Вокруг начала собираться толпа, но никто не спешил вступить за профессора. Похоже, Донала тут знали и уважали.

— У нас говорят: «Пока ночь — гуляем, драться будем поутру», — сказал он негромко. — Вы

меня понимаете, профессор?

— Да-да! — тот вжал голову в плечи, наконец сообразив, что в научном угаре несколько увлекся. — Простите, сэр!

Донал поставил профессора на землю и даже заботливо поправил на нем перекошенный воротник рубашки. Кто-то из фермеров засмеялся, девушки шушукались, стреляя глазками в статного начальника стражи, а через толпу пробивался Фицуильям в сопровождении уже знакомого мне инспектора Макинтоша.

— Что здесь происходит? — хмуро поинтересовался полицейский, смерив взглядом взъерошенного профессора и невозмутимого Донала.

Фицуильям вопросительно посмотрел на своего начальника стражи, тот ответил едва заметным пожатием плеч.

— Ничего, — заверил ученый и нервно огляделся, сообразив наконец, что оказался в центре внимания. — Небольшой спор об исторических аспектах расцветки тартана. Чисто научная, — он прищелкнул пальцами, — дискуссия.

— А-а-а! — протянул инспектор. — Профессор Дэррени, верно?

— Он самый! — встрепенулся профессор, украдкой оправляя помятый килт. — А вы?

— Скромный полицейский инспектор, моя фамилия Макинтош, — отрекомендовался инспектор, протягивая руку. — Вы ведь тот самый автор монографии «Особенности формирования узоров тартанов и вопросы их видоизменения под влиянием исторических процессов»? Давно хотел обсудить с вами тонкости ношения клановых и родовых килтов.

— Охотно! — обрадовался профессор, энергично тряся его ладонь.

Они вместе пошли прочь, оживленно беседуя.

— Что это было? — поинтересовался барон, проводив их озадаченным взглядом.

— Историк, — объяснил Донал исчерпывающе. — Все в порядке, милорд. Вы можете возвращаться к своим делам.

Я отвернулась, пряча улыбку, но Фицуильям пропустил толстый намек мимо ушей.

— Я почти закончил, — отмахнулся он, пристраиваясь слева от меня. По правую руку шел Донал. — Вы собирались пить чай? Отлично, я с вами.

Донал нахмурился, однако промолчал. Отгонять господина от его же законной жены, да при всем честном народе было как-то не комильфо.

— Маргарита? — Барон предложил мне локоть.

Мы чинно шествовали под ручку, когда Фицуильям вздрогнул и во все глаза уставился на хорошенькую блондинку, идущую нам навстречу. Она была красива той нежной неброской красотой, которая отличает лесные цветы. На ярком солнце они теряются и блекнут, зато под густыми кронами деревьев неудержимо влекут к себе какой-то диковатой прелестью. Зеленое платье было ей очень к лицу, оттеняя нежный румянец и светлое золото волос. Лесная фея, и только.

При виде барона она сначала побледнела, потом покраснела, а затем отвела взгляд, якобы заинтересовавшись попыткой какого-то молодца достать приз с верхушки гладкого столба. Народ толпился вокруг, поддерживая храбреца выкриками и улюлюканьем.

Барон встал как вкопанный, с такой щемящей болью глядя на недоступную блондинку, что только форменная идиотка не поняла бы, кто это.

— Добрый день, Николь, — сдавленным голосом произнес Фицуильям.

— Мисс Тейт! — поправила она резко, и барон словно подавился языком.

Так они и стояли, глядя друг на дружку. Потом Николь зло сверкнула глазами и, фыркнув, пошла прочь.

Если у меня и мелькала мысль, что за покушениями на меня стоит бывшая жена барона, то

сейчас я ее отбросила. К чему такие сложности? Ей достаточно Фицуильяма пальчиком поманить. Вот и сейчас он дернулся за ней, таща меня на буксире.

Я высвободила ладонь из-под локтя барона и, вздохнув, обернулась к Доналу:

— Пойдемте. Пусть эти двое наконец объяснятся.

— Не поможет, — ответил Донал многоопытно, но подчинился.

Взяв по чашке ароматного чая с бергамотом, мы сели за столик под тентом. Донал молчал, я вполглаза наблюдала за Фицуильямом с Николь. Даже не слыша слов, можно было без труда догадаться о сути разговора. Барон что-то пытался ей втолковать, она же делала вид, что любит цветы. Если и отвечала на его пылкие признания, то коротко и сухо. Наконец Николь бросила бывшему мужу какую-то колкость и гордо пошла прочь.

— Я сейчас! — поспешно сказала я и со всех ног кинулась догонять эту дуреху.

В конце концов, Фицуильям мне не совсем чужой, так что я не вмешиваюсь в чужие дела, а забочусь о... ну, скажем, кузене. Внучатом.

Успокоив себя таким образом, я миновала стоящего столбом барона с горестно опущенными уголками рта и окликнула громко:

— Мисс Тейт! Пойдите, мисс Тейт!

Поначалу она не реагировала, однако быстро поняла, что мы привлекаем внимание. Остановилась и обернулась, яростно сжимая кожаную сумочку:

— Что вам угодно, мисс?..

Мы обе знали, что я — миссис, но укол был настолько детским, что я лишь улыбнулась.

— Мисс Тейт, я хотела бы с вами поговорить, — быстро сказала я, пока она не опомнилась.

— О чем же? — поинтересовалась она враждебно.

— О нашем с вами муже, — хмыкнула я, и лицо Николь вспыхнуло.

— Да вы!..

— Простите, — извинилась я искренне, — не удержалась. Раз вы так остро отреагировали на эту шутку, то вряд ли совсем к нему равнодушны, правда?

У нее обиженно дрогнули губы.

— Я... Я не понимаю, почему должна обсуждать это с вами!

— Причин целых три, — заговорщицки подмигнула я и взяла оторопевшую Николь под руку. Пахло от нее приятно, мятой и земляничкой. — Первая. Мы с Фицуильямом муж и жена только на бумаге. Вторая. Я собираюсь подавать на развод. Ну и наконец, третья. У нас с вами общая свекровь, которая попила немало крови нам обеим. Разве это не повод объединиться и совместными усилиями натянуть ей нос?

— Что? — слабо спросила она, растерянно моргая зелеными глазами.

— Давайте все обсудим за чаем? — предложила я, сжавшись.

Бедняжке явно требовалась передышка.

Она кивнула и позволила увлечь себя в чайный павильон. Донал заказал нам пирожных и свежего чаю, после чего понятливо сгинул, утащив заодно и упирающегося барона.

Пока официант накрывал на стол, мы с Николь болтали о пустяках. Не вести же серьезный разговор при посторонних! Мисс Тейт как воспитанная леди для начала заговорила о погоде. Я исподволь прощупывала ее, задавая вроде бы пустяковые вопросы, и быстро пришла к выводу, что она неглупа, хорошо воспитана и начитана. Чем же она свекрови не угодила?

Глупый вопрос. Старшая миссис Скотт не желала делиться властью, а Николь, в отличие от меня, живо интересовалась домашними делами.

Мы быстро договорились называть друг друга по имени, тем более что называть меня баронессой или миссис Скотт ей откровенно претило.

Видя, что ее терзает любопытство, я сжалась и вкратце поведала историю своего брака, старательно обходя скользкие вопросы вроде моей наследственности и истории Донала.

Николь хватило и этого. Она молча, кусая губы, выслушала мой рассказ и задала единственный вопрос:

— Фицуильям не откажется от титула?

— Нет, — созналась я, — вы же знаете, он слишком ответственный. Ему не нужен титул, но он не может бросить баронство.

Она опустила глаза, и я на правах новой подруги взяла ее за Руку.

— Послушайте, Николь. Он любит вас, а вы любите его. Неужели этого мало?

— А вы? — огрызнулась она, яростно размешивая сахар в остывшем чае. — Думаете, я не заметила, какими глазами вы с мистером Грином смотрите друг на друга? И скоро свадьба?

— Туше, — признала я, усмехнувшись. — И все-таки?

Она передернула плечами и подняла на меня чистый зеленый взгляд.

— Я не вернусь с Фицуильяму. Да, я его... — голос ее дрогнул, — я к нему равнодушна, но Фиц предпочел спрятать голову в песок, когда я отчаянно нуждалась в сто поддержке. Мне нужен муж, который сможет и, главное, захочет меня защитить. Понимаете, Маргарита?

— Понимаю, — признала я, глядя на нее уже совсем другими глазами.

Не такой уж нежной фиалкой она оказалась, и в пронизательности ей не откажешь, а что со свекровью тягаться не могла, так у той опыта интриг на четверть века побольше. К тому же у Николь была слабость — любимый муж, которого она не хотела расстраивать.

Мы так увлеклись разговором, что позорнейшим образом прогляпили появление в чайной новых лиц.

— Маргарита! — подбежав к нашему столику, вскричала Джорджина и захлопала в ладоши. — Ты непременно, непременно должна туда сходить!

На нее оборачивались, но она была в таком восторге, что ничего не замечала. Она села рядом, переложив мою сумочку на соседний стул.

— Джорджина! — прошипела Хелен, безуспешно пытаясь ее одернуть.

— Донна Аза — настоящая провидица! — громко восхищалась Джорджина, округлив небесно-голубые глаза.

— Кому и кобыла невеста, — съязвила выведенная из себя Хелен, устав от роли терпеливой старшей сестры.

— Ничего ты не понимаешь, — отмахнулась Джорджина, не дослушав. — Она все-все угадала, представляешь? Такой талант!

— Еще бы не талант, — огрызнулась Хелен, — получить столько денег за рассказ о том, что ты и так знаешь.

— Тебя послушать, все шарлатаны, — надула губки Джорджина, — а я ей верю!

Хелен лишь пожала плечами и отвернулась. С Николь они поздороваться не соизволили.

Мне захотелось выругаться. Как же они сейчас некстати! Николь мгновенно замкнулась в себе.

— Джорджина, таланты донны Азы действительно впечатляют, однако это не повод вести себя так неприлично, — осадил дочь важно вplывшая следом свекровь. Она не кричала, даже не повышала голос, но обе девушки тотчас испуганно примолкли. Дрессировка! — Маргарита, — кисло поприветствовала свекровь, подходя к Николь со спины. — Представишь меня своей подруге?

— Думаю, вы знакомы, — хмыкнула я.

Николь гордо вскинула голову, стиснув чашку в побелевших пальцах. Свекровь брезгливо скривила губы, глядя на нас так, словно уличила в преступном сговоре.

— Маргарита, дорогая, если тебе нужна подруга, я могу познакомить тебя с несколькими *весьма достойными* молодыми леди. Не знаю, что она тебе наговорила, но...

— Не беспокойтесь, — широко улыбнулась я. — Мы с Николь наверняка подружимся, у нас ведь так много общего!

Хелен молча кусала губы, Джорджина наблюдала за происходящим с детским любопытством.

Свекровь передернулась, а Николь вставила:

— Интересно же, как там поживает *мой* муж.

— Бывший муж! — поправила свекровь резко.

— Как знать? — парировала Николь, в запале позабыв о своих сомнениях. — Может, и будущий.

От такой отповеди свекровь на мгновение лишилась дара речи.

— Как ты смеешь!.. — начала она гневно. — Заверяю, Фицуильям найдет себе более достойную леди!

— Уже присматриваете третью невестку? — поинтересовалась Николь едко. На скулах ее рдел румянец, глаза сверкали. — Вы только по родословной выбираете или стати тоже важны?

Я чуть не захлопала в ладоши. Молодец, так ее! Наконец-то Николь набралась храбрости дать свекрови отпор.

— Дворняжка! — фыркнула свекровь, и Николь побледнела.

— Кто бы говорил.

— Мама, пожалуйста! — попросила Хелен, тронув родительницу за локоть.

Та раздраженно скинула ее руку:

— Помолчи, Хелен! — и повернулась к младшей дочери, сидящей с ненавистной невесткой за одним столом. — Джорджина, я запрещаю!..

— Простите, — перебила я, сообразив, что дамы вот-вот вцепятся друг дружке в волосы. Я бы не отказалась на это посмотреть, но барона расстраивать не хотелось. — Мы как раз хотели пойти к гадалке. Надо спешить, пока не началось представление!

И вскочила на ноги. Николь чуть заторможенно поднялась следом.

— Я провожу, — с готовностью вызывалась Джорджина. — Можно, мама?

И, не дав ей ответить, уволокла нас прочь от разгневанной свекрови. Лихо проделано.

Джорджина щебетала что-то восторженное, ведя нас под руки, как закадычных подружек. Угольно-черная палатка гадалки притулилась почти у края ярмарки, наособицу от других шатров. Позади нее уже виднелась кромка леса.

Толпа совсем поредела, превратившись из бурного потока в жалкий ручеек. До полудня осталось всего полчаса, и люди стекались к другой стороне поля, спеша занять места вокруг импровизированного ристалища.

— Тут! — выдохнула Джорджина, подталкивая нас с Николь в спины, как нетерпеливый муж — робкую новобрачную. — Ну, входите же!

— Мы, пожалуй, передумали... — начала я.

Очень уж подозрительно выглядело ее настойчивое желание затолкать нас внутрь. Вдруг там ловушка? Впрочем, что это я. Сама ведь хотела сунуть голову в пасть тигру!

Джорджина всплеснула руками, не дослушав.

— Донна Аза необыкновенная, честное слово! Маме тоже ужасно понравилось!

Ну-ну. Как по мне, свекрови угодить несложно — пообещай больше денег, хороших мужей дочкам и титул сыну. Надеюсь, Джорджине тоже пообещали счастливый — и очень скорый! — брак.

Эта донна Аза наверняка не промах (среди кочевников дураки не выживают) и попросту заранее разузнала, кто чем дышит. Скотты ведь семья известная, сплетен о них в округе наверняка ходит предостаточно.

— Может, стоит попробовать? — робко попросила Николь.

Я позволила себя уговорить, только украдкой проверила, на месте ли пистолет, и поискала глазами Донала. Не нашла и с тяжелым сердцем вошла следом за Николь.

Внутри шатер освещали лишь жаровня и единственная свеча. Сладковато-пряный аромат благовоний, тусклый свет, россыпь карт на цветастом платке и рядом — хрустальный шар. Из мебели — только низкий столик, по полу разбросаны разноцветные подушки.

Донна Аза, закутанная в яркие шелка, восседала на полу. Типичная степнячка: смуглая кожа, внушительная грудь, пышные черные волосы, на шее поблескивают золотые мониста, грубоватые пальцы унизаны перстнями. Только серег гадалка почему-то не носила. На вид донне Азе было лет сорок, хотя вполне могло оказаться и двадцать пять — женщины ее народа расцветают рано, зато и стареют быстро.

Гадалка подняла на нас густо подведенные глаза.

— Что угодно леди?

Голос у нее оказался низкий, прокуренный.

— Разве вы сами не знаете? — съязвила я, незаметно оглядываясь в поисках притаившейся опасности. Ничего подозрительного, именно это было подозрительно. — Вы же гадалка, должны прозревать истину.

Джорджина дернула меня за руку, а донна Аза величественно проигнорировала, обратив все внимание на растерянную Николь.

— Присаживайтесь, леди. — Она указала на красную подушку напротив и сунула в зубы потертую трубку. — Готовы ли вы приподнять завесу грядущего?

Какой дивный пафос! Прямо на зубах вязнет.

Николь покорно села, не жалея нарядного платья и шелковых чулок.

— Я пока прогуляюсь, — прощebetала Джорджина и испарилась.

Проклятье! Упускать ее из виду опасно, еще сбежит с каким-нибудь проходимцем, но и Николь одну оставлять нельзя. Впрочем, Джорджине уже не так страшно, сейчас или чуть позже — какая разница?

Хмыкнув, я опустилась на подушку рядом с Николь, которая заворожено уставилась на степнячку. Донна Аза уже «читала» по ее ладони, старательно шевеля губами и водя по линиям пальцем. Кого-то она мне напоминала, вот только кого?..

Гадалка что-то втолковывала Николь, лицо которой сияло восторгом и надеждой, а я все силилась понять, что же в донне Азе не так, что выбивается из образа? Когда я наконец сообразила, не удержалась от смеха. Ловко придумано!

Гадалка от неожиданности выронила колоду.

— Леди! — начала она с раздражением, сгребая рассыпанные карты. — Вы хотите лишить свою подругу предсказания?

Николь обернулась, обеими руками сжимая сумочку.

— Маргарита, я правда... — начала она виновато.

Поднявшись, я неторопливо отряхнула юбку, в упор глядя на гадалку.

— Что это у вас, донна Аза, уши не проколоты? И ногти такие короткие, неухоженные? Хотя это платье вам очень к лицу, Адам... Кстати, среди степняков не бывает голубоглазых.

Николь потрясенно открыла рот, но не проронила ни слова.

— Узнала-таки! — с досадой фыркнул тот, стаскивая парик и вытирая вспотевший лоб.

— Неужели только я одна?

Кажется, Хелен тоже догадалась, только кто бы ее слушал?

— Люди видят то, что хотят видеть, — философски изрек Адам, надев парик на кулак. Покрутил так и эдак, хмыкнул и развалился на подушках поудобнее.

В женской роли он был на редкость убедителен, прокололся только в мелочах. К тому же я привыкла машинально отслеживать характерные наследственные признаки, а уж светлые глаза при черных волосах встречаются так редко, что волей-неволей заинтересуешься.

— Значит, все-таки Джорджина, — тяжело вздохнула я.

Адам сделал вид, что не понял:

— Что — Джорджина?

— Бросьте, мистер Скотт. — Я прижала сумку к животу, готовясь в случае чего быстро выхватить пистолет. Николь недоуменно смотрела на меня, широко распахнув зеленые глаза. — Я уже знаю, что вы с Джорджиной любовники.

Николь ахнула. Адам, не смутившись, хмыкнул.

— Надо же. Только вы ошибаетесь, милая леди. Я эту романтическую дурочку и видел-то всего пару раз.

Я прикусила губу. Похоже, не врет.

— Тогда почему она нас сюда привела?

— Из-за моего таланта гадалки, конечно! — Адам поиграл бровями и насмешливо улыбнулся. — Хватило пары-тройки намеков на семейные тайны, и Скотты попались с потрохами. Старшая дочка вроде что-то заподозрила, она чуть поумнее, но маменька с сестрицей ее сразу заткнули.

Ушлый тип, еще и денег на этом сумел подзаработать. И никакого мошенничества!

Я подхватила под руку все еще заторможенную Николь.

— Для чего вы затеяли этот маскарад, мистер Скотт?

Адам насупился.

— От кредиторов прячусь. Раньше они ждали, пока я получу титул, а теперь активизировались. Довольны?

— Удачи! — пожелала я почти искренне.

Адам Скотт не самый приятный тип, конечно, но зла я ему не желала. Пусть живет долго и счастливо, только подальше от замка Мэлоуэн.

— Спасибо, — пробурчал он, нахлобучивая парик обратно. — Ну что, дамы, гадать вы, я так понимаю, передумали? Выдавать не будете? Спасибо. Тогда как будете выходить, позовите следующих клиентов.

Вдали от подземелья с призраками он вновь обрел беспримерную наглость.

Я потащила раздосадованную Николь к выходу.

После духоты шатра воздух снаружи был упоительно чист и свеж, хотя дневная жара уже чувствовалась. Вокруг было тихо и пустынно, только пронзительное пение рога вдали

собирало зрителей на «битву» и трое мужчин курили в сторонке. Увидев нас, один из них, огненно-рыжий, отрывисто кивнул и затушил сигарету.

Мы с Николь ойкнуть не успели, как нас окружили.

— Поболтаете с нами, милашки?

Я сглотнула. Попробуй откажись, когда у «кавалеров» ножи!

Николь закричала — вот уж не думала, что это изящное создание умеет так оглушительно визжать! — но крик тут же захлебнулся, когда ей грубо зажали рот.

— Тсс, птички. — Громила с перебитым носом обнажил в улыбке гнилые зубы. — Будете вести себя тихо — останетесь живы. Ясно?

Мы дружно закивали, и он нехотя убрал руку.

Изо рта у громилы воняло так, что он вполне мог обойтись без того ножика, которым щекотал белую шею Николь.

Где же Донал?!

— Спокойно, цыпочка, — неприятно усмехнулся рыжий. — Нам нужна только жена барона.

— Я?! — хором спросили мы с Николь.

Переглянулись, и я уточнила:

— Вам какая нужна? Она — первая жена, я — вторая.

И обе в зеленых платьях как на подбор.

Этот простой вопрос поставил бандитов в тупик. Они переглянулись.

— Вроде вторая. — Неприметный мужичок с бородавкой на щеке задумчиво почесал в затылке. — Он на эту рыжую показывал.

— Да бери обеих, — предложил громила и загоготал. — Две баронессы по цене одной. Прямо этот, как его... ацион.

— Аукцион, — поправил рыжий рассеянно. — Вот же пройдоха! Он не сказал, что их будет две.

— Он? — выпалила я. — Вы это о ком?

— С какой стати я должен вам объяснять? — Губы рыжего сложились в неприятную улыбку. — Вы сейчас пойдете с нами. И не надейтесь на помощь, *баронесса*. Вашему охраннику не до вас.

Усилием воли я подавила страх. Что они сделали с Доналом? Что вообще можно сделать с могущественным — и не совсем живым! — хранителем замка?

Выходит, меня хотят похитить? Ради выкупа или?..

— У нас нет драгоценностей. — Николь сглотнула и побледнела, но держалась молодцом.

— Денег тоже совсем немного, — поддержала я, пытаюсь выглядеть очень испуганной. Особо стараться не пришлось. — Я вам все отдам! Сейчас, сейчас...

И полезла дрожащими руками в сумку.

— Заберите у нее!.. — хрипло выкрикнул рыжий.

Поздно. Маленький дамский пистолетик уже смотрел ему в лицо.

— Рыбка-то зубастая. — Рыжий бесстрашно смотрел на меня. — Прямо щучка. Об этом он тоже *забыл* сказать.

— Пукалка! — фыркнул громила презрительно, но выхватывать у меня оружие поостерегся.

— Благоразумно, — одобрила я, отступая на шаг. — Пистолет зачарован, так что я не промахнусь.

— Так и будем стоять? — Рыжий не отводил глаз. — Долго?

— Сколько понадобится! — отрезала я и бросила, не поворачиваясь: — Николь, назад!

Патронов три, при разумном подходе хватит. Только где гарантия, что я не замешкаюсь и не сгрупплю? Я же научный сотрудник, а не хладнокровный убийца!

Пальцы отчаянно тряслись, коленки — тоже. Оставалось надеяться на обещанные Доналом чары.

— Давайте договоримся, — предложил рыжий, сплюнув. — Мы больше вас не трогаем, а вы дадите нам уйти. Устроит?

— Да, — согласилась я, немного подумав. — Если скажете, кто вас на меня натравил.

Хотелось по примеру Николь спрятаться за кого-нибудь и дрожать, вот только за кого?

— Давай я ее!.. — воинственно начал громила, сжав кулачищи.

Рыжий лишь досадливо отмахнулся и заломил перечеркнутую свежим шрамом бровь.

— Ваша взяла, леди. С чего нам его покрывать? Все придумал Адам Скотт. Мы хотели выбить из него долг, а он предложил расплатиться вами. Мы согласились, нам-то без разницы, с какого барона деньги брать, а у ловкача Адама и без нас кредиторов хватит.

Вот же!..

— Адам не знал, что мы к нему зайдем, — заявила я с уверенностью, которой не ощущала.

Он ведь мог и наврать насчет Джорджины.

— Ага, — гыгыкнул громила. — Представляю, как он обалдел, когда птичка сама в силки прилетела!

Главарь равнодушно передернул плечами.

— Адам на вас издали показал, мы за вами уже час присматриваем. Он же надоумил, как отвлечь вашего пса... Рано или поздно вы попались бы. Довольны?

Очень хотелось спросить о Донале, но я не стала. Слишком опасно. Рыжий отвлечет внимание, заболтает, а потом они разом на меня набросятся.

Нет уж, пусть уходят. Главное я узнала.

— Да, — кивнула я, по-прежнему целясь в рыжего. — Уходите.

Тип с бородавкой попятился, громила сплюнул, а рыжий хмыкнул, повернулся и преспокойно двинулся прочь, нахально подставляя спину. Понимал, что стрелять я не стану.

Главарь успел сделать целых три шага, когда на него соколом спикировала черноволосая тень в сине-зеленом килте и с диковато разрисованным лицом. Донал!

Он саданул рыжего рукоятью меча в висок, и бандит без звука осел наземь. Еще два почти незаметных глазу удара плашмя — и драка завершилась, толком не начавшись. На ногах остался лишь победитель.

Донал поднял на меня горящие серебристым светом глаза — и тут завизжала Николь, разрывая вязкую пугающую тишину.

— Тихо! — морщась от желания зажать уши, я дернула ее за плечо.

Она этого даже не заметила. Вопила и вопила на одной ноте, пока я, переложив пистолет в левую руку, правой не отвесила ей пощечину. Николь ойкнула и наконец умолкла. Она была бледна, как побелка, зрачки расширены, губы тряслись. Как бы не наговорила лишнего!

Вдали уже слышался чей-то топот.

— Тихо, тихо. — Я приобняла дрожащую Николь за плечи и заворковала ласково: — Все уже закончилось, никто вас больше не обидит. Все хорошо.

И сделала Доналу страшные глаза, чтобы он скорчил лицо попроще. Потусторонний свет из глазниц выдавал его с головой, синие знаки на лице тускло светились. Он же сейчас всю конспирацию порушит!

Донал хмуро кивнул. Минуту спустя, когда из-за соседнего шатра вылетели спотыкающийся Фицуильям, инспектор Макинтош, двое пыхтящих констеблей и доктор с саквояжем, Донал уже вполне уверенно притворялся человеком. Самой с трудом верилось, что пять минут назад от него искры сыпались и веяло жутью.

Почему-то держась за затылок, барон окинул поле боя ошалелым взглядом, увидел Николь и рванул к ней. Меня он при этом оттолкнул, как досадную помеху, и на ногах я устояла лишь потому, что подхватил Донал.

— Как вы, Грета? — шепнул он, обнимая меня. — Простите, я не успел.

Тело его было горячим, как печка, сердце бешено стучало, а руки заметно дрожали. Испугался за меня?

— В порядке, — пожала плечами я, тихо наслаждаясь его теплом и заботой. — Только потряхивает немного.

Донал чуть слышно перевел дух.

— Вам нужно горячего сладкого чаю.

Я украдкой покосилась на Николь, всхлипывающую в объятьях бывшего мужа, и согласилась:

— Нужно. Кстати, спасибо. За своевременное появление и еще за пистолет.

Донал взглянул на дамский пистолетик в моей руке и молча, без улыбки, кивнул. Взгляд его был темен.

Я отвернулась первой. Запихнула, не глядя, оружие в сумочку, нащупала платок, а когда вынимала его, что-то зашуршало. Я развернула записку, разгладила ее рукой и тихо, зло выругалась.

Донал молча отобрал у меня клочок бумаги с коряво наклеенным: «Последнее предупреждение!» На скулах брюнета заиграли желваки, и на месте анонимного автора я уже срочно покупала билет в кругосветное путешествие. Сойдут и джунгли или кишашие крокодилами реки — все лучше, чем разъяренный хранитель замка!

— Милорд! — Подбежавший доктор чуть не подпрыгивал от возмущения. — С такой травмой вам нужно лежать, а не бегать наперегонки с жеребцами!

«Жеребцы» — полицейские — отвлеклись от бандитов и польщенно заушмылялись.

— Ничего страшного, — отмахнулся Фицуильям, бережно обнимая Николь. — Я прекрасно себя чувствую!

И тут же пошатнулся. Николь испуганно вскрикнула, доктор засуетился.

— Что с бароном? — тихо спросила я у Донала.

— Дали по голове, — коротко ответил он. — Милорд потерял сознание, пришлось звать доктора и полицию.

Так вот как бандиты «отвлекли» Донала! Если барон в опасности, хранителя волей-неволей притянет к нему. Достаточно было отрядить к Фицуильяму парочку мордovorотов, свистнуть им в нужный момент — и дело в шляпе!

— Вы их поймали?

— Нет, — признался Донал хмуро. — В толпе я не мог...

Он умолк, а я понимающе кивнула. Не стал при всем честном народе «светить» особыми способностями.

Должна признать, недурной план, несложный и эффективный. Адам не дурак, жаль, что пошел по кривой дорожке.

— Миледи? — ворчливо окликнул инспектор Макинтош.

Я повернулась к нему, нехотя высвободившись из таких теплых и уютных объятий.

— Да, инспектор.

— Что эти люди от вас хотели? — Он кивнул на бандитов, туго спеленатых веревками.

Я округлила глаза.

— Похитить ради выкупа.

Николь всхлипнула.

— Тихо, тихо, — шепнул Фицуильям, баюкая блондинку в объятиях.

Его утешения оказались не в пример эффективнее моих, Николь тут же утихла и доверчиво склонила голову ему на плечо. Инспектор косился на сладкую парочку с подозрением. Представляю, что он там себе навоображал о нашей странной семейке. Кстати, надо же его обрадовать!

— Адам Скотт нашелся.

— Где? — Инспектор склонил голову к плечу.

— Там. — Я мотнула подбородком в сторону черного шатра. — Оpoznаете по пышным юбкам, голубым глазам и перекошенному парику.

Инспектор изменился в лице, словно подозревал, что я с испугу повредила рассудком, однако не осмеливался заявить об этом вслух.

— Он изображает гадалку, донну Азу, — сжалилась я. — Скрывается от кредиторов.

— Что?! — вытаращился на меня полицейский. — Да я же сам к ней... Кхе-кхе!

— Бандиты сказали, что это он их надоумил.

— Филиппс, — выговорил инспектор, натужно кашляя, и махнул рукой, — проверьте!

Констебль молча утопал, куда послали. Минуту спустя высунул голову из шатра и отрапортовал:

— Тут дыра в задней стенке прорезана, сэр. Удрал!

Инспектор потер горло и распрямил плечи.

— Упорхнула птичка, значит? Ничего, поймаем.

Да ради бога. Главное, чтобы он больше не искал Адама у меня под кроватью.

Вырваться с ярмарки удалось не сразу. Сначала Доналу пришлось все же отыграть роль вождя скоттов. Представление и так задержалось почти на час, организаторы рвали и метали.

На трибунах нас ждали свекровь с дочерьми. Хелен подавленно молчала, рядом с ней отирался унылый граф, которого маменька прочила ей в мужья. Он не отрывал зачарованного взгляда от декольте «невесты», и я всерьез опасалась, что она вот-вот швырнет в «жениха» чем-нибудь тяжелым. Джорджина же, сама невинность, делала вид, будто все это время паинькой просидела под моим присмотром. Куда она сбежала от гадалки, осталось тайной, но подозреваю, что на свидание, очень уж многозначительно вздыхала.

При виде разгневанной свекрови Николь попыталась было сбежать, но Фицуильям не дал.

— Пожалуйста, останься, — попросил он умоляюще, схватив Николь за тонкую руку.

— Я здесь не нужна, — ответила она, кусая губы. — Тут же семья, а я...

— Нужна! — возразил он твердо. — Очень нужна. Пожалуйста, останься.

И так зыркнул на маменьку, что она подавилась очередной колкостью.

Теперь бледный и покрывшийся испариной барон сидел в тенечке, а вокруг него суетились Николь и свекровь, бросая друг на дружку враждебные взгляды. Сестры Скотт хранили нейтралитет. Свекровь с ходу попыталась рекрутировать дочерей на свою сторону, однако они от призыва уклонились. Я в этой немой битве чувствовала себя не то рефери, не то нежелательным свидетелем, так что уже не чаяла сбежать обратно в башню, откуда недавно так хотела выбраться.

Пока на трибуне кипели эти незаметные постороннему взгляду страсти, на арене битва подошла к ожидаемому концу. Король со своими рыцарями победили, и вождю скоттов пришлось склонить гордую голову. Предсказуемо до зевоты, впрочем, публике нравилось.

Наконец мы погрузились в автомобиль. Свекровь при виде трогательного прощания Фицуильяма с Николь только насупилась. Скоттами я была сыта по горло, поэтому нагло уселась рядом с водителем. Донал покосился на меня и еле заметно, уголками губ, улыбнулся. Свекровь прошептала мне в спину что-то нелестное, однако силком выволакивать с переднего сиденья не рискнула. Не стоило испытывать пределы терпения Донала.

Так с молчаливого попустительства барона мы с Доналом могли поболтать хотя бы на обратном пути. Донал уверенно рулил, сестры нудно ругались вполголоса, свекровь пилила сына, пока он на нее не рявкнул. После этого в салоне настали мир, тишина и благоденствие.

Я погладила мягкую кожу сумки, в которой все еще лежал пистолет.

— И часто вы так на ярмарках развлекаетесь?

— Так — еще никогда, — хмыкнул Донал, покосившись на меня. — Но изображать вождя скоттов зовут нередко.

— Не обидно всякий раз проигрывать? — спросила я тихо.

— Ничего не поделаешь. — Он был спокоен, даже голос не дрогнул. — Саунсесскую битву мы проиграли, этого уже не изменить. Если честно, это больше похоже на игру. Все не по-настоящему, понимаете? Например, если бы я каждый раз перед битвой толкал такие пафосные речи, меня свои же пристукнули бы.

— Представляю. — Я невольно улыбнулась.

— Или этот странный профессор, — продолжил Донал насмешливо. — Он всерьез верит, что горцы заворачивались в килты, раскладывая их на полу. Пять метров ткани на каждого! У нас и домов-то таких не было.

Я прикрыла глаза, наслаждаясь его тихими рассказами и дующим в окно ветром. Насыщенная получилась семейная прогулка. Впрочем, какая семья, такие и прогулки.

Во дворе замка ко мне бросилась перепуганная Бетти.

— Миледи, идемте скорее! Там ваша кошка, ну та, черная... ей очень-очень плохо.

Внутри все оборвалось.

— Что?!

— Кажется, она умирает, — всхлипнула горничная.

— Так что же ты... — Я запнулась, вспомнив, что найти меня на ярмарке Бетти не могла. — Ветеринара вызвали?

Она покачала головой и покосилась на свекровь.

— Дворецкий сказал, без приказа нельзя.

Во рту стало кисло, и я сцепила зубы, чтобы не наговорить лишнего.

— Пусть срочно вызовет! Где она?

Бетти сделала книксен и улыбнулась сквозь слезы.

— В башне, миледи.

Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулась в полной уверенности, что Донал, однако это

оказался Фицуильям.

— Вы позволите помочь?

Позволю?! Да я его расцелую, только бы помог!

Прерывисто вздохнув, я резко кивнула.

— Пойдемте.

Даже не взглянув на притихших свекровь и золовок, я бросилась к Западной башне. Внутри клокотала злость вперемешку со страхом. Что, если поздно? Если промедление будет стоить Лисе жизни?

Я ворвалась в башню, взбежала по лестнице и рывком распахнула дверь. Лежащая у стола Марка подняла голову и требовательно мяукнула.

— Она забралась туда и не хочет вылезать, — виновато потупилась Бетти, комкая передник. — Ее... ну, тошнило. И не ест ничего.

Три нетронутых блюда — с молоком, паштетом и мелкой рыбой — наглядно это подтверждали.

Барон присел на корточки и заглянул под стол.

Лиса зашипела и, кажется, попыталась забиться поглубже. На ласковое «кис-кис» и «Лиса — умница» она не отозвалась, а когда я попыталась взять ее на руки, преобольно меня укусила.

— Может, позвать Донала? — Я посасывала ранку, кровь все никак не останавливалась.

Под ногами крутилась Марка.

— Для двоих тут мало места, — с этими словами Фицуильям стащил рубашку и полез под стол.

Последовало возмущенное «мя-а-ау!», и он триумфально вытащил спеленатую по всем лапам Лису. Она таращила зеленые глаза, надрывно выла на одной ноте и отчаянно брыкалась, готовясь дорого продать свою черную шкурку.

Вдвоем мы сумели ее обуздать. Хотя с демоном, наверное, управиться было бы проще.

Фицуильям ее осмотрел и подробно расспросил Бетти, хмурясь все сильнее и сильнее. Дворецкий лично принес ему докторский чемоданчик и теперь скорбной тенью маячил в уголке.

— Похоже на отравление, — заключил барон наконец и поднял на меня встревоженные голубые глаза.

Марка подлезла мне под руку и лбом боднула ладонь. Я машинально почесала ее за ухом.

— Съела что-то испорченное?

Он медленно покачал головой.

— Боюсь, что нет. Это крысиный яд. Дозировка совсем небольшая, думаю, кошка выживет. Обещаю, я сделаю все, что смогу.

Мне будто саданули кулаком в живот. Да у кого рука поднялась?! Неужели Адам? Зачем?

Лиса безвольно лежала на кровати, все силы растратив на глупое сопротивление. Я осторожно погладила ее слипшуюся на затылке шерсть.

Ну, держись, отравитель! Попадись мне только — по ДНК опознавать будут!

В бароне пропал отличный ветеринар. Действовал он ловко и умело: промыл кошке желудок, напоил рисовым отваром, потом еще каким-то лекарством — и даже не лишился глаз!

К вечеру я валилась с ног, Фицуильям совсем скис (что неудивительно после такого удара по затылку), зато Лисе стало лучше.

— Опасность миновала, — наконец заключил барон и растер ладонями усталое помятое лицо.

— Спасибо! — выдохнула я искренне.

Стоило немного успокоиться за судьбу кошки, и тут же навалилась усталость. Каменная спина, ноющая шея, сухость в глазах... Ну и денек!

Фицуильям покачал головой и, морщась, пощупал шишку на затылке.

— Это вам спасибо за все. И за помощь, и за... Николь.

Имя бывшей жены он произнес с такой нежностью, что я отвела взгляд, чувствуя себя так, словно стала свидетельницей чего-то интимного. Положим, с Николь действительно неплохо вышло, зато дальнейшим моим действиям он вряд ли обрадуется. Я твердо намерена выяснить все до конца.

Неловкую сцену прервал появившийся из стены Донал, который успел смыть боевую раскраску и сменить килт на обычные брюки. Я устроилась на кровати рядом с безмятежно дрыхнущими кошками. Дорого бы я дала за такую способность мигом забывать неприятности и продолжать радоваться жизни!

Донал быстро оглядел комнату и склонил голову перед сидящим в кресле бароном.

— Милорд, вы приказали сообщить, когда арестуют Адама.

Фицуильям встрепенулся.

— Поймали-таки!

Отличная новость! Адам должен ответить за все, что натворил.

— Даже допросили. — Донал бросил на меня непонятный взгляд. — Адам признал, что придумал план вашего похищения. Кстати, анонимку на вас написал тоже он.

— Вот же!.. — выдохнула я, не находя слов. Выходит, зря я винила Мэри?

Ну и гусь этот Адам! От призраков ушел, от полиции ушел... от кредиторов, правда, сбежать не сумел, но даже от них ловко откупился, подсунув меня взамен себя. У него почти получилось выкрутиться, но ключевое слово — почти.

Донал отрывисто кивнул. Перед полулежащим в кресле Фицуильямом он стоял навтыжку, и меня вдруг резанула эта сцена. Представляю, каково было Доналу склоняться перед изменницей-женой! Сейчас, кажется, он с подчиненным положением свыкся, хотя нет-нет, да и проглядывало в нем что-то... эдакое.

Зато для Фицуильяма все было в порядке вещей.

— Однако Адам отрицает свою причастность к проклятию, — продолжил докладывать Донал, — и к покушениям на вас, Грета.

Фицуильям чуть поморщился от такой фамильярности, но смолчал.

— Врет? — предположила я.

Думать было тяжело. Мысли словно плавали в густом киселе, и глаза удавалось держать открытыми лишь благодаря не затухшей окончательно злости. Эта сволочь пыталась убить несчастную кошку, только чтобы сделать мне гадость!

— Вряд ли, — возразил Донал уверенно. — Адам признался в куда более серьезных вещах, а от пожара и сброшенного камня никто не пострадал, проклятие тоже не причинило физического вреда. Так какой смысл скрывать?

— Чтобы свалить вину на другого. — Я потерла пальцами виски. — В этом он мастер.

— Сомневаюсь, — качнул темноволосой головой начальник стражи. — Адам сделал ставку на артефакт, зачем ему такой сложный и сомнительный запасной план? Зачем ему вообще покушаться на вас? Не говоря уж о, — Донал кивнул на сопящую Лису, — кошках? Тем более ни Адама, ни Мэри сегодня в замке не было. Так кто ее отравил?

Я скрипнула зубами.

— Зачем тогда он вообще затеял похищение? — удивился барон, выпрямившись. — Мог бы просто сбежать под шумок.

Донал заложил руки за спину.

— Не захотел бегать всю жизнь. План был неплох, только добыча оказалась зубастая. Кстати, мое восхищение, Грета, вы отлично справились.

Я слабо улыбнулась и кивнула, принимая комплимент.

— В голове не укладывается, что все это она проделала одна! Я-то считала, что Адам ее использовал.

— Она? — Барон повернулся ко мне всем телом. — Вы знаете, чьих рук это дело?

— Знаю. — Я смело посмотрела ему в глаза. — А вы действительно хотите это узнать?

— Вы ведь сомневались, — вставил доселе молчавший Донал.

— Теперь нет, — возразила я, похлопав по лежащей на прикроватном столике сумке. — Она зачарована от воров, помните, я говорила? Как же ее открыли, чтобы вложить записку?

Донал присвистнул.

— Хотите сказать, она?..

— Так! — Фицуильям саданул кулаком по подлокотнику и, чуть покачнувшись, поднялся. — Хватит с меня загадок. Говорите по существу.

— За ужином, — предложила я, напоследок погладив два пушистых загривка.

При виде нашей троицы свекровь подавилась чаем, Джорджина округлила кукольные ярко-голубые глаза, Хелен несмело улыбнулась.

— Добрый вечер! — с порога сказала я громко. — Приятного аппетита.

Свекровь, промокнув губы белоснежной салфеткой, заметила брюзгливо:

— Ты соизволила почтить нас своим присутствием? Что же, присаживайся.

И отправила в рот кусочек спаржи.

Сарказм пропал втуне. Я лишь хмыкнула, у меня были дела поважнее очередной перепалки.

— Мама, перестань! — потребовал барон, досадливо морщась, и жестом отослал лакея. — И, если ты вдруг забыла, хозяйка здесь как раз Маргарита.

Он сел во главе стола, Донал же застыл за спинкой его стула, как неподкупный страж. Бледная Джорджина без аппетита ковырялась в тарелке, а Хелен хмурилась и теребила кулон на шее.

Свекровь побледнела и чуть слышно звякнула чашкой о блюде.

— Фицуильям, до каких пор ты будешь мне об этом напоминать?

Я бы сказала «тыкать носом», но соваться в разговор благоразумно не стала. Вместо этого села на привычное место и налила себе кофе. Стоило взбодриться, прежде чем выложить благородному семейству свои подозрения.

— Пока ты это не запомнишь! — рявкнул барон так, что Джорджина испуганно вжала голову в плечи, а Хелен пролила чай на скатерть.

Свекровь поднялась — медленно, величаво.

— Как ты можешь разговаривать с матерью в таком тоне? — спросила она с тщательно дозированной смесью гнева и скорби.

— Мама. — Барон прикрыл глаза. — Давай сейчас не будем. У нас есть дела поважнее.

— Какие же? — осведомилась она столь холодным тоном, что я подивилась, как напитки не покрылись корочкой льда.

— Проклятие, — процедил Фицуильям. — И покушения на Маргариту. Да, мама, ее не раз пытались убить, а сегодня отравили ее кошку!

— Подумаешь, кошка! — фыркнула свекровь, и мне остро захотелось ее придушить.

— Подумаешь, Маргарита... — съязвила я вполголоса.

Хелен чай пошел не в то горло. Свекровь пронзила меня взглядом и наконец опустила обратно на стул.

— Ничего такого я не подразумевала, — парировала она с достоинством и чинно сложила руки на коленях. — Маргарита, дорогая, я понимаю, что ты из семьи... скажем так, другого уровня, поэтому тебе непросто приноровиться, однако...

— Другого уровня? — повторила я и залпом, как лекарство, выпила горький кофе. — Не смешите меня. У Скоттов столько скелетов в шкафах попрыгано, что благополучный фасад вот-вот пойдет трещинами.

Не говоря уж о том, что два года назад эти «аристократы» едва сводили концы с концами.

Она скорчила скучающую мину.

— Что за глупости! Если ты имеешь в виду ту старую историю, то ей уже триста лет.

— Не только. — Я бросила короткий взгляд на невозмутимого Донала и, сцепив пальцы, откинулась на спинку стула. — Рассказать?

— Помилуй, — сухо ответила свекровь, смочив губы в вине, — мы давно выросли из возраста, в котором слушают сказки!

— Я слушаю, — коротко бросил барон, отмечая попытки матери увести разговор в сторону.

— С самого начала было очевидно, — начала я медленно, чувствуя себя лектором перед студентами, — что эта история с проклятием, скажем так, камерная, только для своих. Вряд ли кого-то со стороны настолько интересовало баронство Мэлоуэн. Кровных врагов у Скоттов нет, об этом мне любезно рассказал Донал, наследников всего двое, причем оба — из побочных ветвей. Логично было приписать проклятие Адаму, но он придумал другой план, намного проще и легче в исполнении. Зачем городить огород с проклятием, которое то ли сработает, то ли нет? В конце концов, король мог отменить майорат, выдать замуж Хелен или Джорджину и передать титул их детям!

— Это все очень интересно, — скучающим тоном заметила свекровь, улучив паузу. — Но абсолютно...

— Мама, — одернул Фицуильям, не отрывая от меня внимательных глаз, — не сейчас.

Свекровь обиженно поджала губы, но умолкла.

— Других вариантов я с ходу придумать не смогла, — созналась я со вздохом. — Подсказка была только одна. Маг определил, что проклятие наложено непрофессионалом.

Я поморщилась, вспомнив, скольких усилий мне стоило выцарапать у барона заключение экспертизы.

Сделав глоток воды и чудом не подавившись под пристальными взглядами, я продолжила:

— Честно говоря, поначалу я подозревала вас, Фицуильям.

— Меня? — оторопел барон, ткнув себя пальцем в грудь.

— Что за нелепость! — Свекровь сделала утомленное лицо и возвела очи горе. — Фицуильям, дорогой, разве ты не слышишь...

— Помолчи, мама! — в очередной раз одернул барон и кивком велел мне продолжать.

Хелен с Джорджиной сидели тихо как мышки и выглядели до того пришибленными, что тянуло предложить им валериановых капель.

— Вы слишком явно уклонялись от моих попыток докопаться до истины. — Я развела руками. — Какое-то время я думала, что вы сами себя прокляли, подсознательно желая избежать баронства.

— Прямо как писал доктор Фейд? — не выдержала Хелен, наморщив нос. — В своей знаменитой книге «Психопатология в быту».

— Хелен! — одернула свекровь, бросив на дочь острый взгляд, и та прикусила язычок.

— Я этого не делал. — Барон потер лоб.

Выглядел он неважно: лицо посерело от усталости и осунулось, вокруг глаз залегли темные круги, а белки покраснели.

— Знаю, — согласилась я, наливая себе еще одну чашку кофе. — Потому что со времен Аннабель в роду Скоттов не было магов. И не будет, пока действует ее заклятие. Проклятие, даже неосознанное, под силу только магу, так что барон ни при чем.

От усталости язык у меня немного заплетался, однако мысли — от кофе и злости — были на удивление ясными.

Скотты молчали. Хелен перекатывала по тарелке оливку, Джорджина кусала губы, Фицуильям хмурился, а свекровь кромсала спаржу.

Я обвела семью взглядом.

— Миссис Скотт я тоже исключила почти сразу.

— Ну, знаешь ли! — Свекровь покраснела как помидор и так стиснула нож, что Донал беспокойно шевельнулся.

— Была у меня мысль, — спокойно продолжила я, пропустив ее слова мимо ушей, — что миссис Скотт пытается передать баронство от нелюбимого сына любимой дочери, — я с иронией улыбнулась вздрогнувшей Джорджине, — через Адама Скотта в качестве зятя. К такому союзу не придрался бы и сам король, в конце концов, титул остался бы в семье. Адам с Джорджиной слишком дальние родственники, так что никаких препятствий браку нет.

— Не собираюсь я за него замуж! — вскричала Джорджина, прижав руки к взволнованно вздымающейся груди.

— Знаю, — кивнула я. — Но версия получалась до того красивой и стройной, что я цеплялась за нее, даже когда выяснилось, что сообщницей Адама в замке была горничная Мэри. Потом Хелен заверила меня, что любовником Джорджины был вовсе не Адам, и он сам тоже...

— Любовником?! — перебила свекровь, со злости покрывшись пятнами. — Что за оскорбительная, нелепая, неправдоподобная чушь! Она девушка из *приличной* семьи!

Сама Джорджина столь убедительно изображала невинность — голубые глаза широко распахнуты, ротик приоткрыт, на милом личике ужас пополам с недоверием, что в иной ситуации я бы тоже поверила.

Ничего, сейчас сорвем маску с этой лукавой бестии.

— Одно из двух, — пожала плечами я. — Или Джорджина тайно вышла замуж, или завела любовника. Ребенка же ей не ветром надуло.

— Что-о-о?! — Свекровь схватилась за сердце, а сама Джорджина побледнела до зелени.

— Это точно? — только и спросил барон, сгорбившись.

Судя по обреченному тону, он уже поверил.

— Я ведь делала анализы на половые гормоны, — напомнила я сочувственно. — В таких вопросах трудно ошибиться. Для верности вы можете показать Джорджину врачу, срок небольшой, но...

Вот кому не позавидуешь, так это барону — ведь я озвучила далеко не все неприятные новости.

Свекровь вперила взгляд в смертельно-бледную младшую дочь, глаза которой заблестели от

слез.

— Джорджина, это правда?!

От ее голоса пробирали мурашки, точно мне горсть льда за шиворот сыпанули.

Джорджина вдруг задрала подбородок. Под угрозой врача отпираться она не могла.

— Что, если так?! Мы любим друг друга!

В этот момент мне стало почти жаль свекровь.

Она подалась вперед и вlepила дочери такую пощечину, что та едва не грохнулась на пол.

— Шлюха! Дрянь! Ты хоть понимаешь, что натворила? Теперь мне придется срочно искать тебе мужа! Хелен тоже надо пристроить поскорее, пока не просочились слухи! Мало нам было разговоров из-за проклятия!

Свекровь схватилась за голову.

— Не надо никого искать! — тихим, но твердым голосом возразила Джорджина, держась за щеку. — Мы с Майклом скоро поженимся.

Хелен прошипела что-то нелестное о мозгах Джорджины, свекровь потрясенно приоткрыла рот, Донал закатил глаза.

— Майкл?! — переспросил барон. — И давно вы с ним?..

Он выглядел так, будто мечтал прямо сейчас выпить яду, тихо отдать концы — и пусть дорогие родственники сами разгребают свои проблемы.

Джорджина залилась румянцем.

— С майского дня. Той ночью мы были вместе и...

— Не хочу этого слышать! — Свекровь зажала уши руками. — Моя дочь — шлюха!

— Ей ведь всего семнадцать, — пробормотал бледный и потрясенный барон, качая головой. — Как он мог? Не думал, что Майкл на такое способен, мы же с детства знакомы!

Как же, помню, сын соседа. Только даже без титула брата не ровня сын обычного механика Джорджине, а уж тем более когда Фицуильям стал бароном, а Майкл при нем водителем.

Даже я заметила, что Джорджина неровно дышит к Майклу (хоть и полагала, что одновременно она крутит роман с Адамом), один Фицуильям был слеп как крот.

— Брось, — громко фыркнула Хелен. — Дорогой брат, не надо валить с больной головы на здоровую. Джорджина за ним три года бегала... а он — от нее.

— Что? — вздрогнул Фицуильям. Потом, видимо, решил, что в сестре говорит злость (или ревность?), и нахмурился. — Хелен, это неправда.

Хелен расхохоталась.

— Неправда? Да она сама к нему в постель залезла! Вернее, на сеновал. Сама мне призналась, еще радовалась, дурочка малолетняя. Не понимала, что он спяну даже не понял, с кем спит.

— Ты просто завидуешь! — закричала Джорджина, сжав кулачки.

Хелен скривила губы.

— Было бы чему. Придумала себя любовь и радуешься. Тебе все равно, что мама теперь совсем закроет меня со своим графом!

— Прекратить балаган! — вдруг повысил голос Донал, и Скотты потрясенно умолкли. — Продолжайте, Грета.

Я благодарно кивнула, с трудом вспоминая, на чем остановилась. Ах да.

— Хелен вызывала меньше всего подозрений, хотя тоже могла бы связаться с Адамом. Но

зачем? Она ведь мечтала о путешествиях, приключениях, других странах, а не о вышивке, детишках и приглашениях на чай. Нет, это не Хелен.

— Тогда кто? — фыркнула свекровь, избегая смотреть на меня. — Всех членов семьи ты уже отменяла.

— Не всех.

Она закатила глаза.

— Только не говори, что это затеял какой-нибудь ублюдок моего мужа. Хватит с меня шлюхи-дочери!

— Перестаньте, — не выдержала я. — У вас самой рыльце в пушку, так что лучше помолчите.

Свекровь чуть не хватил удар, а барон покосился на нее и сдвинул брови.

Прежде чем мы успели опять отвлечься, я глубоко вздохнула — ой, что сейчас будет! — и выпалила:

— Это Джорджина. Она вас прокляла.

Фицуильям моргнул. Снова потер лоб, глядя на меня с затаенной надеждой, мол, ну же, скажи, что это глупая шутка!

Порадовать его мне было нечем.

— Зря мы думали, что проклятие наложили, чтобы завладеть вашим титулом. Главным было, чтобы вы его лишились! Полагаю, Джорджина хотела быть ровней Майклу, а ваш титул этому мешал... — И я добавила зачем-то: — Простите.

— Моя родная сестра?!

— Единоутробная, — поправила я, вздохнув.

— Что? — совсем растерялся он.

Бедняга, от таких известий опешить немудрено.

— Единоутробная. Мать у вас общая, а вот отцы разные.

Фицуильям перевел взгляд на свекровь, которая, казалось, вот-вот лопнет, как надутая через соломинку жаба.

— Разные отцы? — спросил он почти жалобно.

— Бред! — выплюнула свекровь, сжимая и разжимая кулаки. — Клевета!

— Анализы крови, — напомнила я, стараясь не замечать укоризненного взгляда Донала. Да-да, я взяла большую палку и разворошила змеиное гнездо. — По их результатам выходило, что у вас с Хелен один отец, а у Джорджины — другой. Образцы тканей ваших предков, взятые в усыпальнице, доказали, что вы с Хелен — Скотты по крови, а Джорджина — только по имени. Хотя подозрения у меня были и раньше — у Джорджины специфическая линия роста волос и сросшиеся пальцы на руке, а это наследуемые признаки. Из ниоткуда они взяться не могли.

Скотты дружно перевели взгляд на тонкие руки девушки, и она машинально сжала кулаки.

Я сделала глоток воды и продолжила:

— В семье Скоттов такого не было, а ведь артефакт Аннабель надежно закреплял все родовые признаки. Я не знала, что и думать, пока не получила анализы крови. Миссис Скотт, ваш любовник был магом, правда? Это от него девочка унаследовала такие таланты?

Все подавленно молчали, а потом вдруг Джорджина расхохоталась, тыча пальчиком в мать.

— Шлюха! Шлюха! — повторяла она, заливаясь смехом, и все никак не могла остановиться, пока я не вылила ей на голову стакан воды.

— Тебе вредно нервничать, — пояснила я, когда Джорджина потрясенно заморгала слипшимися мокрыми ресницами.

Не то чтобы мне было ее жаль, но младенец в придури матери не виноват.

— Мама, — Фицуильям обернулся к свекрови, которая выглядела так, будто по ошибке хлебнула уксуса, — это правда? Кто он?

— Как ты смеешь задавать матери подобные вопросы?! — взвилась свекровь, однако гнев ее выглядел настолько наигранным, что Донал покачал головой.

— Значит, правда. Еще раз. — Барон сжал голову руками. Бедняга, вот ему я от души сочувствовала. Он неплохой человек, пусть и немного слабохарактерный, а тут такие потрясения! — Значит, Джорджина унаследовала дар от *своего отца* и с его помощью прокляла меня?! Просто чтобы выйти замуж за Майкла?

— Думаю, да, — пожала плечами я. — Она опасалась, что я могу ей помешать, поэтому пыталась выжить меня из замка. Происшествие с озерным чудищем подкинуло Джорджине идею, и она решила меня запугать. На самом деле она не пыталась меня убить — правда, дорогая? — просто хотела, чтобы я убралась из замка и не мешала осуществлению ее плана.

— Глупо, — разомкнул губы Донал. — Джорджине Скотт, сестре барона Мэлоуэна, Майкл не ровня, но...

— Она не Скотт! — щелкнула пальцами я. — Верно. Видишь, Джорджина, все можно было решить намного проще.

Джорджина потрясенно приоткрыла ротик. Какая же она все еще девчонка! Потом сжала похожие на розовый бутон губы и приготовилась заплакать.

— Что вы такое говорите? — А голосок-то как дрожит! — Да, я люблю Майкла, но я ничего такого не делала!

— Не проклинала? — недоверчиво уточнил Фицуильям.

Она решительно помотала головой.

Я посмотрела на нее почти с жалостью.

— Ты зря подсунула мне на ярмарке записку. На моей сумке — чары от воров, слабенькие, конечно, но открыть ее кроме меня может только маг. Как раз перед вашим появлением в чайной я заглядывала в сумку и могу поклясться, что письма там не было. По дороге к гадалке его подложить тоже не могли, толпа уже рассосалась, и я бы непременно это заметила. Значит, ты воспользовалась суматохой, когда Николь спорила с миссис Скотт и все смотрели на них.

— Ты все это придумала, — всхлипнула Джорджина, из последних сил держась за образ милой безобидной глупышки, — потому что меня не любишь!

— Пусть так, — согласилась я легко. — Полиция разберется.

— Полиция?! — вскричала свекровь, прижав ладонь к груди. — Какая еще полиция? Это чисто семейное дело!

— Это преступление, миссис Скотт, — поправила я сухо. — Ваша дочь прокляла своего брата и покушалась на меня.

Свекровь скрестила руки на груди, решив отпираться до последнего. Понятно теперь, в кого Джорджина такая притворщица.

— Джорджина права, — парировала она. — Это все только твои домыслы.

Я хотела сказать, что мои догадки наверняка заинтересуют полицию, но вмешался Донал.

— Для проклятия нужна материальная основа, — заметил он ровно, не повышая голоса, но все почему-то умолкли. — Восковая куколка, прядь волос, что-то в этом роде.

Не устаю поражаться его эрудиции!

— Ну вот. — Я благодарно кивнула Доналу и перевела взгляд на барона. — Нужно поискать ее тайник.

Вместо барона вновь заговорил его верный страж:

— Скорее всего, он в комнате Джорджины. Вряд ли она рискнула бы прятать колдовские атрибуты где-то еще, слишком велик риск, что на них случайно наткнутся.

— Тогда поищем, — решил барон, поднимаясь, и устало, по-стариковски шаркая ногами, двинулся к выходу.

Остальные всей гурьбой последовали за ним, свекровь тащила младшую дочь за руку и на ходу выговаривала сыну:

— Фицуильям, неужели ты всерьез намерен вмешать в это дело полицию?

— Помолчи, мама! — одернул он таким тоном, что свекровь сочла за лучшее подчиниться.

Так ее!

В комнате Джорджины хотелось зажмуриться и выпить горький кофе, чтобы перебить зефирно-ванильную сладость обстановки. Говорить об этой девичьей спальне без уменьшительно-ласкательных суффиксов не получалось: сплошные подушечки, статуэточки, кружавчики, розочки и половички. Брр, как она тут еще диабет не заработала?

Хозяйка этого бело-розового ужаса чувствовала себя тут превосходно. Она вырвала руку из хватки матери и устроилась с ногами в розовом плюшевом кресле, обняв себя за колени. Тоже мне, принцесса в изгнании.

Незванные гости столпились в центре просторной комнаты, оглядываясь по сторонам. Хелен брезгливо морщила нос, свекровь поджимала губы, начиная, кажется, догадываться, что не стоило во всем потакать любимой младшенькой, Фицуильям прикрыл глаза рукой, не в силах вынести такого «великолепия». Один лишь Донал озирался спокойно и деловито, явно прикидывая фронт работ.

— С чего начнем? — нарушил тишину барон, откашлявшись. — Хелен, ты, случаем, не в курсе тайников сестры?

Та помотала головой и призналась с сожалением:

— Нет, она не настолько мне доверяла.

Надо же, у Джорджины хватило на это ума!

Я приподняла за уголок богато украшенную вышивкой и лентами подушку на кровати, но под ней оказался лишь томик сентиментальных стихов.

Донал еще раз огляделся, закатал рукава и молча принялся за дело...

Спустя полчаса поисков комната была похожа на лабораторию после набега студентов (если бывают на свете розовые лаборатории!) — все перевернуто вверх дном. Донал-то осматривал аккуратно, зато Фицуильям с вещами Джорджины не церемонился, желая хоть как-то сорвать злость. На мать и младшую сестру он даже не смотрел, очевидно сдерживаясь из последних сил. Трудно не понять, что миссис Скотт о способностях Джорджины знала — и прятала голову в песок, отчасти из слепой материнской любви, отчасти из страха, что правда о ее измене выйдет наружу.

Хелен, которая была меньше всех виновата, тем не менее ощущала предгрозовое настроение брата и всячески старалась ему угодить. Активно рылась в белье Джорджины, которое мужчинам было перебирать неловко, приказала подать чаю и даже лично принесла таблетки от головной боли.

В разгроме комнаты не участвовали только мы со свекровью, ну и, разумеется, сама хозяйка этого розового безобразия. Я решила не путаться под ногами и пристроилась на краешке кровати, которую переворошили в первую очередь. Свекровь же сторожила Джорджину, которая, кажется, дремала с открытыми глазами. Во всяком случае, вид у виновницы переполоха был настолько безмятежным, что поневоле закрадывались сомнения в успехе.

Минуты текли за минутами, почти вся комната была уже осмотрена, а никаких признаков магии найти не удалось. Впрочем, девичьих сокровищ не обнаружилось тоже, а такая сентиментальная особа наверняка бережно хранила ерунду вроде засушенных цветов или открыток. И непременно вела дневник!

Значит, тайник где-то есть, и вряд ли Джорджина постоянно куда-то бегала, чтобы осыпать

поцелуями памятную вещицу или перечитать любовное письмо. Он где-то рядом, вот только где?

Я так глубоко задумалась, бездумно следя за поисками, что не сразу расслышала требовательное: «Мяу!» Зато Донал на слух не жаловался и рывком распахнул дверь. Трехцветная Марка небрежно мазнула головой о его щиколотки и важно ступила через порог. Огляделась, принялась — и вспрыгнула на каминную полку, уставленную фарфоровыми собачками и балеринами.

Джорджина громко охнула, хотя хрупкие вещицы остались целы — Марка задела их разве что кончиком хвоста. Она грациозно перебежала в конец полки, села и вдруг царापнула лапкой стену. Еще раз. И еще.

— Мя-а-ау! — недовольно заявила она, сверкнув глазами на глупых людишек.

— Что там? — насторожился Фицуильям, хмуря светлые брови.

Донал молча шагнул вперед. Приложил ладонь к стене, прикрыл глаза, а через минуту сказал уверенно:

— Тайник. Прикрыт магией, тонкая работа.

Джорджина прикусила губу, невольно себя выдав. Начальник стражи сделал замысловатый жест, ткнул пальцем — и скрытая дверца послушно отворилась, негромко скрипнув петлями. Джорджина вжалась в кресло, а Фицуильям шагнул ближе. Хелен вытянула шею, пытаясь заглянуть внутрь. Свекровь же вцепилась в подлокотники кресла. Кажется, она до последнего надеялась, что доказать вину Джорджины не удастся.

Начальник стражи выгреб содержимое из тайника на сдернутую со стола скатерть (конечно же розовую) и разложил на кровати. Мы все, кроме Джорджины, сгрудились вокруг, даже Марка сунула любопытный нос. Донал поворошил кипу писем и открыток, поверх которой лежали мужские подтяжки, и вынул пухлую тетрадь с надписью: «Личный дневник». В самом низу была стопочка журналов, по-видимому, именно из них Джорджина вырезала слова для писем с угрозами. Там же обнаружился ящичек почти кукольного вида, запертый на солидный такой замок. Это несоответствие привлекало внимание, так что Донал отложил в сторону письменные откровения и взялся за ящик.

Возился он с ним недолго. Быть может, Джорджине такой запор и казался надежным, но в руках Донала он хрустнул, как яичная скорлупа.

— Ну, что там? — не выдержала Хелен, приподнявшись на цыпочках, чтобы хоть что-то разглядеть.

— Проклятие, — сказал Донал каким-то странным голосом.

Джорджина съезжилась в кресле, в наступившей тишине слышались ее тихие всхлипы.

На дне ящичка вещей было немного: кусок ткани с вышитой на нем геральдической розой Скоттов, окропленный кровью и безжалостно покротсанный ножницами; портрет Фицуильяма; прядь его волос, перевитая серебряной цепочкой. Странный набор, ничего не скажешь. Хотя я не маг, в этих премудростях не разбираюсь.

Барон стремительно повернулся к сестре. Встал напротив, сжав кулаки.

— Говоришь, ничего плохого не делала?

Она подняла зареванное лицо.

— Я не могу быть счастлива из-за твоего дурацкого титула! Вы с мамой совсем на нем помешались! Только и слышно: баронство, наследник, — передразнила она мать. — Я жить хочу! Слышишь, жить! Я не хочу, чтобы мама похоронила меня, выдав замуж за какого-нибудь богатого старика, как Хелен!

— Это мы еще посмотрим, — пробормотала Хелен строптиво.

Свекровь дернулась — и прикусила язык. Не лучший момент наставлять дочь на путь истинный.

— Почему ты не пришла ко мне? — выдавил Фицуильям. — Не поговорила честно?

— Я пыталась! — выпалила она, сжав кулачки. — Ты не хотел слушать. Ты вообще никого вокруг не слышал, думал только об этом проклятом баронстве!

Надо же, какие страсти. Выходит, Джорджина придумала все это в нежном возрасте пятнадцати лет? Одаренная девица, ничего не скажешь. Жаль только, что в этом семействе слишком часто шли по кривой дорожке, взять хоть Адама или Джорджину.

Или это тоже из-за заклятия Аннабель? Вряд ли, хотя оно тоже могло сыграть определенную роль. Нечего на магию кивать, если совести нет. Адам легко продал меня бандитам, Джорджина и того хуже — прокляла брата, который провинился разве что в недостаточном внимании к ее чувствам, разрушила его брак и едва не лишила титула и состояния.

Фицуильям швырнул на колени сестре колдовские принадлежности и потребовал сквозь зубы:

— Сними это! Немедленно!

— Я... — Джорджина прикусила губу, сжала кулачки и призналась, зажмурившись: — Я не умею! Я просто хотела... Просто пожелала, чтобы ты перестал быть бароном!

И горько заревела, жалобно всхлипывая и размазывая слезы.

Бедного Фицуильяма чуть удар не хватил. Из его горла вырвался не то рык, не то сип, потом барон тяжело осел на кровать и, сторбившись, обхватил голову руками.

Вот же дуручка малолетняя, вместо мозгов — сладкая вата! Таких дел наворотила, даже не задумавшись, как будут распутывать ее художества. Не зря же говорят: один дурак такого наворотит, что пятеро мудрецов не разберут.

— Донал, вызови полицию, — приказал Фицуильям хрипло, невидяще глядя на разбросанные по скатерти открытки с сердечками и цветами.

— Нет! — Свекровь решительно заступила дорогу начальнику стражи. — Фицуильям, дорогой, Джорджина ведь твоя сестра!

— Единоутробная сестра! — едко уточнил барон.

Свекровь чуть покраснела и попыталась подойти с другой стороны.

— Я понимаю, ты рассержен, но это не повод навлекать на семью скандал! Разве ты не понимаешь, это ведь позор и...

— Скандал? Позор? — медленно повторил барон таким тоном, что свекровь мгновенно заткнулась, глядя на сына с опаской, как на готового к прыжку тигра. — Мама, ты себя послушай! Что ты несешь?! Проклятие ведь подсудное дело, за такие вещи положена тюрьма!

Она негодуяще поджала губы.

— Согласна, Джорджина несколько увлеклась. Но это же не повод сажать ее за решетку! Я подберу ей хорошего мужа, просто предоставь это мне!

Зря. Я даже глаза закрыла, ожидая грозы. И она последовала.

Барон кричал так, что дрожали стекла. Хелен, побледнев, застыла с вытаращенными глазами, Джорджина сжалась в кресле, как озябший цыпленок, а свекровь будто превратилась в соляной столб. Я обнимала Марку, искавшую у меня защиты, и сдерживала желание заплодировать.

Фицуильям припомнил все. И вечные попреки, и травлю любимой, и попытки выжить меня, и... Обид у него накопился внушительный список, так что к концу прочувствованной речи бедняга охрип.

Наконец он выговорился, обессиленно упал в кресло и велел:

— Донал, позови Майкла.

— Зачем тебе этот растлитель?! — возмутилась свекровь.

Воистину, горбатого только могила исправит.

Хелен фыркнула, однако встревать не посмела.

— Ты же сама требовала выдать Джорджину замуж, — напомнил барон хмуро. — Честно скажу, я согласился на это только ради ее ребенка. Джорджине не помешало бы взглянуть на мир за пределами этой... конфетной коробки.

Фицуильям махнул рукой, и Донал испарился. Зато Джорджина тут же сбежала в ванную, чтобы умыться заплаканное лицо и поправить волосы.

Донал вернулся минут через десять, ведя встревоженного и растерянного Майкла с водительским кепи в руках. На Джорджину тот даже не взглянул, по-видимому еще не подозревая, что его ждет. Зато девушка смотрела на него такими глазами, что мне стало неловко. Очень уж откровенно она выставляла свои чувства напоказ.

При виде бардака в комнате Майкл вытаращил глаза и поморгал, но разгром не исчез.

— Сэр, — выдавил Майкл, — вы меня звали?

— Проходи, садись. — Фицуильям вперил в него такой острый взгляд, что Майкл занервничал. Без обычной своей открытой улыбки он казался старше.

— Спасибо, я постою, — отказался водитель, поспешно отведя взгляд от шелковых чулок с розовой вышивкой, небрежно брошенных на единственное свободное кресло.

— Майкл! — Фицуильям встал напротив и глубоко вздохнул. — Не буду ходить вокруг да около. Это правда, что ты переспал с моей сестрой?

Водитель оторопел. Густо покраснел — даже уши налились краской — и судорожно дернул кадыком.

— Я...

— На майский день, — подсказала Хелен и добавила язвительно: — Видите, я же говорила, что он даже не вспомнит.

На красивом лице Майкла последовательно отразились удивление, недоверие и, наконец, ужасная догадка.

— Так это была леди Джорджина?! Я... — Он прикрыл глаза, собираясь с духом. — Сэр, я не знал. Всем святым клянусь! Я тогда выпил лишнего и... Помню, была какая-то девица, сама пришла...

Он осекся и виновато посмотрел на чуть не плачущую Джорджину.

— Это неправда! Неправда! — повторяла она. — Зачем ты так?..

— Значит, ты за ней не ухаживал? — потребовал ответа барон.

Майкл замотал головой.

— Леди Джорджина — красивая девушка, но не про меня такая честь. Я — простой водитель, а она — леди.

— Ну какая разница, если мы друг друга любим? — вскричала Джорджина, вскакивая. — Теперь все будет хорошо, мы наконец сможем открыто быть вместе!

У Майкла сделалось страдальческое лицо. Кажется, ему хотелось малодушно попятиться перед таким напором чувств, и все же он себя пересилил.

— Вы это придумали, леди, — сказал он, глядя Джорджине в глаза, в которых снова закипали слезы. — Простите. Но сами подумайте, куда мне до вас? Рано или поздно вы встретите другого, вашего круга, и забудете меня. Это пройдет.

— Но я же люблю тебя!

Джорджина гневно топнула ножкой, а барон тяжело вздохнул и отодвинул сестру в сторону.

— Не пройдет. У Джорджины будет ребенок.

Майкл посерел. Прикрыл глаза и повторил:

— Я не знал.

— Верю, — кивнул Фицуильям, хмурясь. — Что теперь? Жениться будешь?

Майкл широко раскрыл глаза, недоверчиво глядя на барона.

— Жениться? — Он свел брови к переносице и решительно кивнул. — Да. Ребенок не виноват, что... Словом, я согласен.

Осчастливленным он не выглядел. Больше похоже было, что он выполняет неприятный, тяжелый, хоть и необходимый долг. Похоже, семейная жизнь мало будет походить на сладкие мечты Джорджины. И поделом. Слишком легкое наказание для нее, но я понимала решение Фицуильяма. Тащить свое грязное белье в суд решится не каждый, тем более что пятно ляжет на весь род. К тому же ребенок...

— Приданого дам мало, — предупредил барон сухо.

— Можете вообще не давать! — отрезал Майкл, расправив плечи. — Жену и малыша я сам прокормлю. Конечно, такого у нас не будет, — он обвел рукой бело-розовое великолепие, — но с голоду не умрем.

— Обстановку можно упаковать, — предложил Фицуильям быстро, не чая избавиться от этого сладкого ужаса.

— Нет! — с такой поспешностью отказался Майкл, что я прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

Фицуильям еще немного посверлил его взглядом, затем облегченно улыбнулся и протянул будущему зятю руку.

— Добро пожаловать в семью, — сказал он просто.

Майкл недоверчиво посмотрел на него, затем осторожно сжал своей лапищей холеную ладонь барона.

— Спасибо, сэр.

— Фицуильям, — поправил тот.

Донал кашлянул.

— Милорд, вы забыли рассказать еще кое-что.

И выразительно кивнул на ящичек с колдовскими «сокровищами».

— Точно. — На просветлевшее было чело барона снова легла тень. — В общем, Джорджина — ведьма. Необученная.

И никакого тебе толерантного «магичка». Хотя Джорджина натуральная ведьма и есть, а что выглядит невинным ребенком, так это даже хуже. Будь у нее длинный нос с бородавкой, кривые зубы и седые лохмы — любой бы трижды подумал, стоит ли с ней связываться.

Барон взглянул на ошарашенного водителя и тяжело вздохнул.

— Все-таки я дам за ней приданое и еще выделю денег на колледж. Джорджине придется учиться магии, чтобы она больше не натворила дел.

Донал тихо хмыкнул.

Свежеиспеченный жених подошел к улыбающейся сквозь слезы невесте, и они о чем-то зашептались, свекровь что-то втолковывала хмурой Хелен (должно быть, настаивала на срочном браке с графом, а дочь артачилась).

Отвлекая меня от наблюдений, Фицуильям подошел и присел рядом.

— Маргарита, — негромко и устало заговорил он, — простите меня за эти семейные дразги. Но кое в чем мама права. Скандал действительно не пойдет Скоттам на пользу. Не могли бы вы... словом, я прошу вас довести исследование до конца. Можно же хоть что-то сделать?

В голосе его слышалась обреченность.

— Я могу попробовать, — сказала я честно. — Только придется нанять еще и мага.

— Делайте, что считаете нужным, — приободрился барон, беря меня за руку. — Только... Не сочтите меня неблагодарным, но, может, вы могли бы заниматься этим не в замке? Я не хочу вас обидеть, но...

Он смешался и умолк.

— Вы переживаете, что подумает Николь, если я останусь здесь еще неизвестно на какой срок?

Фицуильям виновато кивнул.

— Хорошо. — Я сглотнула, стараясь не смотреть на застывшего у стены Донала с кошкой на руках (когда она успела к нему сбежать?).

— Спасибо. — Барон благодарно сжал мои пальцы и поднялся. — Завтра вас отвезут домой. Конечно же я распоряджусь доставить вам все необходимое оборудование.

Короткое слово «завтра» набатом гремело в ушах. Завтра я уеду, а Донал останется. Это оказалось неожиданно больно — знать, что мы вряд ли еще когда-нибудь увидимся.

Чтобы не думать об этом, чтобы не сорваться и не наговорить лишнего, я позвала виновницу своих бед.

— Джорджина!

Она обернулась. Смущенная, заплаканная, но такая счастливая, что мне стало противно. Она ведь уже и думать забыла о том, что наворотила! Получила вождеденного жениха, а дальше хоть трава не расти.

— Да?

— Зачем ты отравила кошку? — спросила я мрачно. — Все остальное я еще как-то могу понять, но Лиса-то тебе чем помешала?

— Да не травила я ее! — заявила она с досадой, кривя розовые губки. — Просто нашла дохлую крысу и решила подбросить тебе на порог. Ну как предупреждение.

Так вот в чем дело.

Лиса увидела крысиный трупик и принялась с ним забавляться, в процессе игры проглотив немного яду. Поэтому доза была такая крошечная.

Что же, все точки над «и» расставлены, и мне пора собираться в дорогу.

Я бесцельно бродила по лаборатории, которую мы обустроивали с такой любовью. «Мы». Короткое слово. Он и я, вместе.

Нет у нас никакого «вместе». Фицуильям открыто заявил, что мое присутствие здесь нежелательно, а Донал не может жить вне замка. Все просто, понятно и... безнадежно. Только почему мне так отчаянно хочется спуститься вниз, к Доналу, меряющему шагами коридор? Наверх он не шел. И не уходил.

Несмотря на поздний час, я поднялась в лабораторию — знала же, что не засну. Работа застопорилась, все валилось из рук. В очередной раз поймав себя на том, что бездумно пялюсь в лабораторный журнал, я плюнула, захлопнула его и сбежала по лестнице.

При виде меня начальник стражи замер, напряженившись, как кот перед прыжком.

— Идите спать, Донал, — попросила я, вцепившись пальцами в дверной косяк.

Он упрямо мотнул головой.

— Я должен вас охранять.

— От кого? — вздохнула я. — Джорджина обезврежена, Адам сидит в тюрьме.

Серые глаза Донала потемнели.

— Вы меня гоните?

Я с трудом вытолкнула короткое:

— Да.

Он резко наклонил голову.

— Прошу простить, миледи. Больше я вас не побеспокою.

И скрылся в каменной толще стен.

Закусив губу от иррациональной обиды, я поплелась наверх. Проглотила поздний ужин, не почувствовав вкуса, и сидела на подоконнике в спальне, уставившись в темноту и глядя прикорнувшую тут же Марку. Лиса на правах больной оккупировала кровать и развалилась поверх одеяла, выставив черное пузо.

— Как же я умудрилась так вляпаться? — шепнула я Марке, почесывая пушистый загривок.

— Мрр, — философски заметила кошка, дернув ухом, и приоткрыла один глаз.

Эту интеллектуальную беседу прервал хлопок двери внизу, а потом — торопливые шаги. Кажется, кто-то бежал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. И это не Донал — у него совсем другая походка, крадущаяся, почти кошачья.

Я только успела привстать, когда в спальню ворвался всклокоченный барон в стеганом халате поверх пижамы. Увидев меня, он просиял и распахнул объятия.

— Марго, любимая! Иди же ко мне!

Я попятилась. Вид у «мужа» был странный: глаза лихорадочно блестят, движения дерганые, на щеках — горячечный румянец.

— Фицуильям? Что с вами? Вы больны?

Даже если так, мог бы найти медицинскую сестру поближе, а не бежать ко мне через весь замок.

— Да! — охотно согласился он. — Любовью к тебе!

Он что, от Джорджины заразился?

— О Марго, любовь моя! — выдохнул он, шагнув ко мне. — Я так давно мечтал... мечтал... мечтал о тебе! Видел ночами твои рыжие кудри, в которые так восхитительно запустить пальцы! Мечтал прикоснуться, ощутить. О-о-о!

Он закатил глаза, не находя слов от восторга.

— Фицуильям, вы не в себе. — Я старалась говорить спокойно, но голос невольно дрогнул, когда я уперлась спиной в подоконник. Дальше отступать было некуда. — У вас жар.

— Я весь пылаю! — согласился он, притиснув меня к себе, и принялся покрывать мое лицо поцелуями, что-то восторженно и бессвязно бормоча.

— Отпустите! Отпустите же!

Я рванулась. Тщетно. Барон держал крепко и уже нетерпеливо нащупывал пояс моего халата. Меня захлестнула паника. Да он же сейчас меня попросту изнасилует! Извернувшись, я отвесила ему пощечину, но Фицуильям принял ее как ласку. Поймал мою руку и прижался к ладони губами.

— Маргарита, я так вас люблю!

— А я вас — нет! — и впечатала колено в самую уязвимую часть мужского организма.

Барон застонал, однако меня не отпустил. Наоборот, вжал в стену так, что я вздохнуть не могла.

— Марго, — выдохнул он, когда смог говорить, — перестаньте. Вы же моя жена!

И останусь ею навсегда, если сейчас не...

Додумать я не успела. Фицуильям, снова притиснувший меня к себе, вдруг дернулся, закатил глаза и осел на пол, потянув меня за собой. Тяжесть почти сразу исчезла — Донал стащил с меня бесчувственного барона и небрежно сгрузил на кровать. Затем он сорвал с балдахина шнур и начал сноровисто связывать барона по рукам и ногам.

— Что вы тут... — начала я, стиснув в кулаке ворот халата, и сама себя оборвала. Что за лепет? И так понятно, что Донал подчинился лишь для вида, а сам тайком за мной присматривал. — То есть спасибо!

Донал проверил крепость веревок и поднял на меня хмурый взгляд.

— Как вы себя чувствуете, Грета? Не тянет, скажем, его поцеловать?

И кивнул на лежащее тело.

— Вы с ума сошли? — опешила я. — Это барон обезумел, а не я. Кстати, что с ним?

— Вам обоим подмешали приворот.

Я так и села.

— Приворот?

— Миссис Скотт постаралась.

Она что, совсем с катушек слетела? Пошла ва-банк, надеясь любой ценой удержать это проклятое баронство? Интересно, она приворотным зельем раньше запаслась или на ярмарке купила?

Я с чувством выругалась, и в этот момент рядом застонал, приходя в себя, Фицуильям. Завозился, пытаюсь сесть, и лицо его вдруг озарилось неземным восторгом.

— Давно это с ним? — спросила я у Донала, опасливо отодвинувшись от буйного Фицуильяма, который извивался, как червяк, пытаюсь припасть губами к моему бедру.

— Началось после ужина, — сообщил Донал хмуро. — Сначала милорд еще держался, а теперь вот решил пойти на приступ башни, в которой обитает прекрасная дева. Это цитата.

— Бедняга не знал, что башню охраняет злой дракон, — пошутила я, передернувшись, и поднялась на ноги.

Выходит, защищая меня, Донал нокаутировал хозяина?

До затуманенных зельем мозгов Фицуильяма наконец дошло: что-то не так.

— Донал! — Он с трудом сфокусировал мутный взгляд. — Зачем ты меня связал? Приказываю немедленно...

Начальник стражи, коротко вздохнув, жажнул барона по затылку подсвечником, и тот без сознания рухнул обратно на кровать.

— Донал, что вы делаете?! — Я упала на колени рядом с Фицуильямом, прижала пальцы к его шее и облегченно вздохнула, услышав биение пульса. — Фух, живой! Зачем?..

Бедняге и так последнее время немало досталось, еще и по голове лупят все подряд.

Донал тем временем стащил с подушки наволочку и деловито засунул в рот барону. Затем шагнул вперед и взял меня за плечи.

— Я не могу нарушить приказ, Грета. Если барон прикажет вас держать — я должен буду держать. Эта проклятая магия заставит меня подчиниться. Понимаете?

— Понимаю. — Я сглотнула и откашлялась. — Поэтому вы лишили его возможности приказывать?

Донал кивнул.

— Надо было сразу так сделать, — заметил он с досадой.

Его ладони прожигали сквозь одежду, и от желания прижаться к нему покрепче меня удерживали лишь остатки здравого смысла и связанный барон, формально — мой законный муж.

— Я думала, вы не можете причинить вреда барону.

— Это не вред, — мотнул головой Донал. — Можно сказать, сплошная польза, если учесть, что сейчас он не в себе.

Ну да, мало ли что Фицуильям может натворить в таком состоянии? Но Донал так его приложил...

— А если бы вы нечаянно его убили?

Брюнет странно улыбнулся.

— Я бы умер вслед за ним. Проклятие бы со мной расправилось.

— И вы так спокойно об этом говорите?!

Донал дернул плечом.

— К демону такую жизнь. Грета, вы действительно не чувствуете ничего странного?

— Нет! — заверила я с чувством, мало что соображая от усталости и пережитого потрясения. Даже нескольких потрясений, и все — за один день. — Я невосприимчива к таким зельям и алкоголю, это побочный эффект благословения.

— Хвала богам! — Донал прикрыл глаза.

Марка вспрыгнула на постель и с опаской обнюхала бесчувственного гостя.

— Я не знаю, как долго будет действовать приворот, — продолжил Донал тихо, — поэтому вам лучше уехать прямо сейчас. Собирайтесь, я вас отвезу.

Я решительно кивнула. Скоттами и замком Мэлоуэн я была сыта по горло!

Мы ускользнули под покровом темноты, оставив связанного барона петь серенады полной луне за неимением объекта страсти. Надеюсь, он скоро придет в себя и хорошенько наподдаст маменьке!

Кровожадные мысли, впрочем, быстро исчезли, сметенные целым ворохом насущных проблем. Пробираться тайными ходами оказалось не так-то просто, хотя Рэм вновь вызвался служить фонариком. Он летел впереди, следом легко бежала Марка, для которой все происходящее было забавным приключением, а позади шли мы с Доналом. Он нес вещи, а я — спящую Лису и сумку Хелен. Документы и деньги, которые она оставила мне на хранение, я решила прихватить с собой, чтобы в дальнейшем вернуть законной владелице уже вместе с билетом на паром и рекомендациями.

Я совсем потерялась в своих чувствах, страхах и надеждах, поэтому забывала смотреть себе под ноги и то и дело спотыкалась. Донал подхватывал меня, не давая упасть, и тут же отдергивал руки, будто обжегшись. На выходе их подземелий призрак с нами распрощался. Донал оставил меня с кошками на чемоданах, а сам подогнал автомобиль.

Час спустя мы уже подъезжали к городу. Безлюдные в этот предрассветный час улочки словно стелились под колеса, а сердце билось, отсчитывая мгновения до скорой разлуки. Тук-тук. Тук-тук. Секунда за секундой, метр за метром. И вот уже автомобиль затормозил у знакомой калитки.

Донал открыл мне дверцу, выставил на дорожку вещи и корзинку со спящими кошками. Город был тих и безлюден. Небо на востоке уже начинало светлеть, до рассвета оставалось не больше получаса.

Фонарь освещал застывшее, будто неживое лицо Донала, прислонившегося спиной к автомобилю. Легкий ветерок доносил приторный запах цветущих у калитки роз, от которого к горлу подступала тошнота.

Я знала, что нужно попрощаться. Выговорить лживое: «До свидания», — отвернуться и нажать кнопку звонка. И медлила. Я не хотела, чтобы он уходил, а он не мог остаться.

Донал заговорил первым, избавив меня от мучительного подбора слов:

— Вы ведь больше не вернетесь в замок?

Я зябко передернула плечами, хотя ночь была теплой.

— Меня туда теперь на аркане не затащишь.

Он кивнул, принимая ответ, и скрестил руки на груди.

— Если вам что-нибудь понадобится... мои показания, например, дайте мне знать, хорошо?

Я покачала головой.

— Не надо. Фицуильям хочет, чтобы эта история осталась в семье, пусть так и будет.

Он помолчал, потом дернул плечом и выговорил глухо:

— Мы с вами видимся в последний раз, поэтому я могу сказать. Я полюбил вас, Грета. Я понял это той ночью, когда увидел вас с бароном в башне. Я был не вправе вас ревновать, и все-таки я... я взбесился.

— Донал...

— Прошу вас, не перебивайте. Я не умею красиво говорить, просто хочу, чтобы вы знали. Я отдал бы все, чтобы вы остались со мной. Беда в том, что у меня ничего нет.

Сердце выскакивало, заходясь в сладкой боли.

— Я...

Стремительно шагнув вперед, он приложил палец к моему рту.

— Ш-ш-ш! Молчите. Если вы скажете хоть слово, я не смогу уйти. Но я должен! Я раб проклятого замка, с этим ничего не поделаешь. И простите меня.

— За что? — удивилась я вопреки его просьбе.

— Вот за это.

Наклонившись, Донал прижался губами к моим губам, и я на мгновение замерла, ошеломленная своей реакцией на эту простую ласку. Обняла его за шею и ответила. И я говорила, что не понимаю прелести поцелуев?! Так сладко, так отчаянно, так... безнадежно.

Судорожно вздохнув, он отстранился и долгую минуту смотрел мне в глаза. Впитывая. Запоминая.

— Прощайте, — выдохнул Донал. — Любимая.

Потом хлопнула дверца авто, взревел мотор, взвизгнули шины. И я осталась одна — со своими вещами, кошками и сомнениями, пока в доме не вспыхнул свет и не хлопнула калитка. Джули, заспанно потирая глаза кулаком, широко зевнула и спросила:

— Эй, Грета, ты в порядке? Кто это тебя привез? Ретт говорит, с тем парнем что-то не так, по моей части. Жаль, я его в прошлый раз толком не разглядела.

Из-за спины сестры выглянул встревоженный Ретт, наш семейный призрак, удерживая за шкуру такую же призрачную псину. За пределы участка нашим призракам ходу нет, открыть зачарованную дверь он тоже не в силах, вот и позвал Джули.

— Мисс Грета, вы как? — вторил он. — Стоите и стоите, в дверь не звоните.

— Это был Донал Грин. Страж, верный пес и так далее моего, так сказать, супруга.

Я скривилась, вспомнив попытку муженька исполнить супружеский долг, невзирая на мое активное сопротивление.

— И?.. — приподняла брови сестра и поправила растрепанные волосы.

— Может, ты меняпустишь? — хмуро осведомилась я. — Я сегодня глаз не сомкнула, а денек

выдался тот еще. Кофе хочу — умираю.

Джули наставила на меня указательный палец.

— Если пообещаешь мне все рассказать, то сварю тебе по своему фирменному рецепту.

— Обещаю, — пробурчала я, протискиваясь в калитку мимо нее. — Я вернулась домой, так что времени на разговоры у нас вагон.

Джули и призрак переглянулись, радости на их лицах почему-то не прибавилось.

— Я тогда пойду! — с этими словами призрак растворился в предутреннем мареве.

Зато Джули осталась, даже помогла занести чемоданы и сварила кофе с коньяком, а потом устроилась напротив, намекая, что напиток придется отрабатывать.

— Расскажи подробнее, что это за брюнет, с которым вы так страстно прощались? — осведомилась она, размешивая сахар в чашке и болтая босыми ногами. — Ретт говорит, он не человек и не дух.

Кто бы сомневался, что вредный призрак подсматривал!

— Угу. — Я сделала вид, что люблюсь рассветом. Глаза защипало. — Он хранитель замка и заодно — рода Скоттов. Не по собственной воле, его заставили участвовать в каком-то ритуале.

— Так-так-так! — оживилась сестра. — Как интересно. Давай рассказывай!

Я набрала в грудь побольше воздуха и начала говорить...

— Все-таки ты дура! — честно сказала сестра, выслушав мою сумбурную исповедь. — Диплом защитила, кандидатскую чуть не зубами выгрызла, а любовь отстаивать не хочешь?!

— С чего ты взяла, что это любовь? — насупилась я, глотнув кофе.

Сестра похлопала меня по плечу.

— Потому что ты поглупела. Это верный признак!

— Издеваешься? — вздохнула я.

— Есть немного, — согласилась Джули. — Ведь эта Аннабель была обычной магичкой!

— Сильной магичкой, — хмуро поправила я, крутя в пальцах ложечку.

— Пусть так, — легкомысленно отмахнулась сестра, играя пояском халата. — Все равно. На любого хитрого мага найдется маг похитрее.

Я встрепенулась.

— Думаешь?..

Джули повела плечиком.

— Думаю, что вы двое зря пали духом. Если он тебе нужен, этот твой Донал...

— Нужен! — подтвердила я решительно.

— Тогда действуй, — посоветовала сестра серьезно. — С магией я помогу, с остальным тебе придется разбираться самой.

— Завтра позвоню Стефану, — решила я, признавая правоту Джули. — И где-то у меня записан телефон судьи Ричардса, старого мамино друга. Кстати, ради такого дела можно и папины связи подключить.

Я задумалась, прикидывая план действий. Если подойти к задаче с умом, она может на проверку оказаться не такой уж невыполнимой! Нужно только поставить цель, составить план и определиться со средствами и методами...

Замок Мэлоуэн, два месяца спустя

Замок еще спал. Солнце только-только взошло. Хотя на календаре был уже сентябрь, погоды стояли еще по-летнему жаркие, даже ночью было душно. Многие окна были распахнуты настежь, так что громкое пение труб наверняка услышали и слуги, и хозяева, и даже призраки в склепе.

Я поморщилась — вблизи этот звук выносить было тяжело — и вгляделась в выбегающих во двор людей. Охранники даже пикнуть не посмели, когда им под нос сунули бумаги с королевской печатью, и теперь растерянно переминались в сторонке.

Пахло медом, корицей и яблоками от многочисленных корзин, расставленных у стены кухни. Должно быть, кухарка как раз собиралась наготовить пастилы и джема на зиму.

Я невольно сглотнула слюну (вставать пришлось в несусветную рань, и позавтракать я не успела) и украдкой осмотрелась по сторонам. В замке почти ничего не изменилось, хотя тут наверняка десятилетиями ничего не меняется.

Трубы зычными медными голосами собирали всех обитателей Мэлоуэна от мала до велика. Во дворе их поджидал важный королевский судья в мантии и парике, окруженный целым сонмом секретарей, приставов и прочей мелкой бюрократической шушеры.

Последними вниз спустились заспанный барон и Хелен в кое-как надетом платье. Больше в замке господ не осталось — Джорджина и Майкл, сыграв очень скромную свадьбу, уехали обживать свой крошечный коттедж на другом конце страны. Поглядим, как ей понравится пресловутый рай в шалаше. Барон скрепя сердце также выделил небольшую ренту матери при условии, что ноги ее не будет ближе чем на сто миль от замка. Зато в Мэлоуэн зачастила Николь, и злые языки поговаривали, что скоро она снова превратится из мисс Тейт в баронессу Мэлоуэн.

Через неделю после моего побега я получила покаянное письмо от Фицуильяма. Барон приносил свои глубочайшие извинения за ту безобразную сцену, заверял, что такого не повторится, и убеждал в своей готовности выплатить любую компенсацию и признать любой иск. Чем я, кстати говоря, и воспользовалась.

Я ответила в духе «кто старое помянет — тому глаз вон», и между нами даже завязалась переписка. Фицуильям по первому требованию прислал копию письменного признания свекрови с подробным описанием обстоятельств нашей с ним «свадьбы», а также подтвердил, что брак фактически был заключен только на бумаге. В общем, был вежлив и предупредителен.

Два месяца, пока длились юридические проволочки, тянулись бесконечно. И вот наконец я снова в замке. Я стояла чуть в стороне, рядом с немилосердно зевающим королевским магом (жизнерадостным типом лет пятидесяти) и двумя бойкими журналистами, которые что-то строчили в блокнотах.

Слуги косились на меня и перешептывались. Бетти сделала книксен; дворецкий неодобрительно поджал губы; повариха широко улыбнулась. Барон, не посвященный в мой план, даже дернулся подойти, но вовремя сообразил, что это будет расценено как неуважение к высокому суду. Хелен растерянно хлопала глазами, толком не проснувшись. Мы с ней виделись на прошлой неделе, обсуждали последние детали ее грядущего путешествия, но о своих делах я и словом не обмолвилась. Сюрприз!

Донал застыл за спиной барона, не в силах оторвать от меня глаз, и даже не услышал оклика Фицуильяма. Лишь когда тот раздраженно повторил, Донал встряхнулся и отвел взгляд.

Трепетали на ветру знамена, важничали разодетые королевские чиновники и гвардейцы в парадной алой форме, ярко блестели медные трубы.

Рев труб умолк, и вперед выступил осанистый королевский глашатай.

— Слушайте, люди замка Мэлоуэн, и не говорите, что не слышали! Мы прибыли сюда, чтобы объявить волю его величества!

Люд почтительно внимал, временами переглядываясь и перемигиваясь. Фицуильям, побледнев, вытянулся по струнке, Хелен сжала кулаки.

Глашатай развернул церемониальный свиток с сургучной печатью на веревочке и, откашлявшись, зачитал:

— Отныне и впредь волей его величества род Скоттов лишен титула баронов Мэлоуэнов. Отныне и впредь род Скоттов лишен земель, владений и привилегий.

В толпе разнесся гул, но быстро стих, когда гвардейцы ударили о булыжники древками алебард.

— Высочайшей волей его величество повелел убрать с герба баронов Мэлоуэнов полосу bend sinister, тем самым смыв с рода баронов клеймо незаконнорожденности. Отныне и впредь, — продолжил глашатай, никак не реагируя на перешептывания, — титул барона Мэлоуэна вместе со всеми причитающимися владениями и привилегиями передается человеку, сейчас именуящему себя Донал Грин.

Что тут началось! Гвардейцам еле-еле удалось навести порядок. Слуги смотрели на барона — уже бывшего — с сочувствием, кухарка даже всплакнула.

Я же хмыкнула, вспомнив, что мне растолковал мамин знакомый судья. При желании историю Донала можно было продать журналистам, но этот вариант я оставила на крайний случай. Газеты раструбили бы на всю страну, что древнего вождя скоттов триста лет держали в рабстве. У горцев сейчас и без того неспокойно, так что скандал на эту тему был бы королю очень некстати. Его величество сделал ход конем, и теперь репортеры в красках распишут, как он мудр и справедлив.

— Фицуильяму Скотту, — повысил голос глашатай, — передается в личную собственность конный завод, находящийся на землях баронства.

Вперед выступил Донал. На меня он больше не глядел, все внимание уделяя только судье в пышном парике с буклями.

— Ваша честь, я хочу отказаться от титула.

— На каком основании? — поинтересовался судья, поправляя мантию. — Его величество был потрясен этой историей. Вы стали жертвой запретного ритуала и принуждены были много столетий служить роду Скоттов. Да, рабом вас сделала Аннабель, зато ее потомки ничего не предприняли, чтобы это изменить. Королевский суд тщательно проверил эти сведения, и они подтвердились.

— Мы думали, что ведется расследование только по Адаму, — подал голос Фицуильям, но его проигнорировали.

Донал дернул щекой.

— Я ведь почти призрак, зачем его величеству такой барон? К тому же я хранитель рода Скоттов и без служения им просто развоплощусь.

— Позвольте с вами не согласиться! — живо вмешался маг, подавшись вперед. Мантия туго обтягивала его упитанный живот. — Да, вы хранитель, однако при определенных условиях можете получить свободу. Правда, при этом вы лишитесь своего бессмертия. Тут ничего не поделаешь.

Донал выпятил подбородок и упер кулак в бедро.

— Заклятие Аннабель завязано на крови.

— Вот именно! — воздел палец маг. — Она привязала закливание к крови вашего сына. Любопытное решение, хоть и рискованное. Зато это закливание можно точно так же снять!

Донал нахмурился еще сильнее.

— В Скоттах моей крови капля, они не подойдут.

Слуги внимали этому захватывающему разговору, раскрыв рты. Еще бы, такие интригующие подробности!

— Не проблема, — отмахнулся маг. — Заклятие спадет, когда ваша жена родит сына. Зачать его желательно в месте его привязки, учтите. Кстати, молодой человек, — повернулся он к Фицуильяму, — о вашем проклятии я тоже наслышан. Жаль, что мне уже не доведется его исследовать.

— Почему? — чуть заторможенно удивился Фицуильям. Его можно понять, такие новости с утра пораньше.

Злым он не выглядел, скорее ошарашенным и... да, приятно удивленным. Сбылись мечты несостоявшегося ветеринара! И от доуки-баронства избавили, и конный завод пожаловали. Живи и радуйся. Осталось только жену заменить, но за этим дело не станет.

— Потому что целью было лишить вас титула, — важно объявил маг. — Собственно, форму — то есть бесплодие — проклятие выбрало само. Но теперь-то вы не барон! Так что проклятие исполнилось и больше не причинит вам вреда. Кстати, — маг прищурился, пристально разглядывая Фицуильяма, — оно уже не действует!

Взгляд Донала метнулся ко мне. И когда я увидела в нем смятение вместо привычной холодноватой отстраненности, сердце мое забилося часто-часто.

— У меня нет жены, — выговорил он через силу.

— Ну вот, так всегда! — в шутку возмутилась я. — Сначала к алтарю тащат, а потом говорят: «Я не я, и жена не моя»...

Донал ответил диковатым взглядом.

Судья, поспешно спрятав улыбку, махнул помощнику. Тот шустро передал Доналу какой-то свиток.

— Ознакомьтесь, барон Мэлоуэн. И на вашем месте я не стал бы отказываться от замка. В конце концов, вам же нужно где-то поселить молодую жену! — И судья все же усмехнулся в седые усы.

Донал пробежал глазами витиеватый текст. Моргнул и прочитал еще раз, уже вдумчивее. Поднял на меня глаза — и я задохнулась от того, сколько чувства в них было.

Я ведь знала, что там написано. Сама об этом просила.

Его величество в бесконечной своей доброте и милосердии повелел считать запись в церковных книгах ошибочной и сменить имя моего мужа с «Фицуильям Скотт, барон Мэлоуэн» на «Донал Грин, барон Мэлоуэн». Барона на барона, обмен по курсу.

В конце концов, Донал ничуть не хуже Фицуильяма. И, главное, никакой свекрови! Отличный кандидат.

— Это невозможно, — произнес Донал растерянно.

Казалось, он боится поверить в сбывшийся сон.

— Почему же? — Судья притворно нахмурился и приосанился. — Вы стояли у алтаря с этой женщиной?

Он театрально указал на меня, и Донал выдохнул:

— Да!

— У вас был приказ Фицуильяма Скотта, барона Мэлоуэна, сделать это?

— Нет.

— Значит, вы не были его представителем, — хмыкнул судья. — И наконец, Донал Грин, вы хотите быть мужем Маргариты Саттон?

Вместо ответа Донал шагнул ко мне. Долгий взгляд глаза в глаза, а потом он подхватил меня на руки. Я только охнула, очутившись в его объятиях.

— Тогда на основании воли его величества объявляю вас мужем и женой! — торжественно провозгласил судья, внося запись в услужливо подsunутую книгу регистрации.

Разрешения поцеловать невесту Донал не дожидался. Приник к моим губам, и мы так увлеклись, что судье пришлось несколько раз откашляться, прежде чем новоиспеченный муж меня отпустил.

— Понимаю ваше нетерпение, — хмыкнул судья. — Но, надеюсь, вы сначала распорядитесь,

чтобы нас устроили отдохнуть с дороги.

Донал мотнул головой, точно пытаясь вытряхнуть из нее блаженный сладкий туман, и заверил, что посланцев его величества всегда рады принимать в замке. Особенно — с такими новостями.

В подвал нас провожали всей толпой. Судейские позволили уговорить себя остаться на спешно организованный свадебный пир, и теперь подвыпившие гости гурьбой увязались за хозяевами.

Пораньше сбежал только Фицуильям, но его можно было понять — он ведь торопился к Николь! Поначалу мне было перед ним неловко, но он выглядел таким счастливым, сбросив ярмо баронства, что угрызения совести быстро перестали меня грызть.

С песнями (не всегда в лад, зато от души) нас проводили до подземелья, где несли караул призраки. Они же обеспечивали праздничную иллюминацию и тишину, потому что при виде призрачных хранителей гости разбежались, даже слегка протрезвев.

Рэм произнес короткую прочувствованную речь, в ответ Донал его поблагодарил и... вежливо попросил удалиться. И не подсматривать! Призрак хихикнул и испарился, за ним исчезли остальные.

Донал остановился у пустого саркофага, не выпуская меня из рук.

— Знаешь, — сказал он хрипло, — я как-то иначе это себе представлял.

Знакомство у алтаря, суд вместо таинства венчания, холодный камень вместо брачного ложа? Во всяком случае, оригинально.

— Знаешь, — передразнила я, погладив его по щеке, — я тоже иначе представляла свою свадьбу. Но какая разница? Главное, что с тобой.

Вместо ответа он жарко меня поцеловал.

Опомнились мы, когда из одежды на мне осталась только фата. Остальные вещи были кучей свалены на пол. Донал осторожно снял с меня невесомое облако кружев и, как-то криво улыбнувшись, кивнул на по-прежнему усыпанный цветами розовый куст в изголовье гроба.

— Прикрыть? Чтобы она не подсматривала.

— Вот еще! — фыркнула я, обнимая его за шею. — Пусть смотрит и завидует, что такого мужчину упустила!

Часть пятая

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Замок Мэлоуэн, год спустя

— Миледи, — поскреблась в дверь Бетти. В лабораторию она старалась не входить, потому что до дрожи боялась моих подопытных крыс. — Лорд Грин просил напомнить вам, что ужин через час.

— Угу, — буркнула я, не отрываясь от микроскопа. — Я буду... скоро буду.

Да что за ерунда?! Если отец черный, то черная шерсть у потомства доминирует. Но с этим черным самцом и рыжей самкой я получила уже пятнадцать поколений крысят, и три четверти каждого помета — рыжие!

Я билась над этой загадкой уже демоны знают сколько и твердо намеревалась в ближайшее время докопаться до сути.

Решила сделать окрашивание по Стейснеру, и что вы думаете? Ни одного доминантного гена, вообще ни одного! Может, я что-то напортичила? Сейчас сделаю повторно...

Наученная горьким опытом горничная еще немного потопталась на пороге и позвала на подмогу Донала. Он появился в Западной башне через пятнадцать минут с маленьким Аланом на руках.

— Чем тут занята наша мама? — проворковал муж, укачивая младенца. — Она нас кормить думает?

Алан тарачил сонные серые глазки и причмокивал.

Может, надо было все-таки соглашаться на кормилицу? Не отвлекали бы меня от экспериментов. Хотя какой смысл рожать детей, если будешь видеть их раз в день?

Я разогнулась, помассировала кулаком ноющую поясницу и протянула руки к сыну.

— Иди к маме, дорогой.

Донал передал мне малыша и походя поцеловал меня в кончик носа. Я расстегнула лабораторный халат и пуговички на блузке, и сын присосался к вожделенному источнику молока. Это надолго, аппетит у него папочкин... А я пока в микроскоп загляну. Что там у нас? Отлично, почти все клетки уже окрасились. И опять тот же результат!

— Не получается? — верно истолковал муж мой досадливый взгляд на клетку с крысами, которым на цвет потомства было наплевать. Кормили бы вволю и спариваться не мешали.

— Нет, — призналась я. — Ерунда выходит. Не может этот признак быть полностью рецессивным, в природе так не бывает!

— Магия? — предположил Донал, прислонившись плечом к стене.

Сначала я хотела отмахнуться, потом нахмурилась.

— Слушай, точно! Тогда все сходится. Но кому понадобилось проклинать крысу?!

— Хороший вопрос. — Донал забрал сына и ловко помог ему срыгнуть.

— Из тебя вышла отличная нянька, — пошутила я.

Донал обернулся и изогнул темную бровь. Даже младенец на руках не лишал его суровой мужественной красоты.

— Я же не зря столько лет был хранителем, в детях кое-что понимаю.

— Особенно в том, как их делать, — зажмурилась я, вспомнив кое-что из прошлой ночи.

Хорошо, что благословение пока угомонилось, не спеша штамповать нам детишек одного за

одним. Ничего не имею против еще парочки маленьких Гринов, но не прямо же сейчас! Защита докторской не за горами, ее и так трудноато сочетать с ритмом жизни кормящей мамы.

Донал только хмыкнул и оперся бедром о подоконник.

— Тебе пора собираться. До ужина осталось четверть часа.

Я застонала, кося глазом на брошенную работу, и спросила со слабой надеждой:

— Может, я все-таки закончу? Мне совсем немного осталось!

— В прошлый раз твое «немного» заняло часа три, — безжалостно отрезал Донал. — А нас гости ждут. Фицуильям обещал, что они прихватят с собой Майкла с малышкой Майрой.

Это не замок, а детский сад! Фицуильям и Николь с новорожденной Грейс, Майкл с дочкой, мы с Аланом... Конечно, нянек в замке предостаточно, один Рэм стоит пятерых. Но разговоры так или иначе будут крутиться вокруг коллик, первых зубов и прививок. Тоска смертная!

И тут в голове у меня что-то щелкнуло.

— Слушай, а ведь в прошлый раз парочка крыс сбежала из клетки и попала в ручки Майре!

— Способная девочка, — хмыкнул Донал. — Вся в маму.

— Да уж. Дайте боги сил Майклу.

Какое счастье, что у нашего сына нет магических способностей!

Я потянулась к микроскопу, который со страшной силой манил проверить догадку.

— Ужин, — напомнил Донал.

Я застонала громче и уронила голову на руки.

— А можно притвориться больной? — жалобно спросила я. — Чем-нибудь заразным. Чумой, например.

— Тогда в следующий раз я приглашу старшую миссис Скотт, — пригрозил Донал, сдвинув брови. Его выдавал только веселый блеск глаз. — У нее есть домашние средства от всех болезней.

— Николь тебя убьет, — парировала я. — Потому что свекровь опять будет ее воспитывать и клянчить что-нибудь для Джорджины.

Бедный Фицуильям! Мне-то на бывших свекровь и золовку плевать с высокой колокольни, а ему — сплошное расстройство.

Джорджина, как и ожидалось, в замужней жизни разочаровалась быстро. В ее любимых романах почему-то не учат, к примеру, стирать и торговаться с мясником, и младенцы на картинках выглядят умиительно, не пачкают пеленки и не кричат ночами...

Майкл из сил выбивался, чтобы обеспечить семью и накопить на собственную автомастерскую, но едва маленькой Майре стукнуло три месяца, как непутевая мамаша ее бросила и сбежала с заезжим полковником.

Подозреваю, что Майкл вздохнул с облегчением: дочку он обожал, а капризы жены выносил с трудом. Хотя работа и младенец — это непросто, тем более для одинокого отца. Хорошо хоть с разводом проблем не возникло.

В конце концов Донал с Фицуильямом предложили ему открыть мастерскую на паях. Донал выделил кусок земли, Фицуильям вложил кое-какие деньги, и работа закипела. Майкл снял милый коттедж неподалеку от дома Фицуильяма и Николь, и теперь они жили практически одной большой семьей.

Маменька бывшего барона поначалу затаилась, однако вскоре осмелела. Она звонила со слезами, то жалуясь на беспросветную нужду, то прося повидать внучек... Фицуильям разок уступил и разрешил визит, но маминих обещаний хорошо себя вести хватило ровно на два дня. Уже на третий она попыталась напоить Грейс микстурой собственного изготовления и намекнула, что только у совсем никудышной матери дети болеют дольше двух дней.

После этого на уговоры и мольбы о встрече Фицуильям больше не велся, но не оставлять же маму помирать с голоду! Потом он случайно узнал, что мама тайком посылает половину своего содержания Джорджине, которую бросил ее полковник. С тех пор он перестал давать матери деньги на руки, только оплачивал аренду коттеджа и счета.

О Джорджине он больше даже слышать не хотел, особенно когда эта дурочка отмочила новую глупость — приворожила неверного любовника и прокляла соперницу. И, разумеется, на этом попалась! Только на этот раз никто не собирался закрывать глаза на ее фокусы.

— Мне пора, — заявил Донал и вручил мне сонного Алана. — Отнесешь его в детскую. Это чтобы ты не вернулась к микроскопу, как только я выйду за порог.

Я хмыкнула — все-таки хорошо он меня изучил! — и обняла сопящий сверточек из пеленок и одеяльца, пахнувший ребенком и молоком. Сказала в спину уходящему мужу:

— Я тебя люблю!

Обернувшись, он улыбнулся так нежно, что у меня сладко заныло в груди.

— Я тебя тоже.

И привычно шагнул в стену.

Глухое «бум», и Донал отшатнулся, шипя сквозь зубы и потирая ушибленный лоб.

— Да чтоб тебя! — Он пнул ни в чем не повинную стену.

Я прикусила губу, чтобы не расхохотаться.

— Что, нелегко быть простым смертным?

— Ничего, оно того стоит, — серьезно ответил Донал и уже вполне по-человечески сбежал вниз по лестнице.

Хмыкнув, я выключила свет. Ужин так ужин, всего-то часа три. Подумаешь!

Алан захныкал во сне, засучил ножками и успокоился, только когда я осторожно чмокнула его в забавно наморщенный лобик.

Спи спокойно, мой самый интересный эксперимент...